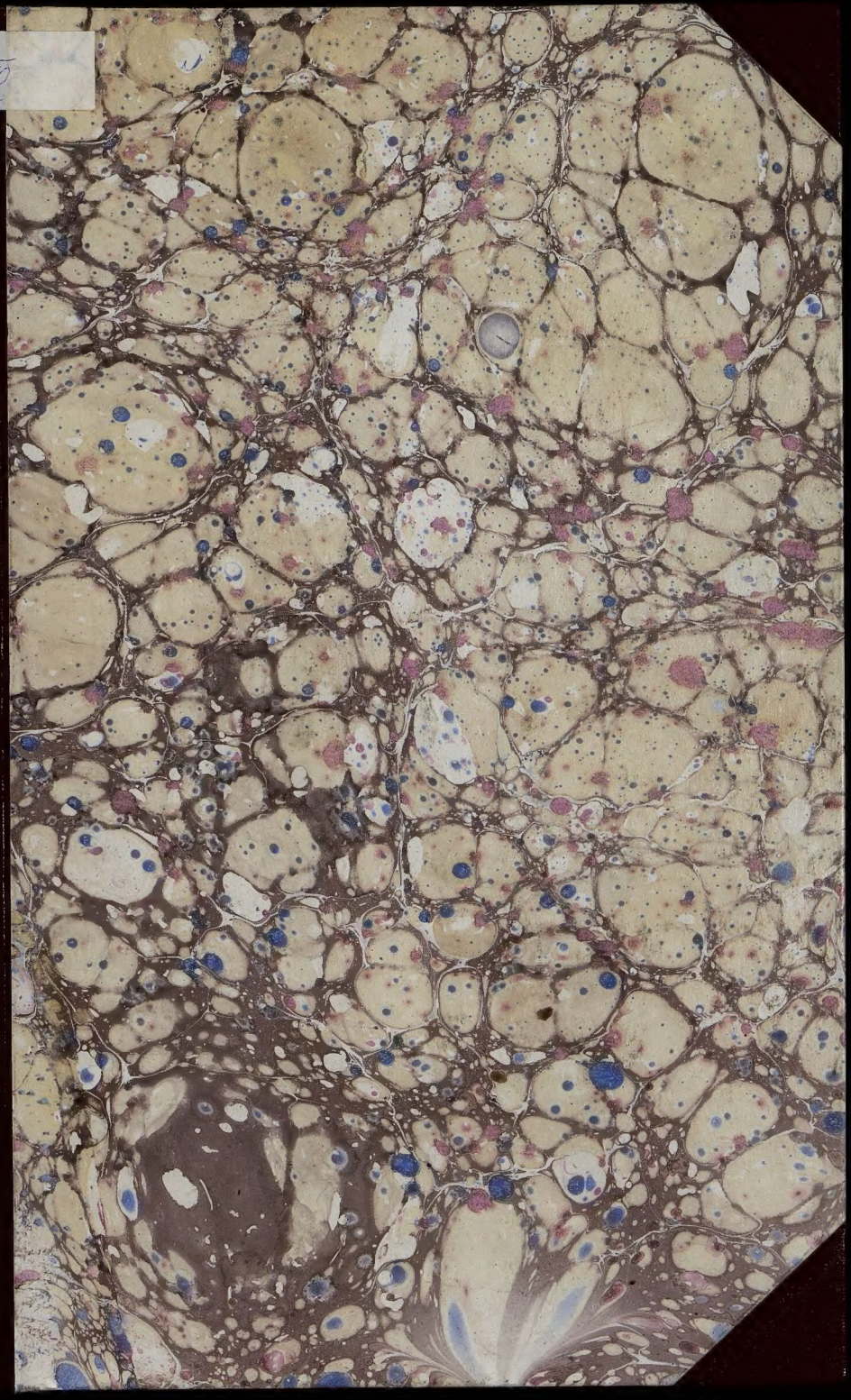
И 32 50
5л. карт

В.Ф.
1



И32 50

33/879

ШЕЛОНСКАЯ ОПЕРАЦІЯ

ЦАРЯ ІОАННА III ВАСИЛЬЕВИЧА

И

ШЕЛОНСКАЯ БИТВА ВЪ 1471 ГОДУ 14 ІЮЛЯ.

Военно-историческое изслѣдованіе ординарнаго профессора Императорской Николаевской военной академіи и дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества,
А. К. БАІОВА.

78/1

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. Имп. Ник. воен. акад. Суворовскій пр., 32-б.
1915.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
872479 n V

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая работа является слѣдствіемъ поставленнаго на очередь вопроса объ отысканіи поля сраженія Шелонской битвы 14-го іюля 1471 года. Этотъ же послѣдній вопросъ возникъ въ 1912 году по иниціативѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ виду очереднаго Археологическаго съѣзда въ Новгородѣ въ 1914 году. Переданный въ Императорское русское Военно-историческое Общество вопросъ объ отысканіи мѣста Шелонской битвы подвергся тщательному обсужденію въ Разрядѣ военной Археологіи и Археографіи.

Разрядъ призналъ крайне желательнымъ возможно полное изслѣдованіе этого вопроса какъ съ точки зрѣнія военно-археологической, такъ и военно-исторической.

Избранная Разрядомъ особая комиссія, подъ моимъ предсѣдательствомъ и въ составѣ *Н. М. Печенкина* и *Н. И. Рѣпникова*, выработала программу изслѣдованія.

Утвердивъ эту программу, Разрядъ военной Археологіи и Археографіи, поручилъ ея выполненіе по части археологической *Н. М. Печенкину*, а по части военно-исторической—мнѣ.

Шелонская битва является конечнымъ актомъ похода Великаго Князя Іоанна III Васильевича на Новгородъ въ 1471 году, что въ связи съ недостаточностью матеріала, могущаго представить непосредственныя данныя для опредѣленія мѣста Шелонской битвы, ставитъ отысканіе этого мѣста въ большую зависимость отъ хода всего похода.

При такомъ положеніи вещей и имѣя въ виду крайній интересъ, съ военно-исторической точки зрѣнія, похода 1471 года, я и призналъ необходимымъ заняться изслѣдованіемъ этого, одного изъ замѣчательныхъ образчиковъ военнаго искусства нашей сѣдой старины, въ полномъ объемѣ.

Главнѣйшимъ матеріаломъ для моего изслѣдованія послужили наши лѣтописи и результаты подробнаго изученія, личной развѣдкой, мѣстности съ военной точки зрѣнія.

Произведенное *Н. М. Печенкинымъ* тщательное археологическое изслѣдованіе вѣроятнаго раіона поля Шелонской битвы, къ сожалѣнію, не дало благопріятныхъ результатовъ. Однако, это изслѣдованіе представляетъ собой громадный интересъ, такъ какъ исчерпывающе рѣшаетъ затронутый *Н. М. Печенкинымъ* вопросъ, хотя и съ отрицательнымъ конечнымъ результатомъ. *Н. М. Печенкинъ* любезно разрѣшилъ мнѣ напечатать его изслѣдованіе въ видѣ приложенія къ настоящему труду. Это придаетъ моей работѣ бо́льшій интересъ и дѣлаетъ ее значительно полнѣе.

Считаю долгомъ принести *Н. М. Печенкину* за его разрѣшеніе мою глубокую благодарность.

А. Баіовъ.

Шелонская операція Великаго Князя Іоанна III Васильевича и Шелонская битва 14-го іюля 1471 года.

Причины войны 1471 года.

Давнишнее стремленіе русскаго народа, какъ проявленіе національнаго самосознанія и религіозной общности, объединиться политически въ результатѣ къ половинѣ XV вѣка привело къ образованію двухъ политическихъ центровъ, Великаго Княжества Московскаго и Великаго Княжества Литовскаго.

Оба эти государства всѣми мѣрами старались собрать вокругъ себя отдѣльныя русскія области.

При такихъ условіяхъ существованіе мелкихъ политическихъ единицъ стало невозможнымъ и въ борьбѣ за свое существованіе, хотя бы и не самостоятельное, каждой изъ нихъ необходимо было присоединиться къ одному изъ двухъ могущественныхъ государствъ. Этотъ вопросъ приходилось рѣшать и Новгороду, тѣмъ болѣе, что Московскіе князья давно уже усиленно стремились къ полному подчиненію себѣ Новгородцевъ.

Ко времени царствованія Іоанна III Васильевича въ Новгородѣ сложилось двѣ партіи, совершенно различно относившіяся къ вопросу о подчиненіи Москвѣ, отъ которой въ это время Новгородъ находился уже въ большой зависимости, явившейся слѣдствіемъ давнишнихъ войнъ Новгорода съ Москвой и особенно—походовъ на Новгородъ Великихъ Князей Дмитрія Донского и Василія Темнаго.

Одна партія была боярская, другая—народная.

Во главѣ первой стояла Марфа Посадница, усиленно пропагандировавшая сближеніе съ Литвой и предлагавшая отдать себя подъ власть Казиміра IV, Великаго Князя Литовскаго, и просить его, чтобы онъ далъ Новгороду князя «изъ своея державы» и чтобы митрополитъ его, Григорій, посвятилъ избраннаго Новгородцами епископа послѣ смерти архіепископа ихъ, Іоны, въ свое время посвященнаго митрополитомъ Московскимъ.

Важнѣйшей причиной, заставившей эту партію настаивать на приглашеніи Казиміра, было желаніе не потерять свое вліятельное положеніе и получить тѣ привилегіи, которыми пользовалось боярство въ Литовскомъ государствѣ.

Боярская партія отлично понимала, что сохранить свое господствующее положеніе въ Новгородѣ она въ состояніи будетъ, только подчинившись Литвѣ; надежды отстоять самостоятельность Новгорода отъ Москвы въ борьбѣ съ нею одинъ-на-одинъ не было никакой: слишкомъ несоразмѣрны были ихъ силы.

Народная партія, напротивъ, стремилась къ соединенію съ Москвой, такъ какъ въ этомъ видѣла во-1-хъ, залогъ возможности сократить боярскій произволъ, во-2-хъ,—обезпеченіе и развитіе Новгородской торговли, и въ 3-хъ, возможность сохраненія православной вѣры во всей ея чистотѣ.

На почвѣ указанныхъ разногласій между обѣими партіями въ Новгородѣ начались смуты, дошедшія до крайности.

Въ концѣ концовъ боярская партія одержала верхъ и съ Казиміромъ былъ заключенъ договоръ. Договоръ этотъ подтверждалъ прежнія вольности Новгородцевъ, обязывалъ Казиміра защищать Новгородъ отъ Москвы и ставилъ Новгородъ въ религіозномъ отношеніи въ зависимость отъ митрополита Литовскаго.

Намѣстникомъ Казиміра въ Новгородѣ сталъ Острожскій Князь, Михаилъ Олельковичъ, который, однако, пробылъ въ Новгородѣ всего 4 мѣсяца и еще до начала войны 1471 года уѣхалъ искать Кіевскаго наслѣдства послѣ смерти старшаго своего брата, Семена.

Послѣ его отъѣзда Іоаннъ послалъ въ Новгородъ, какъ въ свою «отчину», пословъ для увѣщанія Новгородцевъ не передаваться Литвѣ и не отступать отъ православія. Однако, увѣщанія Великаго Князя успѣха не имѣли. Тогда Великій Князь собралъ въ Москвѣ совѣтъ изъ братьевъ своихъ, князей, бояръ, епископовъ и воеводъ для рѣшенія вопроса, какъ поступить съ измѣнниками—Новгородцами. На этомъ совѣтѣ рѣшено было идти на Новгородъ для наказанія его за измѣну [1]).

Состояніе Москвы и Новгорода передъ войной.

Ко времени царствованія Іоанна III Москва представляла собою единое національное государство во главѣ съ могущественнымъ Государемъ, котораго уже называли Царемъ всея Руси.

Территорія Московскаго Княжества *) тянулась отъ Устюга и Вятки на югъ къ верховьямъ Оки и Цны; ему принадлежала Средняя

*) См. карту № 1.

Волга и верхнее и нижнее теченіе Оки и все почти Междурѣчье, равнина между верхней Волгой и Окой. Въ общемъ, Московское Княжество достигало въ это время 15.000 кв. миль и въ его владѣнія вошло около 25-ти городовъ [2]).

Благодаря своему географическому положенію и дѣятельности Великихъ Московскихъ Князей, потомковъ Іоанна Калиты, Москва къ половинѣ XV вѣка стала центромъ экономической жизни Междурѣчья. Это же обстоятельство, увеличивая благосостояніе народонаселенія Княжества, въ то же время служило къ обогащенію Великихъ Князей, а въ общемъ, дѣлало Москву богатой деньгами и обильной всякаго рода средствами. Эти средства увеличивались еще постоянными поборами съ Новгорода въ видѣ контрибуцій, а также—остававшейся въ рукахъ Московскихъ Князей частью Татарской дани, которую они были уполномочены собирать съ подвластныхъ хану земель [3]).

На престолѣ Московскомъ съ 1462 года сидѣлъ Великій Князь Іоаннъ III, человѣкъ умный, дѣятельный, съ твердымъ характеромъ, рѣшительный, умѣющій разобраться въ обстановкѣ и дѣйствовать сообразно съ ней, но при всемъ томъ—осторожный и въ высшей степени выдержанный [4]).

Новгородъ къ половинѣ XV вѣка занималъ почти весь сѣверъ нашей равнины съ сѣверо-западнымъ ея угломъ къ Финскому заливу.

Политически онъ представлялъ собою вольную городскую общину, уже съ половины XII вѣка богатую и сильную. Однако, постепенное и неуклонное возвышеніе и усиленіе Москвы, какъ слѣдствіе стремленія русскихъ земель къ объединенію на основахъ единства великорусской народности и единства политическаго, а съ другой стороны, противорѣчія въ политическомъ строѣ Новгорода и вслѣдствіе этого постоянная борьба партій, крайняя неравномѣрность распредѣленія богатства и, какъ результатъ этого—соціальная рознь, вызывающая постоянныя междоусобія, наконецъ, стремленіе пригородовъ и волостей Новгородскихъ обособиться отъ Новгорода, какъ слѣдствіе неурядицъ и злоупотребленій, исходящихъ отъ Новгорода,—все это привело къ тому, что къ половинѣ XV столѣтія богатства Новгорода уменьшились, сила его ослабѣла и значеніе его пало [5]).

Политическая обстановка передъ войной.

Сосѣдями Москвы въ это время были: Новгородъ, Псковъ, Литва, Казанское царство и еще сохранившіе нѣкоторую самостоятельность и имѣвшіе своихъ Великихъ Князей Тверь, Рязань, отчасти Ярославль и Ростовъ.

Но Псковъ съ 40-хъ годовъ XV столѣтія оказывалъ полную покорность Москвѣ, и въ то же время—недоброжелательство къ Новгороду.

Всегда враждебная Тверь уже не въ силахъ была отстаивать свою самостоятельность. Рязань была въ сильной зависимости отъ Москвы, а Ярославское и Ростовское княжества уже на-половину уступили свои владѣнія Москвѣ [6]).

Татары въ это время не были страшны: они раздѣлились на нѣсколько ордъ, которыя постоянно были во враждѣ между собою и эту вражду искусно поддерживали благоразумные Московскіе Князья [7]).

Литва въ это время еще не установила своихъ отношеній къ Польшѣ и вслѣдствіе этого вниманіе Литвы было привлечено больше на западъ, чѣмъ на востокъ.

Къ тому же русскія области Литовскаго государства не были надежно слиты съ Литвой и какъ разъ въ это время среди русскихъ князей было движеніе захватить Великокняжескій столъ и передать его одному изъ южно-русскихъ князей. Такимъ образомъ, Литвѣ въ разсматриваемый періодъ было много дѣла у себя дома, что и обезпечивало Москву съ ея стороны. Къ тому же, послѣднія столкновенія Литвы съ Москвою, вызванныя стремленіемъ Москвы объединить подъ своей властью русскія земли, окончились для Москвы весьма успѣшно [8]).

Пограничные русскіе Князья, входившіе въ составъ Литовскаго княжества, подъ предлогомъ притѣсненія православія, переходили на сторону Москвы. Такимъ образомъ, ко времени Іоанна III Литва остерегалась вступать въ открытую борьбу съ Москвой [9]).

Буйный и самостоятельный Новгородъ не хотѣлъ подчиняться Москвѣ, но, обезсиленный внутренними неурядицами, неладившій со своимъ меньшимъ братомъ, Псковомъ, неуспѣвшій прочно заручиться помощью и содѣйствіемъ Литвы и потерявшій вслѣдствіе этого важнѣйшія области свои, Пермь и Вятку, не могъ въ глазахъ Іоанна III считаться непоборимымъ врагомъ [10]).

Такимъ образомъ, планомѣрная и систематично проводимая въ жизнь политика Московскихъ князей въ царствованіе Іоанна III создала весьма благопріятную политическую обстановку для рѣшенія одной изъ очередныхъ частныхъ задачъ—покореніе Новгорода—на пути достиженія намѣченной Москвой общей цѣли—объединенія русскихъ земель подъ своей властью для образованія обширнаго, могучаго государства, сильнаго національнымъ единствомъ и даро-

ваніями народа, его составляющаго, самодержавіемъ его царей, общностью вѣры и силой религіознаго чувства его населенія.

Вооруженныя силы Москвы и Новгорода.

Обращаясь къ вооруженнымъ силамъ Москвы и Новгорода къ половинѣ XV вѣка, необходимо сказать слѣдующее:

Непрестанной работой Великихъ Московскихъ Князей, обладавшихъ высокими личными качествами и умѣло пользовавшихся всѣми благопріятными обстоятельствами, къ половинѣ XV вѣка сѣверо-восточная Русь пріобрѣла политическое и національное единство подъ властью единаго Великаго Московскаго Князя, обладавшаго надъ прочими удѣльными Князьями, а также надъ всѣми ихъ землями съ ихъ населеніемъ политическими правами, покоившимися на матеріальной силѣ и духовномъ вліяніи. Установленіе же такого политическаго единства и единодержавія на Руси по самому существу военнаго дѣла представляло отличную почву для развитія по правильному пути военнаго искусства.

Если при этомъ вспомнимъ, что населеніе сѣверной Руси—великороссы—представляли собой отличный матеріалъ для образованія вооруженной силы, что теперь у этого населенія, подъ вліяніемъ указанныхъ выше причинъ, развилось чувство національности, что для образованія вооруженной силы у Великихъ Московскихъ князей были громадныя матеріальныя средства, что единодержавная власть была національной, и пользовалась какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ авторитетомъ, то не трудно придти къ заключенію, что съ половины XIV и до половины XV вѣка, когда росло и крѣпло Великое княжество Московское, слѣдуя по пути обращенія своего въ Русское царство, военное искусство на Руси имѣло всѣ данныя стоять на высокой степени развитія.

Основаніемъ вооруженныхъ силъ на Руси къ половинѣ XV вѣка, по прежнему, была дружина, при чемъ, вслѣдствіе усиленія Московскаго княжества и постепеннаго поглощенія имъ другихъ княжествъ, прежнія дружины удѣльныхъ княжествъ мало-по-малу сливаются съ дружиной Великокняжеской.

Такимъ образомъ, во-1-хъ, устанавливается единство въ дружинахъ, а во-2-хъ, Великій Князь имѣлъ возможность сосредоточить подъ своимъ единымъ начальствомъ болѣе или менѣе значительное войско.

Дружина, которая теперь стала называться дворомъ, по прежнему, дѣлилась на старшую и младшую, причемъ, не смотря на все болѣе

и болѣе увеличивающуюся власть Великаго Московскаго Князя, старшая дружина, по старому, является совѣтомъ, думой князя.

Старшую дружину составляли бояре и воеводы, которые являлись ближайшими совѣтниками князя и дѣлились на большихъ и малыхъ; затѣмъ шли собственно дворяне, число которыхъ значительно возрасло и возрастало все больше и больше.

Младшую дружину составляли боярскія дѣти, которыхъ было еще больше, чѣмъ собственно дворянъ.

На одномъ уровнѣ съ боярскими дѣтьми стояли и слуги или люди дворные, которые отъ боярскихъ дѣтей отличались только болѣе низкимъ происхожденіемъ.

Младшая дружина не имѣла права участвовать въ княжеской думѣ.

Кромѣ дружинъ, въ составъ вооруженныхъ силъ Руси входили городовые полки, которые въ каждомъ удѣлѣ составлялись изъ горожанъ или, какъ ихъ называли, жильцовъ.

Къ половинѣ XV вѣка въ числѣ войскъ, выставляемыхъ городами, начинаютъ упоминаться городовые казаки, т. е. вольные люди, которые за деньги служили князьямъ по городамъ..

Съ XIV вѣка на восточныхъ и южныхъ окраинахъ Руси появляется особый родъ войска, пограничное земское ополченіе, такъ называемая засѣчная стража. На обязанности ея лежало охраненіе и оборона пограничныхъ засѣкъ, прикрывающихъ границу.

Засѣчная стража набиралась съ населенія, большею частью по одному человѣку съ двадцати дворовъ, но въ случаѣ необходимости— и больше.

Сельскія ополченія, т. е. земледѣльцы созывались лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, причемъ обыкновенно брали одного человѣка съ опредѣленнаго количества земли, которая въ то время дѣлилась на сохи; отсюда и взятые въ ополченіе назывались посошными людьми.

Что касается найма иноземныхъ и иногородныхъ дружинъ, то съ увеличеніемъ численности національныхъ войскъ и возрастаніемъ національнаго самосознанія эти дружины стали призываться только въ случаяхъ особенной важности или опасности.

Главнымъ и наиболѣе многочисленнымъ и безспорно лучшимъ родомъ войскъ въ разсматриваемый періодъ, подъ вліяніемъ татаръ, окончательно сдѣлалась конница. Ее составляли чины и лица княжескихъ дворовъ, дворяне и дѣти боярскія изъ числа тѣхъ, которые имѣли средства и возможность служить на коняхъ.

Но рядомъ съ конницей у насъ существуетъ и пѣхота, которая постоянно входила въ составъ полевыхъ войскъ.

Пѣхота образовывалась изъ тѣхъ воиновъ, которые по бѣдности не имѣли возможности завести и содержать коней, и какъ войско,— она была худшаго качества, чѣмъ конница.

Вооруженіе было метательное, нападательное и предохранительное и представляло смѣсь изъ оружія древне-русскаго и монгольскаго. Необходимо указать, что тяжелые самострѣлы, употреблявшіеся при осадѣ и оборонѣ укрѣпленныхъ городовъ, были чрезвычайно крупные и громоздкіе (баллисты и катапульты), а предохранительное вооруженіе отличалось крайней сложностью и большимъ вѣсомъ.

Въ это время у насъ было уже и огнестрѣльное оружіе, но оно было исключительно только тяжелыхъ образцовъ, а не ручное; ввозилось оно въ восточную Русь изъ-за границы, распространялось у насъ довольно медленно, было очень не совершенно и употреблялось только при оборонѣ и осадѣ городовъ. Въ походѣ Іоанна III въ 1471 году къ Новгороду въ его арміи не было огнестрѣльнаго оружія. Но выступившіе на помощь Москвѣ Псковичи при своемъ движеніи къ Новгороду имѣли у себя 6 пушекъ.

О числѣ войскъ Московской Руси нужно сказать, что въ концѣ XIV вѣка Московскіе Великіе Князья собирали до 160 и болѣе тысячъ человѣкъ; обыкновенно же выступали въ походъ съ меньшимъ числомъ войскъ.

При Василіи II, въ половинѣ XV вѣка, по нѣкоторымъ иностраннымъ свидѣтельствамъ, число Московскаго войска простиралось, будто бы, до 400.000 человѣкъ, преимущественно конницы.

Собранныя съ какой-нибудь цѣлью войска раздѣлялись на конныя и пѣшія дружины или полки.

Полки городовые назывались по городамъ, напримѣръ, Московскій, Тверской и т. д.

Полки княжескіе назывались по именамъ князей, напримѣръ, полкъ Изяслава, Юрія и т. д.

Наряду съ этимъ слово «полкъ» употребляется и въ смыслѣ боевого подраздѣленія рати.

Полки дѣлились на сотни и десятки.

Во главѣ ратей и полковъ стояли или князья или ратные воеводы, выбиравшіеся изъ большихъ бояръ. Изъ ихъ же среды выбирались вообще всѣ старшіе войсковые начальники. Помощниками воеводъ были бояре путные, которые вѣдали все, относящееся до передвиженій рати или полка, а также и самого князя, если онъ находился при войскѣ. Съ теченіемъ времени бояре путные замѣнялись около-

ничими, которые несутъ службу при князьяхъ въ ихъ походахъ. Если же во главѣ рати или полка стоялъ бояринъ, то его ближайшимъ сотрудникомъ и помощникомъ являлся окольничій.

Такимъ образомъ, путные дворяне, а потомъ окольничіе являются прототипомъ, съ одной стороны, государевой свиты, а съ другой стороны,—старшихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Они составляютъ вспомогательный органъ князя или воеводы въ дѣлѣ сбора свѣдѣній о противникѣ и о мѣстности, вообще въ дѣлѣ развѣдки съ цѣлью оріентированія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда требовался извѣстный образовательный цензъ и способность вести переписку, окольничіе замѣняются писцами, которые съ теченіемъ времени стали называться дьяками.

Во главѣ городовыхъ полковъ стояли тысяцкіе.

Должность ратныхъ воеводъ не была постоянной: они назначались по мѣрѣ надобности для предводительства въ извѣстномъ походѣ. Съ окончаніемъ войны, для которой они были назначены, сами собой прекращались и ихъ полномочія.

Воеводы полковъ не подчинялись другъ другу, но при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ они, по обычаю, должны были согласовать свои дѣйствія. При соединеніи нѣсколькихъ союзныхъ князей Московскій князь являлся главнымъ начальникомъ. Иногда по общему соглашенію союзныхъ князей назначался общій воевода для посылаемыхъ ими на войну ратей.

Походное движеніе русскихъ войскъ совершалось въ нѣсколькихъ колоннахъ и отличалось большимъ порядкомъ и устройствомъ, а также тщательнымъ охраненіемъ.

Въ это время рать, совершающая движеніе, высылала впередъ авангардъ, подъ названіемъ сторожевого или передового полка. За авангардомъ двигались главныя силы, состоявшія изъ полка правой руки, большого полка и полка лѣвой руки, которые двигались въ обозначенномъ здѣсь порядкѣ. За большимъ полкомъ слѣдовалъ арріергардъ, затыльный или засадный, или запасный полкъ.

Сторожевой полкъ впередъ и по сторонамъ высылалъ легкіе конные отряды для развѣдыванія о мѣстности и о непріятелѣ. Отряды эти назывались сторожами.

Обозы, вообще весьма многочисленные, шли при войскахъ.

На мѣстѣ для отдыха войска располагались обыкновенно на открытомъ воздухѣ или въ шалашахъ и землянкахъ, защищаясь отъ непогоды войлоками.

Построенія русскихъ войскъ являлись въ видѣ длинныхъ и глубокихъ строевъ.

Боевой порядокъ русскихъ войскъ строился на три линіи: первую линію составлялъ передовой полкъ, вторая линія дѣлилась на центръ и два крыла. Центръ составлялъ большой полкъ, имѣя въ серединѣ князя съ его дворомъ; крылья—полки правой и лѣвой рукъ. Третью линію боевого порядка составлялъ тыльный или засадный полкъ, который служилъ резервомъ и располагался обыкновенно за важнѣйшимъ участкомъ боевого порядка, а иногда и укрыто за какимъ-нибудь мѣстнымъ предметомъ.

Этотъ нормальный боевой порядокъ, въ зависимости отъ обстановки, могъ измѣняться.

Передъ боемъ послѣ построенія всей рати князь обращался къ войску съ воодушевляющей рѣчью и затѣмъ подавалъ знакъ къ началу боя, послѣ чего обыкновенно первый со своимъ дворомъ бросался въ бой, а его примѣру слѣдовала и вся линія боевого порядка.

Главная роль въ бою принадлежала конницѣ, которая производила стремительныя атаки. Дѣйствія пѣхоты были второстепенныя, вспомогательныя. Представляя опору боевого порядка, пѣхота дѣйствовала преимущественно оборонительно за окопами, повозками или мѣстными предметами, обороняясь чрезвычайно упорно. Въ открытомъ же полѣ пѣхота дѣйствовала слабо, однако, при этомъ легкая пѣхота дѣйствовала въ разсыпномъ строѣ, стрѣляя изъ луковъ; тяжелая же пѣхота сначала производила ударъ копьями, послѣ чего слѣдовала схватка въ мечи, топоры и т. п.

Въ бою нерѣдко примѣнялись охваты фланговъ, засады, притворныя отступленія и другія хитрости.

Въ случаѣ успѣха преслѣдованіе производилось однимъ передовымъ полкомъ. Главныя же силы оставались на мѣстѣ боя, подбирали раненыхъ и плѣнныхъ, погребали своихъ убитыхъ и праздновали побѣду, затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, или слѣдовали за передовымъ полкомъ, или направлялись въ ту или другую сторону для продолженія военныхъ дѣйствій.

Въ случаѣ неудачи и пораженія конница поспѣшно отступала; пѣхота же, не поспѣвая за конницей, вынуждена была защищаться за обозами или мѣстными предметами, вынося на себѣ всю тяжесть отступленія подъ натискомъ побѣдителя. Впрочемъ, по большей части послѣ пораженія русскія войска укрывались въ ближайшемъ городѣ, въ которомъ упорно оборонялись. Тогда главное участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ ложилось на пѣхоту, которая дѣйствовала преимущественно сильной стрѣльбой изъ луковъ.

Подготовки войскъ въ мирное время никакой не было, но это

не отражалось вредно на успѣхѣ боевыхъ дѣйствій, что зависѣло отъ личныхъ качествъ воиновъ и условій веденія военныхъ операцій, не исключая и боя. Тѣ же личныя качества воиновъ, вытекающія изъ характера народонаселенія, въ связи съ ростомъ національнаго самосознанія, обезпечивали вполнѣ высокій духъ войскъ. Они отличались преданностью князьямъ, простотой жизни, выносливостью въ походѣ, трудахъ и лишеніяхъ, мужествомъ и храбростью въ бою, энергіей нападеній въ открытомъ полѣ, упорствомъ въ оборонѣ за городскими стѣнами или за окопами.

Вообще же изъ всего изложеннаго выше можно заключить, что въ разсматриваемый періодъ военное устройство и все вообще военное дѣло въ Московской Руси стояло на высокой степени развитія и это явилось, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ дѣятельности Московскихъ князей, результатомъ которой было политическое единеніе Руси и установленіе единой княжеской власти [11]).

Вооруженныя силы Новгорода по своему устройству, управленію и способу дѣйствій въ общемъ имѣли тотъ же характеръ, какъ и Московское войско. Однако, особенность тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ жилъ Новгородъ, клала свой отпечатокъ и на его вооруженную силу.

Съ этой точки зрѣнія прежде всего необходимо отмѣтить разницу въ составѣ вооруженныхъ силъ.

Особенность отношеній Новгорода къ своимъ князьямъ, основанныхъ на недовѣріи первыхъ ко вторымъ, приводила къ тому, что собственно дружина княжеская была весьма мала; къ половинѣ XV вѣка она состояла всего изъ 50 человѣкъ.

Затѣмъ, мѣстныя условія въ Новгородскихъ областяхъ характеризовались обиліемъ лѣсовъ и множествомъ рѣкъ, озеръ и болотъ. Этотъ характеръ мѣстности приводилъ къ тому, что вторгнуться въ земли Новгородскія противникъ могъ только зимою; большею же часть года онѣ были недоступны для врага; съ другой стороны, эти же мѣстныя условія приводили къ тому, что въ Новгородскихъ земляхъ дѣйствовать значительными частями конницы было крайне затруднительно. Поэтому и въ составѣ новгородской вооруженной силы въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ въ Москвѣ, было пѣхоты.

Сборъ вооруженной силы Новгородцевъ и организація ея мало отличались отъ Московскихъ ратей и здѣсь необходимо только отмѣтить, что въ составъ Новгородскаго войска входилъ особый владычный полкъ, который выставлялся архіепископомъ съ его земель и который, вслѣдствіе этого, зависѣлъ отъ владыки гораздо больше, чѣмъ отъ Великаго Новгорода. Недостатокъ этотъ усиливался еще

тѣмъ, что владычный полкъ имѣлъ своего независимаго начальника и всегда получалъ отъ владыки особую инструкцію, въ которой указывалось, съ кѣмъ полкъ могъ сражаться и противъ кого дѣйствовать не долженъ былъ.

Обыкновенно Новгородъ выставлялъ рать, силою отъ 5-ти до 20-ти тысячъ человѣкъ; въ критическія же минуты своего существованія, которыя и настали въ половинѣ XV вѣка, при полномъ напряженіи силъ онъ могъ выставить до 40 тысячъ человѣкъ.

При такомъ напряженіи, очевидно, въ войска долженъ былъ попадать далеко не лучшій элементъ. Во всякомъ случаѣ элементъ, не обладавшій боевымъ опытомъ и навыкомъ военной службы, каковыми являлись, главнымъ образомъ, всякаго рода ремесленники. При общемъ увеличеніи численности армій относительно увеличивалось и число конницы въ ней. Вслѣдствіе этого въ нее попадали люди, совершенно не знакомые съ лошадью, что еще болѣе понижало качества вооруженной силы Новгорода.

Вооруженіе Новгородцевъ отличалось отъ такового Москвичей тѣмъ, главнымъ образомъ, что у нихъ не было лучниковъ, а предохранительное ихъ вооруженіе, въ видѣ металлическихъ доспѣховъ, было значительно тяжелѣе. На вооруженіи конницы были длинныя копья, пѣхота же имѣла копья короткія.

Крупнѣйшей особенностью Новгородскаго войска, по сравненію съ Московскимъ, являлся способъ ихъ дѣйствія въ бою.

Сталкиваясь съ нѣмцами и литовцами, мало пользовавшимися стрѣлковымъ боемъ, Новгородцы выработали у себя боевые пріемы, которые исключали дѣйствія лучниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, они не привили себѣ привычки выносить стрѣлковый бой противника. Вслѣдствіе этого, во-1-хъ, Новгородцы не могли вести бой издали, а во-2-хъ, дѣйствія непріятельскихъ стрѣлковъ всегда вносили въ Новгородскій строй смятенье и безпорядокъ, особенно, если это былъ строй конный.

Наряду съ этимъ, Новгородская пѣхота хорошо подготовлена была къ дѣйствіямъ на судахъ, которыми при обиліи въ Новгородской землѣ всякаго рода воды пользовались не только для передвиженія арміи, но и для битвы на рѣкахъ.

Въ боевомъ порядкѣ Новгородцевъ конница и пѣхота составляли двѣ совершенно отдѣльныхъ части, которыя обыкновенно располагались на значительномъ разстояніи одна отъ другой.

Къ изложенному нужно прибавить, что наступившее съ половины XIV вѣка и продолжавшееся сто лѣтъ затишье во внѣшнихъ отношеніяхъ Новгорода привело къ тому, что вооруженныя силы

Новгорода, за отсутствіемъ опыта и практики, этихъ единственныхъ въ то время средствъ для поддержанія боевой подготовки войскъ на необходимой высотѣ, пришли въ упадокъ. И поэтому, когда въ половинѣ XV вѣка Новгороду стала серьезно грозить Москва, то его войско не представляло надежной силы, способной съ успѣхомъ бороться съ Московскими ратями, тѣмъ болѣе, что и по своей организаціи и по вѣками выработанному способу дѣйствій Новгородское войско въ значительной мѣрѣ уступало Московской арміи [12]).

Такимъ образомъ, и политическое устройство Великаго Княжества Московскаго и его матеріальныя средства вообще и его вооруженная сила въ половинѣ XV столѣтія, въ случаѣ борьбы его съ Новгородомъ, ставили его въ такія условія, которыя обезпечивали Москвѣ успѣхъ, тѣмъ болѣе, что и внѣшнія обстоятельства, благодаря удачной политикѣ Московскихъ князей, складывались для Москвы крайне благопріятно. Нужно было только, чтобы вожди Московскіе выказали бы достаточное искусство въ использованіи всѣхъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, а также—искусство въ веденіи боевыхъ дѣйствій.

На сторонѣ Новгородцевъ были только мѣстныя условія, крайне затрудняющія вторженіе противника въ ихъ землю.

Планъ войны и организація Московской арміи.

Рѣшивъ послѣ совѣта съ митрополитомъ и боярами силою покорить Новгородцевъ, нежелавшихъ подчиниться увѣщаніямъ Москвы, Іоаннъ III призналъ необходимымъ начать походъ возможно скорѣе [13]).

Обиліе рѣкъ, болотъ и лѣсовъ дѣлали Новгородскія земли трудно доступными въ теплое время года; лишь зимою, когда морозъ сковывалъ воды и болота, обнажалъ лѣса и дѣлалъ дороги болѣе удобными для движенія, представлялось возможнымъ воевать противъ Новгорода. И въ прежнее время Московскіе князья никогда не рисковали ходить противъ Новгорода въ теплое время года [14]). Но до морозовъ было еще далеко, а между тѣмъ, откладывая походъ, предоставили бы Новгородцамъ время для того, чтобы подготовиться къ встрѣчѣ врага. Въ виду этого Іоаннъ III рѣшилъ начать дѣйствія противъ Новгорода немедленно.

Такимъ рѣшеніемъ Іоаннъ, помимо того, что не давалъ времени Новгородцамъ для приготовленія къ войнѣ и въ частности для заключенія союзовъ, но еще предпринималъ операцію, которая считалась невозможной, а потому, значитъ, и была неожиданной для противника.

Такимъ образомъ, рѣшеніе Іоанна о немедленномъ началѣ похода

предоставляло Царю выгоды, матеріальныя, и, быть можетъ, еще болѣе важныя,—нравственныя и этимъ значительно усиливало Великаго Князя Московскаго.

Рѣшивъ походъ, и притомъ немедленный, Іоаннъ прежде всего стремится собрать для него возможно большую ратную силу.

Прежде всего онъ приготавливаетъ свои московскія рати во главѣ со всѣми князьями, боярами, дворянами и дѣтьми боярскими. Затѣмъ, по его приказанію, къ походу изготовились дружины его братьевъ, Устюжская, Вятская, Дорогобужская и Верейская. Присоединились къ Великому Князю и Вологда, пригородъ Новгородскій, давно уже недовольный управленіемъ Новгорода.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Іоаннъ присогласилъ къ участію въ походѣ Великаго Князя Тверского Михаила Борисовича съ его дружиною.

Татарская конница также должна была войти въ составъ арміи Іоанна.

Наконецъ, Великій Князь Московскій велѣлъ на соединеніе съ Московскою ратью идти Псковичамъ, подъ начальствомъ воеводы Великаго Князя, Князя Федора Юрьевича Шуйскаго или сына его, Князя Василія [15]).

Такимъ образомъ, Іоаннъ III принимаетъ мѣры къ тому, чтобы начать походъ съ возможно большимъ напряженіемъ силъ, и, пользуясь превосходствомъ надъ противникомъ, сразу, однимъ ударомъ покончить съ непріятелемъ.

Принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы самому быть сильнѣй, Іоаннъ III въ то же время старается ослабить противника, по крайней мѣрѣ, на главномъ театрѣ войны, на направленіи, ведущемъ къ главному предмету дѣйствій—Новгороду.

Удержаніе на своей сторонѣ Псковитянъ до нѣкоторой степени отвѣчало уже этой идеѣ. Въ тѣхъ же цѣляхъ Іоаннъ III рѣшилъ отвлечь часть Новгородскихъ силъ на сѣверо-востокъ для прикрытія ихъ богатыхъ Двинскихъ земель. Для этого Іоаннъ III направляетъ туда, въ Заволочье ближайшія къ нему силы свои—Устюжанъ, Вятчанъ и Вологжанъ [16]).

Такое движеніе послѣднихъ не только удерживало въ Заволочьѣ мѣстную вооруженную силу Новгородцевъ, но и могло еще привлечь туда часть силъ непосредственно изъ Новгорода.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, направленіе отрядовъ въ Заволочье имѣло еще и другое весьма важное значеніе.

Географическое положеніе Московскаго Княжества и политическая обстановка весною 1471 г. указывали на то, что при движеніи Московской рати отъ Москвы къ Новгороду у нея единственно

будетъ не обезпеченъ ея правый флангъ, которому можетъ угрожать опасность со стороны Новгородскихъ силъ, находящихся въ Двинской землѣ. Направленіе туда Устюжанъ и Вятчанъ, такимъ образомъ, парализуя наступленіе противника изъ Заволочья къ югу, обезпечивало всю операцію Іоанна III на Новгородъ съ праваго фланга.

Во главѣ Устюжанъ и Вятчанъ, направленныхъ въ Двинскій край, были поставлены Московскіе воеводы, Василій Федоровичъ Образецъ и Борисъ Матвѣевичъ Тютчевъ (Слѣпецъ).

Боярину Образцу повелѣніе идти съ Устюжанами было послано 31-го мая. Въ тотъ же день бояринъ Тютчевъ (Слѣпецъ) выступилъ изъ Москвы съ небольшой частью войскъ.

Еще 23-го мая было послано приказаніе Псковитянамъ, чтобы они возможно скорѣе выступали въ походъ прямо къ Новгороду [17]).

Московская рать, предназначенная для непосредственныхъ дѣйствій противъ Новгорода, была организована слѣдующимъ образомъ: она состояла изъ двухъ передовыхъ отрядовъ и главныхъ силъ.

Одинъ передовой отрядъ состоялъ изъ московскихъ дѣтей боярскихъ, во главѣ которыхъ стоялъ князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій, и части татаръ. Въ составъ другого передового отряда входила татарская конница царевичей Даньяровъ, подручныхъ Великаго Князя, и значительное число русскихъ ратниковъ, подъ общимъ начальствомъ князя Василія Ивановича Оболенскаго-Стрига [18]).

Такимъ образомъ, оба передовые отряда какъ по особенностямъ личнаго состава, такъ и по качеству конскаго состава являлись наиболѣе приспособленными для дѣйствій передъ фронтомъ арміи на большомъ разстояніи впереди нея.

Начальствованіе главными силами, состоявшими изъ Московской дружины, дружины братьевъ Великаго Князя, и князей Тверского, Верейскаго и Дорогобужскаго, принялъ самъ Великій Князь.

Итакъ, во главѣ отдѣльныхъ частей арміи Іоанна III, даже, если эти части составлялись не изъ Московскихъ людей, были поставлены московскіе воеводы, которыхъ Іоаннъ III хорошо зналъ и которымъ вполнѣ довѣрялъ. Это обстоятельство, во 1-хъ, обезпечивало единство дѣйствій, во 2-хъ, устанавливало духовную связь между различными частями арміи, въ 3-хъ, обезпечивало Іоанна III отъ случайностей политическаго характера, что для того времени было очень важно, а потому, въ 4-хъ, позволяло Іоанну III предоставить своимъ частнымъ начальникамъ право проявлять иниціативу въ полной мѣрѣ, что было необходимо для успѣха всей операціи въ силу обширности театра войны, крайне плохихъ сообщеній и отсутствію какихъ бы то ни было техническихъ средствъ связи.

Операціи до Шелонской битвы.

Выставивъ активный заслонъ въ Двинской землѣ и предписавъ Псковитянамъ возможно скорѣе, а, значитъ, кратчайшимъ путемъ идти къ Новгороду, чѣмъ, между прочимъ, прикрывалась вся операція съ лѣваго фланга, Іоаннъ III двинулъ туда изъ Москвы и свою рать *).

Организація движенія была такова: впереди слѣдуютъ два передовыхъ отряда, а за ними—главныя силы. Отрядъ князя Холмскаго, силою въ 10—12 тыс. челов., былъ направленъ къ Русѣ и далѣе къ устью р. Шелони, гдѣ онъ и долженъ былъ соединиться съ Псковитянами.

Отрядъ князя Оболенскаго-Стриги двигался на Вышній-Волочекъ, на р. Мсту и затѣмъ далѣе вверхъ по этой рѣкѣ; за передовыми отрядами шли главныя силы на Торжокъ, Волоколамскъ, озеро Коломна, Яжелбицы [19]).

Не всѣ войска, входившія въ указанные отряды, выступали изъ Москвы. Часть ихъ должна была присоединиться къ пѣхотѣ, напр., Тверечи въ Торжкѣ; общимъ же сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ Волоколамскъ [20]). Такимъ образомъ, сосредоточеніе арміи происходило съ движеніемъ впередъ, что за отдаленностью противника было безопасно, но отчего выигрывалось время и не утомлялись войска отъ излишнихъ передвиженій.

Итакъ, одинъ передовой отрядъ направился къ Новгороду съ юга, второй—съ сѣвера, что развлекало вниманіе Новгородцевъ, а главныя силы шли сзади за серединой фронта движенія передовыхъ отрядовъ, всегда готовыя присоединиться къ тому или другому изъ нихъ, въ зависимости отъ того, кто встрѣтитъ сопротивленіе главныхъ силъ Новгородцевъ.

Необходимость сообразовать дѣйствія лѣваго отряда съ дѣйствіями Псковичей и вѣроятность встрѣтить сопротивленіе отряду около Русы вынудило князя Холмскаго выступить изъ Москвы на 7 дней раньше, нежели отрядъ князя Оболенскаго: первый—6-го іюня, а второй—13-го іюня.

Главныя силы начали движеніе изъ Москвы 20-го іюня, т. е. еще на 7 дней позже [21]).

Принимая во вниманіе, что Московскія рати въ данномъ походѣ двигались со скоростью въ среднемъ приблизительно по 25 верстъ въ день, необходимо признать, что передовые отряды должны были идти впереди главныхъ силъ примѣрно на 150 верстъ.

---

*) См. карту № 2.

При такомъ условіи и при томъ, что въ силу характера тогдашнихъ дѣйствій обстановка на театрѣ войны не могла мѣняться очень быстро, главныя силы всегда могли быть во время оріентированы относительно положенія противника и даже его намѣреній, и, слѣдовательно, всегда имѣли возможность изготовиться и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы встрѣча съ противникомъ произошла въ наиболѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ, какъ стратегическихъ, такъ и тактическихъ.

Опасности же передовымъ отрядамъ при этомъ быть разбитыми отдѣльно не представлялось, такъ какъ эти отряды были конными и, такимъ образомъ, всегда имѣли возможность уклониться отъ боя, тѣмъ болѣе, что по составу своему они наиболѣе отвѣчали требованію быстроты движенія.

Однако, для успѣха такого рода дѣйствій необходимо было, чтобы была установлена между отдѣльными частями арміи самая тѣсная связь.

Какъ передовые отряды, такъ и главныя силы Московской рати шли въ обычномъ для того времени порядкѣ, имѣя впереди органы развѣдывательной и сторожевой службы въ видѣ отдѣльныхъ партій.

Однако, движеніе это имѣло и свои особенности: во 1-хъ, въ каждомъ изъ передовыхъ отрядовъ развѣдывательные органы шли на очень широкомъ фронтѣ, такъ какъ на нихъ, кромѣ прямой ихъ задачи, возложено было еще возможно большее опустошеніе страны [22]).

Единственное основаніе для рѣшенія подвергнуть страну такому разгрому можно видѣть въ томъ, что этимъ заставляли жителей собираться къ Новгороду, что въ значительной мѣрѣ ослабляло силу его сопротивленія. Однако, такое раззореніе страны казалось, должно было бы поставить слѣдующую сзади армію Іоанна III въ крайне затруднительное положеніе относительно ея довольствія. Однако, отсутствіе жалобъ на такое затрудненіе заставляетъ признать, что это довольствіе было обезпечено помимо мѣстныхъ средствъ, а такъ какъ подвозъ такового изъ Москвы за дальностью послѣдней врядъ ли былъ осуществленъ, то необходимо признать, что армія, по крайней мѣрѣ, главныя ея силы имѣли все необходимое количество довольствія при себѣ, что могло осуществиться лишь при наличіи, при арміи большого обоза.

Движеніе Московскихъ ратей происходило безпрепятственно, такъ какъ съ одной стороны, противникъ не былъ еще готовъ для противодѣйствія, а съ другой стороны, сухое жаркое лѣто (съ мая по сентябрь не было дождя) сдѣлало страну болѣе проходимой, и рѣки и

болота не составляли столь существенныхъ препятствій, какъ этого, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, можно было бы ожидать [23]).

Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что главныя силы Іоанна III двигались очень быстро. 24-го іюня Великій Князь со своею ратною силою прибылъ въ Волоколамскъ, а 29-го іюня, какъ это и было предположено еще при выступленіи изъ Москвы, Іоаннъ III прибылъ къ Торжку.

Такимъ образомъ, за 10 дней похода Московская рать сдѣлала около 250 верстъ, т. е. въ среднемъ, въ день проходила около 25 верстъ.

Въ Волокѣ къ Іоанну III присоединились его братья съ ихъ дружинами, а въ Торжкѣ къ арміи прибыла Тверская дружина во главѣ съ воеводами, княземъ Юріемъ Андреевичемъ Дорогобужскимъ и Иваномъ Никитичемъ Жито и послы Псковичей съ извѣстіемъ, что Псковъ сложилъ крестное цѣлованіе Новгороду.

Отсюда же Великій Князь послалъ въ Псковъ Богдана, а съ нимъ Кузьму Коробина съ подтвержденіемъ, чтобы Псковичи немедля шли къ Новгороду [24]).

Въ то время, какъ главныя силы Іоанна III быстро подвигались на Торжокъ, передовой отрядъ князя Холмскаго также безъ замедленія продвигался по назначенному ему направленію и 24-го іюня подошелъ къ Русѣ.

Отрядъ Холмскаго за 18 дней похода прошелъ около 500 верстъ, т. е. шелъ въ среднемъ со скоростью 28 верстъ въ день.

Князь Холмскій 24-го іюня, подойдя къ Русѣ, захватилъ ее и сжегъ, а затѣмъ медленно двинулся къ устью Шелони, гдѣ надѣялся соединиться съ Псковичами [25]).

Между тѣмъ, послѣ долгихъ пререканій изготовились къ войнѣ и Новгородцы. Прежде всего они отправили часть войскъ на Двину для обороны Заволочья. Во главѣ этого отряда былъ поставленъ князь Василій Шуйскій—Гребенка.

Такимъ образомъ, цѣль отправленія Іоанномъ III Устюжанъ и Вятчанъ была достигнута: Новгородцы направили въ Заволочье большія силы и лучшаго своего военноначальника и тѣмъ въ значительной степени ослабили себя. Для защиты собственно Новгорода Новгородцы укрѣпили свою столицу и собрали рать, силой около 40.000 чел. Однако, это значительное по численности войско далеко не представляло собой внушительной силы по своимъ качествамъ.

Лишенные какой бы то ни было помощи и поддержки, такъ какъ таковую отказались дать Псковичи и Литва, Новгородцы, стремясь сформировать возможно болѣе многочисленную армію, вклю-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

чили въ ея составъ большое число неопытныхъ въ военномъ дѣлѣ ремесленниковъ, какъ то: плотниковъ, гончаровъ, кожевниковъ и т. п. Къ тому же, весь этотъ людъ былъ набранъ силою или угрозами разграбить ихъ дома, а самихъ побросать въ Волховъ. Поэтому, въ Новгородскомъ ополченіи не было единодушія, а во главѣ стояли люди, мало опытные и мало свѣдущіе въ военномъ искусствѣ. Наряду съ этимъ, въ самомъ Новгородѣ скоро началъ сказываться недостатокъ въ продовольствіи и собравшемуся со всѣхъ сторонъ къ нему населенію сталъ грозить голодъ [26]).

Тѣмъ не менѣе, получивъ свѣдѣнія о разброскѣ Московскихъ силъ, Новгородцы рѣшили воспользоваться выдвинутымъ положеніемъ князя Холмскаго и разбить его отдѣльно.

Съ этой цѣлью они частью силъ перешли въ наступленіе, организовавъ его слѣдующимъ образомъ:

Отрядъ пѣхоты на судахъ долженъ былъ изъ Новгорода по озеру Ильменю переправиться къ устью р. Шелони и оттуда наступать на встрѣчу Новгородцамъ, идущимъ отъ Русы. Небольшой отрядъ конницы (Владыкинъ полкъ) долженъ былъ двинуться изъ Новгорода вдоль западнаго берега оз. Ильменя къ устью р. Шелони и въ случаѣ необходимости поддержать свою пѣхоту. Наконецъ, третій отрядъ, тоже пѣхотный, долженъ былъ на судахъ изъ Новгорода пройти оз. Ильменемъ, войти въ р. Полисть и подняться вверхъ по рѣкѣ къ Русѣ, а отсюда ударить на отрядъ Холмскаго съ тыла [27]).

Между тѣмъ, князь Холмскій, медленно подвигаясь къ устью р. Шелони, вѣроятно, 25-го іюня подошелъ къ селу Коростыню (отъ Русы около 30 верстъ), гдѣ и расположился на отдыхъ, выставивъ по берегу Ильменскаго озера сторожевое охраненіе.

Не ожидая скорой встрѣчи съ противникомъ, Холмскій, стоя у Коростыня, не принялъ никакихъ мѣръ для развѣдки и для наблюденія за побережьемъ оз. Ильменя.

Между тѣмъ, вѣроятно, 26-го іюня Новгородская пѣхота, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, высадилась недалеко отъ расположенія Москвичей и, надѣясь застать ихъ врасплохъ, быстро двинулась противъ князя Холмскаго.

Однако, сторожевое охраненіе Москвичей несло свою службу вполнѣ соотвѣтственно своему назначенію; оно во время замѣтило движеніе Новгородской пѣхоты, поняло смыслъ этого движенія и успѣло своевременно сообщить объ этомъ князю Холмскому.

Какъ ни неожиданно было появленіе Новгородцевъ и ихъ наступленіе, князь Холмскій быстро оцѣнилъ обстановку и, имѣя, вѣроятно,

отъ своего сторожевого охраненія свѣдѣнія о численности противника, рѣшилъ немедленно самому перейти въ наступленіе и атаковать Новгородскую пѣхоту. Въ результатѣ, не смотря на то, что Новгородцы дрались довольно мужественно, они не выдержали натиска Москвичей и, не получивъ помощи отъ своей конницы, были разбиты на-голову, потерявъ около 500 чел. убитыми и ранеными и оставивъ многихъ плѣнными. Конница Новгородская не поддержала свою пѣхоту, такъ какъ, составляя полкъ владыки, заявила, что ей указано драться со Псковичами, а не съ войсками Великаго Князя.

Рать князя Холмскаго дралась съ большимъ ожесточеніемъ; часть Новгородцевъ потопили въ озерѣ, а у плѣнныхъ побѣдители отрѣзывали носы, уши, губы и въ такомъ видѣ отпускали ихъ домой [28]).

Нельзя не отмѣтить здѣсь, что Москвичи не хотѣли пользоваться доспѣхами убитыхъ и плѣнныхъ Новгородцевъ и бросали ихъ въ воду [29]).

Въ этомъ первомъ, въ 1471 г., боевомъ столкновеніи Московской рати съ Новгородцами въ полѣ обращаетъ на себя вниманіе: со стороны первой—недостаточность развѣдки; тщательное и бдительное несеніе сторожевой службы; прочная и быстрая связь сторожевого охраненія съ охраняемыми войсками; правильное и смѣлое рѣшеніе князя Холмскаго не ожидать атаки противника, а самому перейти въ рѣшительное наступленіе, что и привело къ встрѣчному столкновенію, давшему Москвичамъ выгоды, не только матеріальныя, но и нравственнаго порядка; быстрое изготовленіе отряда къ бою и стремительность его атаки; наряду съ этимъ не было, повидимому, настойчиваго и энергичнаго преслѣдованія, что и позволило большей части разбитыхъ Новгородцевъ сѣсть на свои суда и отплыть въ Новгородъ.

Со стороны Новгородцевъ нужно отмѣтить: правильный замыселъ нападенія на Москвичей; неумѣніе скрыть свои намѣренія и свои дѣйствія; повидимому, нѣкоторую растерянность при веденіи боя, которая явилась слѣдствіемъ, во 1-хъ, того, что предполагаемая внезапность ихъ нападенія не осуществилась, а во 2-хъ,—неожиданности перехода князя Холмскаго въ наступленіе; наконецъ, отсутствія единодушія въ войскахъ, которое сказалось въ отказѣ конницы поддержать свою разбитую пѣхоту.

Едва окончилось сраженіе у с. Коростынь, какъ князь Холмскій получилъ свѣдѣніе, что въ тылу у него противникъ вновь занялъ г. Русу.

Желая обезпечить свой тылъ и не имѣя свѣдѣній о Псковичахъ, которые, такимъ образомъ, по предположенію князя Холмскаго, должны

были быть еще очень далеко, энергичный начальникъ Московскаго отряда рѣшилъ быстро двинуться къ Русѣ и разбить появившагося тамъ противника.

Вѣроятно, 27-го іюня князь Холмскій двинулся къ Русѣ; въ этотъ же день и не позже 28-го іюня Холмскій подошелъ къ ней и немедленно атаковалъ высадившихся здѣсь Новгородцевъ. Успѣхъ и на этотъ разъ сопровождалъ рѣшительнаго князя Холмскаго, и Новгородцы были здѣсь такъ-же разбиты, какъ и у Коростыня [30]).

Такимъ образомъ, благодаря энергіи и искусству князя Холмскаго, намѣреніе Новгородцевъ разбить его отдѣльно не удалось, напротивъ того, князь Холмскій разбилъ ихъ по частямъ, нанеся существенныя имъ потери, а что самое главное—своими двумя побѣдами поднялъ духъ своего войска и привелъ въ уныніе Новгородское ополченіе и весь Новгородъ.

Разбитые у Русы Новгородцы отошли къ Демону, и князь Холмскій, отпраздновавъ, очевидно, по обычаю, побѣду на костяхъ, вѣроятно, 28—29-го іюня двинулся вслѣдъ за противникомъ,ославъ донесеніе Великому Князю о своихъ двухъ побѣдахъ и извѣщая его о своемъ рѣшеніи идти къ Демону.

Зная, что Великій Князь 29-го іюня только прибылъ къ Торжку, князь Холмскій, несомнѣнно, отправилъ свое донесеніе въ этотъ самый городъ. Но пока донесеніе шло, Іоаннъ III выступилъ изъ Торжка въ Вышній-Волочекъ [31]).

Такимъ образомъ, посланецъ долженъ былъ изъ Торжка догонять Іоанна и онъ, сдѣлавъ около 450 верстъ, прибылъ къ нему 9-го іюля (по 40 верстъ въ день), когда Московскія главныя силы стояли у оз. Коломна недалеко отъ Вышняго-Волочка [32]).

Боясь, что, стоя у Демона и занимаясь его осадой, князь Холмскій будетъ слишкомъ долго находиться на большомъ разстояніи отъ устья Шелони и вслѣдствіе этого подошедшіе Псковичи могутъ быть разбиты Новгородцами отдѣльно, Великій Князь послалъ князю Холмскому приказаніе идти обратно къ Шелони на соединеніе съ Псковичами, а на его мѣсто къ Демону выслалъ отрядъ князя Михаила Андреевича Верейскаго, которому и велѣлъ осадить городъ [33]).

Это приказаніе князь Холмскій могъ получить не раньше вечера 10-го іюля (отъ Коломны до Демона около 120 верстъ).

Несомнѣнно, что, получивъ это приказаніе, князь Холмскій, какъ человѣкъ энергичный и рѣшительный, выступилъ отъ Демона немедленно къ Шелони, взявъ направленіе къ ея устью, такъ какъ именно сюда указано было придти Псковичамъ. Къ тому же, это была ближайшая точка Шелони, куда, значитъ, князь Холмскій могъ

прибыть въ наиболѣе короткій срокъ; наконецъ, мысль о дальнѣйшемъ наступленіи къ Новгороду не была оставлена, напротивъ, послѣ двукратной побѣды она могла только окрѣпнуть, а при такомъ условіи соединеніе съ Псковичами желательно было произвести возможно ближе къ Новгороду, насколько только позволяла безопасность.

Такимъ пунктомъ и являлось именно устье р. Шелони. Князь Холмскій, получивъ приказаніе о движеніи къ Шелони, 10-го іюля могъ выступить отъ Демона только лишь 11-го іюля утромъ.

Ему приходилось торопиться и потому можно считать, что отдѣлявшія его отъ устья р. Шелони 110 верстъ онъ прошелъ въ три дня и, такимъ образомъ, значитъ, прибылъ къ намѣченному пункту соединенія съ Псковичами—къ вечеру 13-го іюля.

Между тѣмъ, Псковичи въ это время только что выступали изъ Пскова.

Такое позднее выступленіе явилось слѣдствіемъ медленнаго сбора Псковской дружины. Эта же медленность была вполнѣ преднамѣренная.

Дѣло въ томъ, что, не смотря на рѣшеніе Псковичей выступить съ Московской ратью противъ Новгородцевъ, среди нихъ было не мало несочувствовавшихъ этому рѣшенію.

Кромѣ того, Псковичи считали полезнымъ начать походъ лишь послѣ того, какъ вся великокняжеская сила вступитъ въ Новгородскія земли и тѣмъ будетъ исключена опасность обращенія Новгородскихъ дружинъ исключительно только противъ Псковичей [34]).

Послѣ сраженія у Коростыня князь Холмскій отправилъ въ Псковъ боярина Василія Зиновьева съ извѣщеніемъ о прибытіи Московской рати на условленный пунктъ сосредоточенія и объ одержанной побѣдѣ, результаты которой должны были возбудить въ Псковичахъ желаніе скорѣе присоединиться къ дружинѣ князя Холмскаго.

Бояринъ Зиновьевъ прибылъ въ Псковъ со ста воинами 29-го іюня и сталъ торопить Псковичей съ выступленіемъ, указывая на то, что Москвичи уже сожгли Русу и что Великій Князь въ Петровъ день прибываетъ въ Торжокъ [35]).

Послѣднее заявленіе Зиновьева обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что высланный изъ отряда, находившагося далеко впереди великокняжеской рати, онъ съ точностью указалъ день, когда Іоаннъ займетъ Торжокъ. Это Зиновьевъ могъ сдѣлать только при условіи, что предположеніе о занятіи Торжка было заранѣе намѣчено, заблаговременно сообщено князю Холмскому и фактически выполнено съ полной точностью, что дѣйствительно и случилось.

Такимъ образомъ, заявленіе Зиновьева Псковичамъ о прибытіи Іоанна въ Торжокъ 29-го іюня свидѣтельствуетъ, во-1-хъ, о правильности разсчетовъ при совершеніи походныхъ движеній въ то время, во-2-хъ, объ аккуратномъ и тщательномъ выполненіи предположеній относительно этого и, наконецъ,—объ умѣньи поддерживать связь между различными частями арміи, разбросанными на значительномъ разстояніи одна отъ другой.

Не смотря, однако, на требованія Зиновьева, Псковичи все же собирались крайне медленно. Лишь прибытіе отъ Великаго Князя новаго посла, боярина Кузьмы Коробина, сообщившаго, что Іоаннъ 29-го іюня дѣйствительно уже былъ въ Торжкѣ, заставило, наконецъ, Псковичей 10-го іюля выступить изъ Пскова. Они тронулись въ походъ всѣмъ городомъ и пригородами, подъ начальствомъ сына своего князя—намѣстника, Василія Федоровича Шуйскаго, и четырнадцати посадниковъ.

Вступивъ въ Новгородскую землю 12-го іюля, Псковичи стали жечь села и разорять страну; 14-го же іюля осадили Вышгородъ. Однако, уже на другой день, 15-го іюля, по просьбѣ Вышгородцевъ Псковичи сняли осаду города и, сжигая и разоряя все по пути, медленно двинулись внизъ по р. Шелони [36]).

Но пока такъ дѣйствовали Псковичи, на берегахъ Шелони произошелъ послѣдній и рѣшительный актъ похода 1471 г., такъ называемая Шелонская битва, имѣвшая мѣсто 14-го іюля между отрядомъ князя Холмскаго и Новгородскими войсками и завершившая предпріятіе Великаго Князя Московскаго полнымъ успѣхомъ.

Бѣжавшіе изъ-подъ Коростыня изувѣченные Новгородцы, прибывъ въ городъ, на однихъ нагнали страхъ и ужасъ, другихъ же привели въ ожесточеніе и внушили имъ жажду мести.

Въ результатѣ, къ Великому Князю, чтобы выиграть время, былъ посланъ Лука Клементьевъ съ просьбой о мирѣ, а вслѣдъ за тѣмъ—послали гонца къ Казиміру Литовскому съ просьбою поскорѣе прислать свое войско на выручку Новгорода.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ Московскихъ ратей и Псковичей было отправлено наскоро собранное ополченіе. Численность Новгородскаго ополченія достигала отъ 20.000 до 40.000 чел. [37]).

Полагая, что Великій Князь со своей арміей еще далеко, а переговоры съ Лукой Клементьевымъ задержатъ хотя на время его дальнѣйшее движеніе и что князь Холмскій отвлеченъ къ Русѣ и къ Демону, Новгородцы рѣшили прежде всего раздѣлаться съ Псковичами, побѣда надъ которыми считалась дѣломъ легкимъ. Между тѣмъ, за это время прибудутъ войска Казиміра и, усиленные ими и

окрыленные грядущей побѣдой надъ Псковичами, Новгородцы надѣялись одержать верхъ и надъ силами Великаго Князя.

Выйдя изъ Новгорода, Новгородское ополченіе обогнуло западный берегъ оз. Ильменя и двинулось по лѣвому берегу р. Шелони, не подозрѣвая, что недалеко отъ устья ея находится Московскій отрядъ.

Но насколько Новгородцы, вслѣдствіе плохой развѣдки, были плохо оріентированы, настолько князь Холмскій былъ хорошо освѣдомленъ. Средствами для этого были: тайная развѣдка черезъ посредство лицъ, расположенныхъ въ Москвѣ и проживающихъ въ Новгородѣ, и войсковая развѣдка посредствомъ обычныхъ сторожей [38]).

Получивъ свѣдѣніе о приближеніи Новгородцевъ къ р. Шелони, князь Холмскій двинулся къ нимъ навстрѣчу. Всего у него было 4—5 тыс. человѣкъ [39]).

Вслѣдствіе этого движенія и явилась битва 14-го іюля, называемая Шелонской.

Представляется теперь необходимымъ изслѣдовать два вопроса: 1) гдѣ происходила Шелонская битва и 2) какъ она происходила.

Шелонская битва.

а) Мѣсто битвы.

Многіе историки уже рѣшали эти вопросы, но ни одинъ изъ нихъ не указалъ точно мѣста, гдѣ произошла 14-го іюля битва между Новгородцами и Москвичами; самое же описаніе битвы у всѣхъ чрезвычайно разнообразно [40]).

Попытаемся опредѣлить сначало мѣсто битвы, обратившись непосредственно къ первоисточникамъ, каковыми являются различныя лѣтописи; при этомъ для удобства и точности изслѣдованія послѣдовательно изучимъ слѣдующіе вопросы:

1. Къ какому именно мѣсту вернулся отрядъ князя Холмскаго изъ-подъ Демона?
2. Гдѣ отрядъ этотъ ночевалъ въ ночь съ 13-го на 14-е іюля?
3. Когда князь Холмскій увидѣлъ Новгородцевъ?
4. Когда Московская дружина перешла черезъ р. Шелонь?
5. Въ какомъ мѣстѣ произошла переправа?
6. Сколько времени прошло отъ переправы до боя?
7. Гдѣ произошла битва?

Въ «Новгородскомъ лѣтописцѣ» относительно мѣста Шелонской битвы говорится: [41]) «Егда-же пріидоша стражіе и вѣстницы и повѣдаща воеводамъ, что идетъ на нихъ отъ Великаго Новограда конная рать зѣло велика, да и судовая рать по озеру идетъ-же

къ нимъ на помощь въ рѣку въ Шелонь; воеводы-же великаго князя слышавше сія отъ нихъ и тако начаша поминати и глаголати въ себѣ правду своего государя великаго князя предъ его отчиною, предъ Великимъ Новымъ Градомъ, а ихъ лукавую Новгородскихъ мужей измѣну передъ нимъ, и помолившеся Господу Богу о сихъ и его пречистой Богородицѣ и положивше упованіе на Бога, и рѣша дружинѣ своей: «то братіе намъ мѣра послужити своему Государю великому князю Іоанну Василіевичю всея Россіи; а рати ихъ, братіе, хотябы и 300.000 было, а намъ одинако животъ свой положити за Государя своего правду; а то вѣдаетъ Богъ и пресвятая Богородица, и нашего Государя великаго князя правда предъ нимъ». Воутріи же день въ недѣлю, рано, въ память Святаго Апостола Акvлы, мѣсяца іюлю въ 14-й день, приспѣша къ нимъ ратные полки и вся сила Новгородская на рѣку Шелоню и сташа обоя вооружившееся на бой противо себѣ... тако-бо Господь Богъ свыше посла въ той часъ своего великаго божества невидимую силу, помогая полкамъ великаго князя Іоанна Василіевича, ради его великаго благочестія и вѣры, о ней же добрѣ подвизавшеся.

Егда бо узрѣвше Новгородстіи полки и воинстіе люди великаго князя скоро вметашася въ рѣку противо ихъ на конѣхъ своихъ ни единаго же ихъ какъ не поткнося высоты ради берега ниже во глубинѣ потопишася, но скоро чрезъ рѣку пребрашася на вся силы Новгородскія, и совокупишася вмѣсто и начаша битися».

Въ Псковской лѣтописи о мѣстѣ Шелонской битвы говорится такъ: [42]) «А воеваша (войско Псковское) волости и пожгоша около рубежа на 8 верстъ или болѣе. А Новгородцы услышавше силу Псковскую, что воюютъ волости, и отрядиша Воеводно Казигмера, да Дмитрія сына Марфина, и иныхъ много бояръ, и около всей Новгородской силѣ, наиболѣе 40.000, и поидоша на Псковичи, и наѣхаша на Шелони силу Московскую князя Даниля, ѣдутъ съ ними поровну обонь полъ рѣки, и не дошедше Мустца и Солцы, и вергошся Москвичи въ рѣку Дрянь за берега, и прегнавше Дрянь рѣку и ударишася на нихъ, и побѣдиши ихъ въ той-же день, которой поѣхала изъ Пскова Псковская сила» [43]).

И въ другомъ мѣстѣ: ...«Ино въ то же время Новгородцы въ силѣ велицѣ на Псковскую рать и доидоша Сольцы и съ срете ихъ рать великаго князя мѣсяца іюля въ 14 день, на память св. отца Іосифа, Князь Данило Холмскій въ день недѣльный до обѣда, и бысть сѣча имъ люта вельми:...

Въ «Софійскомъ Временникѣ» по поводу мѣста Шелонской битвы находимъ слѣдующее [44]):

«Воеводы же великаго Князя, князь Данило да и Федоръ, идучи къ Русѣ, многіе волости и села плѣниша, и множество полону имаша; пришедше же въ Русу и пожгоша ю, и оттолѣ поидоша къ Новугороду. Пришедшимъ же имъ къ рѣцѣ Шолонѣ, и ту срѣтоша ихъ Ноугородци по оной странѣ рѣки Шолони ѣздяще, и гордящеся, и своевеса хулныа износяще на воеводъ великаго Князя (словеса нѣкая хулная глагола; ху, яко пси лаяху); наши же сташа станомъ на сей сторонѣ рѣки-бѣ бо уже вечеръ: Воеводы же великаго Князя печалны быша велми, множество бо бяше Ноугородцевъ, яко тысящъ М. (40) или болши, нашихъ же мало велми; вси бо людіе по загонамъ быша воююще, нечаяху бо Ноугородскіе стрѣчи, бысть бо нашихъ всѣхъ осталося Д. (5), или мало болши. Наутріи наши исполчишася и стояху противу имъ, и стрѣляющимся обоимъ, Ноугородци же единако хваляхуся, и гордостію своею величающеся, и надѣяхуся на множество людей своихъ, и глаголаху словеса хулная на нашихъ и забыша окаянніи, яко Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. Воеводы же призываху Бога на помощь и его пречистую Матерь Богородицу, и глаголюще . . . . . Воеводы же глаголаху къ людемъ: господіе и братіе наши, лучши есть намъ здѣ главы своя покласти за Государя своего великаго Князя, нежели съ срамомъ возвратитися. И сія рекши и сами напередъ подкнута кони свои и побредоша за рѣку борзо, вси-же побредоша по нимъ скоро, иніи же мнози попловоша (бѣ глубока рѣка та), и кликнуша на Ноугородцевъ, стрѣляющи ихъ, иніи съ копьи и съ сулицами скочиша на нихъ по песку (бѣ бо песокъ великъ подлѣ рѣку); Ноугородци же мало щитъ подержавше и побѣгоша вси, Іюля I. (14), на память святаго Апостола Акила, въ день недѣльный полъутра; наши же погнаша».

Въ другомъ мѣстѣ той же лѣтописи [45]) относительно мѣста Шелонской битвы повторяется дословно то же, что и въ «Новгородскомъ лѣтописцѣ» лишь съ измѣненіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правописанія.

Въ «Степенной книгѣ» [46]) находимъ по тому же вопросу слѣдующія данныя:

«Сами же воеводы поидоша къ Дѣмону граду. Къ нимъ же присла великій князь съ Кольма озера, веля имъ ити за реку Шелоню сниматися со Пьсковичи, а подъ Дѣмономъ стояти повелѣ князю Михаилу Андрѣевичу съ сыномъ, княземъ Васильемъ и со всѣми вои своими. Воеводы же великаго князя, яко пріидоша къ Шелонѣ рецѣ на берегъ, идѣже брести ея, и тогда со другія страны реки тоя противу ихъ пріиде рать Новоградская, многое множество, яко и

ужаснутися полкомъ великаго князя, понеже въ мале бяху. Прочая же, иже съ ними воиньства, невѣдуще того, пленяху окрестная мѣста Нова града. А окаянніи измѣнницы Новогородскіе, посадницы и тысящьскіе и боляре и купцы и всякіе ремесленицы и весь народъ гражданъ, совокупившеся всея ихъ рати, яко же сами глаголютъ, четыредесятъ тысящъ, и поидоша скоро многими силами на тѣхъ же воеводъ великаго князя на передовый полкъ, на князя Данила Холмскаго и на Федора Давидовича. Воеводы же великаго князя, ихъ же въ мале бяше, яко тысящъ пять, супротивныхъ же аще и многое множество видѣвше, не устрашишася, но надѣющеся на Господа Бога и на Пречистую Его Матерь и на правду государя своего, поидоша скоро-устремительно противу ихъ, яко лви рыкающе, черезъ реку ону великую, ея же сами Новоградьцы глаголютъ никогда же тамо броду имущи, а сіи не ищуще броду всѣ цѣли и здравіи преидоша ея».

Никоновская лѣтопись [47]) о битвѣ на Шелони повѣствуетъ дословно, какъ и Степенная книга, но съ нѣкоторыми измѣненіями въ орѳографіи.

Въ продолженіи лѣтописи Нестора [48]) относительно интересующаго насъ вопроса находимъ: «... и оттолѣ (отъ Русы) поидоша къ Нову городу, и пришедшимъ-же имъ къ рѣцѣ Шелонѣ, и ту срѣтоша и Новгородцы, по оной странѣ рѣки... наши же сташа станомъ на сей странѣ рѣки: бѣ бо уже вечеръ . . . . . на утро-же наши исполчишася, и стояху противу имъ (Новгородцевъ) . . . . а сами (воеводы) напередъ поткнуша кони свои, и побредоша за рѣку борзо, вси же побредоша вскорѣ по нихъ, иніи же мнози опловоша: бѣ бо глубока рѣка та, и кликнуша на новогородцевъ, стрѣляюще ихъ, иніи же съ копіи и съ сулицами скочиша на нихъ по песку: бѣ бо песокъ великъ подлѣ рѣку . . . . іюля въ 14 день, на память святаго апостола Акилы, въ день недѣльный въ полъ утра»...

На основаніи приведенныхъ выдержекъ изъ лѣтописей по отношенію каждаго изъ поставленныхъ выше вопросовъ можно сдѣлать слѣдующее заключеніе:

Лѣтописи не даютъ точнаго отвѣта на вопросъ, куда прибылъ князь Холмскій изъ Демона. Однако, на основаніи данныхъ, приводимыхъ Новгородскимъ лѣтописцемъ и Степенной книгой, можно сдѣлать выводъ, что князь Холмскій прибылъ къ Шелони и въ день прибытія, 13-го іюля, уже получилъ свѣдѣнія о наступленіи Новгородцевъ. Для опредѣленія же мѣста, куда прибылъ князь Холмскій, болѣе точно нужно принять во вниманіе слѣдующее:

Необходимость соединиться съ Псковичами должна была заставить князя Холмскаго вернуться къ тому мѣсту, гдѣ это соединеніе

предполагалось раньше; съ другой стороны, сопоставленіе разстоянія отъ Демона къ различнымъ пунктамъ на Шелони съ временемъ, имѣвшимся у князя Холмскаго на переходъ отъ Демона къ Шелони и опредѣляющимся выступленіемъ изъ Демона 10-го іюля [5]) и прибытіемъ къ Шелони, что не могло быть позже 13-го іюля (14-го уже произошло сраженіе), необходимо придти къ заключенію, что князь Холмскій 13-го іюля прибылъ къ Коростыню.

Относительно того, гдѣ отрядъ князя Холмскаго ночевалъ въ ночь съ 13-го на 14-е іюля, ни одна изъ лѣтописей не даетъ никакихъ указаній, но на основаніи данныхъ Софійской лѣтописи и Степенной книги можно заключить, что князь Холмскій провелъ эту ночь вблизи Шелони, въ томъ мѣстѣ, къ которому онъ непосредственно прибылъ 13-го іюля.

Къ тому же, принявъ во вниманіе, что князь Холмскій 13-го, и всего вѣроятнѣе, къ вечеру прибылъ къ Коростыню, что битва произошла 14-го, и что передъ битвой обѣ стороны нѣкоторое время шли въ виду одна другой по разнымъ берегамъ Шелони, но въ одномъ и томъ же направленіи, представляется возможнымъ допустить, что князь Холмскій въ ночь съ 13-го на 14-е ночевалъ именно у Коростыня.

Относительно третьяго вопроса данныя лѣтописей расходятся. Согласно Новгородскаго лѣтописца и Псковской лѣтописи, Московскій отрядъ увидѣлъ Новгородцевъ 14-го іюля рано утромъ, а по Софійской и Никоновской лѣтописямъ, а также по Степенной книгѣ, — князь Холмскій увидалъ Новгородцевъ, какъ только прибылъ къ Шелони, т. е. 13-го іюля.

Признавъ, что князь Холмскій ночевалъ на 14-е іюля въ Коростыни, а также учтя данныя, приведшія насъ выше къ заключенію о мѣстѣ указаннаго ночлега, казалось бы необходимымъ придти къ выводу, что князь Холмскій впервые увидѣлъ Новгородцевъ 14-го утромъ противъ того мѣста, гдѣ нынѣ находится станція Шимская.

Значительная ширина р. Шелони ниже Шимской, болотистая долина рѣки на этомъ ея участкѣ, а также то обстоятельство, что князь Холмскій, по свидѣтельству лѣтописей, заблаговременно получилъ свѣдѣнія о движеніи Новгородцевъ, подтверждаютъ это предположеніе.

Въ Никоновской лѣтописи и въ Степенной книгѣ, наиболѣе подробно излагающихъ изслѣдуемыя событія; ничего не говорится, *когда* произошла переправа Московскихъ войскъ черезъ Шелонь; однако, большинство лѣтописей утверждаетъ, что эта переправа произведена была 14-го іюля утромъ.

Ни одна лѣтопись точно не указываетъ, *гдѣ* произошла переправа князя Холмскаго черезъ р. Шелонь; всѣ лѣтописи лишь ука-

зываютъ, что у мѣста переправы берегъ былъ высокій, рѣка—широкая и глубокая, а по Софійской лѣтописи и по продолженію лѣтописи Нестора на лѣвомъ берегу мѣста переправы почва была очень песчаная. Только въ Псковской лѣтописи по вопросу о мѣстѣ переправы даются нѣсколько болѣе опредѣленныя указанія, а именно: въ ней сказано, что переправа произошла не доходя Мусцовъ и Сольцы. Однако, эта лѣтопись говоритъ о переправѣ не черезъ р. Шелонь, а черезъ р. Дрянь, причемъ о мѣстныхъ условіяхъ переправы не говоритъ вовсе. Наконецъ, всѣ лѣтописи согласно показываютъ, что битва произошла на лѣвомъ берегу Шелони тотчасъ же послѣ переправы.

Такимъ образомъ, изъ чрезвычайно скудныхъ данныхъ, которыя мы находимъ въ первоисточникахъ по интересующему насъ вопросу, и въ силу того, что мѣстонахожденіе р. Дряни совершенно неизвѣстно, можно сдѣлать лишь заключеніе, что битва произошла 14-го іюля утромъ на лѣвомъ берегу Шелони, гдѣ-то между устьемъ этой рѣки и Мусцами, непосредственно у мѣста переправы отряда князя Холмскаго черезъ Шелонь.

Такимъ образомъ, только опредѣливъ мѣсто переправы, можно опредѣлить и мѣсто битвы, если, конечно, какія-либо особенныя данныя, напримѣръ, тѣ или другіе предметы, найденные на какомъ-либо пунктѣ, не укажутъ сами по себѣ мѣсто сраженія [50]). Такъ какъ розыски въ этомъ отношеніи не дали положительныхъ результатовъ, то приходится поле Шелонской битвы опредѣлять въ зависимости отъ мѣста переправы.

Лѣтописи, не давая на этотъ счетъ опредѣленныхъ указаній, тѣмъ не менѣе, приводятъ рядъ косвенныхъ по этому поводу данныхъ, сочетая которыя съ другими соображеніями, быть можетъ, и явится возможнымъ болѣе или менѣе точно опредѣлить мѣсто переправы отряда князя Холмскаго. На какихъ же данныхъ, кромѣ лѣтописныхъ указаній, могутъ основываться отмѣченныя соображенія? Къ такимъ даннымъ нужно отнести: преданія мѣстныхъ жителей и мѣстныя условія.

Къ лѣтописнымъ указаніямъ, сводящимся къ тому, что Шелонская битва произошла гдѣ то между устьемъ р. Шелони и Мусцами, нужно прибавить слѣдующія опредѣленныя данныя тѣхъ же лѣтописей: а) что Московскія и Новгородскія войска 14-го іюля до начала переправы первыхъ нѣкоторое время отъ мѣста ночлега шли вверхъ по р. Шелони; б) что послѣ боя Московскія войска преслѣдовали Новгородцевъ по направленію Новгорода 12 верстъ [51]), и в) наконецъ, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ встрѣчаются указанія, свидѣтельствующія

о томъ, что переправа черезъ Шелонь связана съ другой рѣкой, а именно съ р. Дрянью, которую отрядъ князя Холмскаго перешелъ.

Свѣдѣнія, указанныя въ пунктѣ а, свидѣтельствуютъ, что мѣсто переправы, а, значитъ, и битвы лежитъ на довольно значительномъ разстояніи отъ устья р. Шелони вверхъ по ея теченію. Съ другой стороны, если указаніе лѣтописи о преслѣдованіи на 12 верстъ сопоставить съ тѣмъ, что по пути между раіономъ, гдѣ можно искать Шелонское поле сраженія, и Новгородомъ лежитъ значительная р. Мшага, которая по своимъ размѣрамъ и по направленію своего теченія можетъ остановить войска, преслѣдующія вдоль по р. Шелони къ Новгороду, то можно признать, что преслѣдованіе было остановлено именно этою рѣкою. А въ такомъ случаѣ логично заключить, что битва 14-го іюля произошла гдѣ то въ пунктѣ, лежащемъ вверхъ по р. Шелони отъ р. Мшаги въ 12-ти верстахъ. Такимъ пунктомъ является примѣрно раіонъ деревень Велебицы—Скирино.

Здѣсь можетъ быть только сомнѣніе, могли ли войска Холмскаго поспѣть въ этотъ раіонъ, если они ночевали у Коростыня. Этотъ раіонъ отъ того пункта, гдѣ противники могли увидѣть другъ-друга съ противоположныхъ береговъ, находится въ разстояніи 16—18 верстъ (нынѣ ст. Шимская), да до этого пункта князю Холмскому пришлось пройти отъ Коростыни верстъ 12, т. е. до начала сраженія Московскимъ войскамъ пришлось сдѣлать около 30 верстъ.

Въ лѣтописяхъ указывается, что сраженіе окончилось около полудня [52]). Съ другой стороны извѣстно, что Новгородцы сопротивлялись не долго; другими словами, время переправы или начала сраженія—около 11 часовъ утра 14-го іюля. Къ этому времени отрядъ князя Холмскаго, выступя съ мѣста ночлега очень рано утромъ 14-го іюля, безусловно могъ пройти около 30 верстъ, т. е. прибыть въ раіонъ Скирино—Велебицы.

Что касается р. Дрянь, то лѣтописи совершенно не даютъ никакихъ указаній, гдѣ она протекала; съ другой стороны, такого названія рѣки между устьемъ Шелони и Мусцами, да и вообще гдѣ бы то ни было въ картографическомъ матеріалѣ, какъ въ наиболѣе раннемъ, такъ и въ позднѣйшемъ не встрѣчается, и современнымъ географамъ такое названіе неизвѣстно; вслѣдствіе этого р. Дрянь приходится разыскивать по другимъ признакамъ.

Что касается народныхъ преданій, то прежде всего необходимо сказать, что въ настоящее время на мѣстахъ они почти не сохранились. Это объясняется тѣмъ, что глубокихъ стариковъ въ деревняхъ между Мусцами и устьемъ р. Шелони теперь уже нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, изъ мѣстныхъ преданій, дошедшихъ до

насъ, необходимо отмѣтить: преданіе, опирающееся на постоянныя находки въ очень большомъ количествѣ человѣческихъ костей въ д. Велебицы подъ старою церковью и подъ школой, а также—на такъ называемомъ Юрку, въ 3-хъ верстахъ отъ д. Велебицы внизъ по р. Шелони. Преданіе это говоритъ, что въ этихъ мѣстахъ нѣкогда происходила великая битва. При этомъ, какъ на мѣсто битвы, болѣе опредѣленно указываютъ на Юрокъ.

Съ этимъ преданіемъ связывается и другое: что самое названіе с. Велебицы происходитъ отъ двухъ словъ «веле биться», т. е. «сильно биться» [53]).

Наконецъ, къ числу мѣстныхъ преданій по данному вопросу необходимо еще прибавить, что нѣкоторые крестьяне д.д. Мусцы и Скирино изъ наиболѣе старыхъ указываютъ на существованіе въ прежнее время въ раіонѣ ихъ деревни названія рѣки Дрянь и даже опредѣленно указываютъ теперь тотъ ручей, который въ прежнее время будто бы назывался р. Дрянь.

Однако, нужно признать, что всѣ преданія имѣютъ слишкомъ ничтожную реальную обоснованность тѣмъ болѣе, что данныя слѣдующей категоріи вполнѣ положительныя, а именно: мѣстныя условія частью не подтверждаютъ эти преданія, а частью даже противорѣчатъ имъ.

Съ этой точки зрѣнія прежде всего необходимо остановиться на вопросѣ, насколько удобно мѣсто для переправы у Юрка и у Велебицы.

Правый берегъ р. Шелони противъ Юрка низменный и долина здѣсь на протяженіи около двухъ верстъ и шириной около $^1/_2$ версты представляетъ собой болотистый лугъ. Въ настоящее время здѣсь лежитъ сельцо Александровское Болото, въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ половины XV в. имѣется свѣдѣніе [54]), что въ Свинордскомъ погостѣ, въ предѣлахъ котораго лежалъ разсматриваемый нами раіонъ, находилось урочище Великое Болото. Другихъ мѣстъ, связанныхъ съ названіемъ «болото», въ предѣлахъ прежняго Свинордскаго погоста нѣтъ. Все это и даетъ право сказать, что долина по правому берегу Шелони противъ такъ называемаго Юрка была въ отдаленное время занята болотомъ и, значитъ, отсюда переправа черезъ Шелонь не могла быть начата. Къ тому же въ лѣтописяхъ указывается, что переправа отряда кн. Холмскаго начата съ высокаго и крутого берега.

Съ другой стороны, лѣвый берегъ Шелони у Юрка очень близко подходитъ къ рѣкѣ, очень высокъ и крутъ настолько, что даже отдѣльному человѣку на него подниматься очень трудно. При такихъ условіяхъ врядъ ли могъ здѣсь кн. Холмскій выбрать мѣсто для пе-

реправы своего отряда, исключительно коннаго. Не могла способствовать такой переправѣ и долина ручья Юрокъ, впадающаго здѣсь въ Шелонь, такъ какъ эта долина очень узка и даже теперь имѣетъ высокіе и крутые берега.

Все это заставляетъ придти къ заключенію, что врядъ ли здѣсь у Юрка была произведена переправа, а, значитъ, врядъ ли произошла и битва. Это заключеніе подтверждается еще и тѣмъ, что Юрокъ лежитъ отъ рѣки Мшаги гораздо ближе 12 верстъ, а между тѣмъ, выше было указано, что именно въ этомъ разстояніи отъ Мшаги нужно искать мѣсто Шелонской битвы.

Правый берегъ Шелони противъ Велебицы высокъ и крутъ. Такимъ образомъ, здѣсь какъ бы на лицо тѣ условія, о которыхъ говорятъ лѣтописи и съ этой точки зрѣнія можно признать, что переправа могла начаться противъ Велебицъ. Но наряду съ этимъ необходимо обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: во 1-хъ, въ этомъ мѣстѣ крутой и высокій берегъ подходитъ почти къ самой водѣ, что для переправы значительнаго коннаго отряда не можетъ быть признано удобнымъ; во 2-хъ, противъ д. Велебицы на р. Шелони въ настоящее время находится островъ.

Трудно сказать съ увѣренностью, былъ ли этотъ островъ въ 1471 г., но его размѣры и его топографія при томъ, что лѣто 1471 г. было чрезвычайно сухое, заставляютъ съ большой долей вѣроятности предполагать, что этотъ островъ былъ уже во времена Шелонской битвы. А разъ это такъ, то лѣтописи, говоря о переправѣ, казалось бы, должны были бы упомянуть и объ островѣ, но мы знаемъ, что такого упоминанія ни въ одной лѣтописи не имѣется, что и можно объяснить только тѣмъ, что противъ д. Велебицъ переправы не было.

Такимъ образомъ, съ большой долей вѣроятности можно утверждать, что переправа произошла не у Велебицъ. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ, что лѣвый берегъ Шелони у Велебицъ имѣетъ такой же характеръ, какъ и Юрка, т. е. крайне неудобный для того, чтобы значительный конный отрядъ взобрался бы на него тотчасъ послѣ переправы, да еще въ виду противника.

Въ $1^1/_2$ верстахъ отъ д. Велебицъ р. Шелонь рѣзко мѣняетъ направленіе своего теченія изъ меридіальнаго на сѣверо-восточное.

Въ этомъ мѣстѣ р. Шелони долина нѣсколько расширяется, образуя по обѣ стороны рѣки небольшія сухія площадки. Оба берега, здѣсь отошедшіе на правой сторонѣ саженъ на 150—175 отъ рѣки, а на лѣвой саженъ на 100, возвышены и круты, особенно правый. Подъемъ съ долины на берегъ на лѣвой сторонѣ достаточно удобенъ. Послѣ подъема на берегъ открывается довольно ровное

поле, шириною отъ 1/2 до 1 версты и длиною до 2 верстъ. На этой площадкѣ лежитъ д. Велебицы, а выше ея по Шелони какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ расширяется долина Шелони, расположена д. Скирино.

Трудно теперь сказать, существовали ли въ семидесятыхъ годахъ XV столѣтія обѣ эти деревни, однако, писцовыя Новгородскія книги позволяютъ думать, что д. Скирино въ то время не было. Это можно до нѣкоторой степени заключить изъ того, что въ писцовыхъ Новгородскихъ книгахъ за 1539 годъ не встрѣчается такого названія.

Если ко всему изложенному добавить, что большая дорога изъ Новгорода въ Псковъ идетъ здѣсь по возвышенности параллельно Шелони до д. Скирино, а дальше, продолжаясь въ томъ же направленіи, отходитъ отъ рѣки, которая отсюда дѣлаетъ поворотъ круто на югъ, то нужно признать, что мѣсто, гдѣ лежитъ теперь д. Скирино, является крайне удобнымъ для переправы съ праваго берега Шелони на лѣвый и удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ, судя по лѣтописямъ, происходила переправа отряда кн. Холмскаго 14-го іюля 1471 г.

Правый берегъ—высокій и крутой. Онъ не обрывается непосредственно въ рѣку, а образуетъ передъ послѣдней небольшую низменную площадку, съ которой постепенно и могла производиться переправа 4-тысячнаго, по меньшей мѣрѣ, коннаго отряда; выходъ на противоположный берегъ также удобенъ на имѣющуюся и здѣсь площадку, а съ этой площадки ничто уже не мѣшало, такъ какъ непосредственно у д. Скирино было легко подняться на открытую возвышенность, весьма удобную для боя того времени.

Таковы техническія удобства переправы въ указанномъ мѣстѣ, удобства безспорныя и могущія обратить на себя вниманіе опытнаго и искуснаго воина, какимъ былъ кн. Холмскій.

Эти техническія данныя переправы можно еще добавить тѣмъ, что пространство между д. Скирино и д. Велебицы обладаетъ песчаной почвой, а въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ указывается, что бой на Шелони 14-го іюля происходилъ на сильно песчаномъ грунтѣ [55]).

Но помимо отмѣченныхъ выше техническихъ удобствъ для переправы у д. Скирино, заставляющихъ предполагать, что переправа кн. Холмскаго происходила именно здѣсь, есть еще два обстоятельства, подкрѣпляющія это предположеніе.

Въ этомъ мѣстѣ Шелонь, какъ уже указывалось, измѣняетъ направленіе своего теченія, причемъ, если слѣдовать вверхъ по теченію, то направленіе это измѣняется съ юго-западнаго на южное. При такомъ измѣненіи и при условіи, что дорога, идущая вдоль лѣваго

берега рѣки, продолжаетъ идти въ прежнемъ направленіи, получается, что она отходитъ отъ рѣки. Такимъ образомъ, войска, слѣдовавшія по обоимъ берегамъ рѣки вдоль нея, отъ пункта поворота рѣки должны были бы параллельное слѣдованіе измѣнить на расходящееся и у войскъ, идущихъ по правому берегу, могло возникнуть предположеніе, что при дальнѣйшемъ движеніи вверхъ по рѣкѣ они никогда не встрѣтятся съ войсками, слѣдовавшими по лѣвому берегу. Такимъ образомъ, у кн. Холмскаго могла явиться мысль, что, продолжая дальнѣйшій путь, онъ рискуетъ не встрѣтиться съ Новгородцами и не будетъ въ состояніи вступить съ ними въ бой. Но ни по обстоятельствамъ даннаго момента, ни по своему характеру кн. Холмскій, очевидно, не могъ допустить такого расхожденія съ противникомъ. А чтобы этого не случилось, онъ долженъ былъ тотчасъ же переправиться черезъ Шелонь и немедленно напасть на Новгородцевъ. Такимъ образомъ, условія, чисто стратегическія, должны были заставить кн. Холмскаго пунктомъ переправы избрать мѣсто противъ нынѣшней д. Скирино.

Наконецъ, есть еще одно косвенное подтвержденіе правильности предположенія, что кн. Холмскій 14-го іюля 1471 г. переправился черезъ Шелонь у того мѣста, гдѣ теперь находится д. Скирино:

Указаніе Псковской лѣтописи на то, что битва на Шелони произошла гдѣ то вблизи р. Дрянь, не смотря на то, что нынѣ такой рѣки нѣтъ, заставляетъ заняться отысканіемъ этой рѣки.

Несомнѣнныя свѣдѣнія, что поле Шелонской битвы лежитъ на берегу Шелони на протяженіи ея отъ впаденія въ нее р. Мшаги и до с. Мусцы показываютъ, что р. Дрянь нужно искать именно въ этомъ раіонѣ. Но какъ уже говорилось, офиціальныя данныя, въ видѣ географическихъ описаній и разнаго рода картъ, не позволяютъ дѣлать даже приблизительное предположеніе, гдѣ протекала р. Дрянь. Не привели къ положительнымъ результатамъ по этому поводу и частныя изысканія, какъ, напр. Бранденбурга въ 1889 г. [56]).

Тѣмъ не менѣе, однако, посѣтивъ въ 1913 г. окрестности с. Велебицы, я вновь попытался отыскать р. Дрянь. Руководящими данными для отысканія этой рѣки могли служить: во 1-хъ, мѣстныя преданія, и во 2-хъ, топографія мѣстности.

Въ с. Велебицы и въ окрестныхъ деревняхъ нынѣ, какъ было замѣчено выше, нѣтъ уже глубокихъ стариковъ, сохранившихъ въ памяти то или другое преданіе, относящееся ко временамъ второй половины XV вѣка и переданное имъ отъ ихъ отцовъ и дѣдовъ. Стариковъ старше 75 лѣтъ мнѣ найти здѣсь не удалось.

Большая часть изъ нихъ отзывались полнымъ незнаніемъ

р. Дряни, говоря, что и отъ отцовъ своихъ они рѣки съ такимъ названіемъ не слыхали. Однако, два крестьянина болѣе или менѣе опредѣленно указали, что въ ихъ округѣ есть ручей, который прежде назывался р. Дрянью. Одинъ изъ этихъ крестьянъ, Александръ Бурлыковъ, изъ с. Мусцы вполнѣ опредѣленно указалъ, что ручей, текущій мимо д. Скирино и носящій теперь мѣстное названіе Тополева ручья, нѣкогда назывался р. Дрянью. Другой крестьянинъ, Петръ Ефимовъ, изъ д. Скирино, независимо отъ Бурлыкова, также показалъ, что ручей Тополевъ прежде носилъ другое названіе. Однако, сразу онъ не могъ припомнить это названіе и лишь по нѣкоторомъ наведеніи его заявилъ, что онъ назывался р. Дрянью (сначала Петръ Ефимовъ назвалъ Тополевъ ручей р. Грязью). Показаніе Петра Ефимова подтвердилъ, хотя и не съ полной увѣренностью, и крестьянинъ той же деревни, Василій Терентьевъ.

Нужно, впрочемъ, сказать, что старѣйшій крестьянинъ д. Скирино, Алексѣй Григорьевъ, отказался подтвердить справедливость свидѣтельства односельчанъ и категорически заявилъ, что онъ никогда отъ своего отца не слыхалъ, чтобы ручей, протекающій черезъ ихъ деревню, назывался р. Дрянью.

Изложенныя свѣдѣнія, очевидно, не даютъ основаній съ полной увѣренностью утверждать, что ручей Тополевъ, протекающій черезъ д. Скирино, есть бывшая р. Дрянь. Однако, показанія крестьянина Бурлыкова и Ефимова невольно привлекаютъ наше вниманіе къ этому ручью.

На протяженіи отъ с. Мусцы и до р. Мшаги въ р. Шелонь въ настоящее время впадаетъ съ обѣихъ сторонъ нѣсколько маленькихъ рѣчекъ и ручьевъ, носящихъ вполнѣ опредѣленныя и официально признанныя названія.

Незначительныя эти рѣчки протекаютъ по такой, съ топографической точки зрѣнія, мѣстности, что заставляютъ предполагать, что и въ болѣе отдаленныя времена онѣ не могли быть значительными по своимъ размѣрамъ и что врядъ ли одна изъ нихъ могла привлечь вниманіе лѣтописца преимущественно передъ другими мѣстными предметами въ качествѣ пункта, отмѣчающаго столь важное событіе, произведшее на современниковъ сильное впечатлѣніе, какъ Шелонская битва.

Съ другой стороны, ручей, протекающій черезъ д. Скирино, не имѣетъ нынѣ официальнаго названія и лишь мѣстными крестьянами называется Тополевымъ ручьемъ. Протекаетъ онъ въ широкомъ овражѣ съ очень высокими и крутыми берегами. Это заставляетъ предполагать, что ручей этотъ въ болѣе или менѣе отдаленное время

представлялъ собою значительную рѣку, переходъ черезъ которую несомнѣнно былъ затруднителенъ, а потому естественно думать, что именно эта рѣка могла служить лѣтописцу тѣмъ мѣстнымъ предметомъ, которымъ онъ нашелъ возможнымъ и необходимымъ отмѣтить мѣсто, гдѣ произошла Шелонская битва.

Такимъ образомъ, мы съ нѣкоторой долей вѣроятности можемъ допустить, что нынѣшній Тополевъ ручей нѣкогда представлялъ собою р. Дрянь.

Это же обстоятельство можетъ служить еще однимъ доказательствомъ, подтверждающимъ, что переправа отряда кн. Холмскаго черезъ Шелонь 14-го іюля 1471 г. произошла у того мѣста, гдѣ нынѣ лежитъ д. Скирино.

Однако, въ Псковской лѣтописи, единственной, въ которой упоминается о р. Дряни, говорится:... «и поидоша на Псковичи, и нашѣхаша на Шелони силу Московскую князя Даниля, ѣдутъ съ ними поровну обонь полъ рѣки, и не дошедше Мустца и Солцы, и вергошеся Москвичи въ р. Дрянь съ берега, прегнавше Дрянь рѣку, и ударишася на нихъ»...[57]).

Изъ этихъ словъ лѣтописи можно, казалось бы, заключить, что отрядъ кн. Холмскаго сначала перешелъ р. Дрянь, а затѣмъ уже переправился черезъ Шелонь. Это могло же быть только тогда, если бы р. Дрянь была правымъ притокомъ Шелони, а между тѣмъ, нынѣшній ручей Тополевъ, предположительно принимаемый мною за р. Дрянь, впадаетъ въ Шелонь съ лѣвой стороны.

Чтобы, тѣмъ не менѣе, оправдать мое предположеніе о р. Дряни, необходимо сказать слѣдующее: съ правой стороны на интересующемъ насъ участкѣ р. Шелони въ нее впадаютъ двѣ рѣчки: Сосенка и Иловенька. Помимо уже сказаннаго выше, относительно вѣроятныхъ размѣровъ этихъ рѣкъ въ XV столѣтіи и вліянія этихъ размѣровъ на разрѣшеніе вопроса о мѣстѣ переправы Московскихъ войскъ черезъ Шелонь 14-го іюля 1471 г. необходимо указать, что обѣ онѣ впадаютъ въ Шелонь въ пунктахъ, гдѣ трудно предположить переправу кн. Холмскаго черезъ Шелонь: р. Сосенка впадаетъ въ р. Шелонь слишкомъ близко отъ р. Мшаги, а рѣка Иловенька впадаетъ въ Шелонь у с. Свинордъ. Не говоря уже о томъ, что здѣсь мѣстность, въ противоположность мѣстности у д. Скирино, совершенно не обладаетъ благопріятными тактическими и стратегическими условіями для переправы, необходимо отмѣтить, что с. Свинордъ, дававшее наименованіе погосту, конечно, явилось бы болѣе виднымъ пунктомъ, указаніемъ на который лѣтопись могла бы точно опредѣлить то мѣсто, которое ей нужно было въ данномъ случаѣ.

Такимъ образомъ, предположеніе, что р. Дрянь могла бы быть лѣвымъ притокомъ р. Шелони, имѣетъ за собой большое основаніе. Но, допустивъ такое предположеніе, необходимо допустить и другое, а именно: что Псковская лѣтопись повѣствуетъ о Шелонской битвѣ не совсѣмъ правильно, дѣлая какую то ошибку.

Если обратить вниманіе на то, что упоминаніе о р. Дряни по поводу Шелонской битвы встрѣчается только въ Псковской лѣтописи, т. е. въ такой, которая составлялась авторомъ, непринадлежавшимъ къ потомкамъ тѣхъ, кто были участниками битвы, то, пожалуй, можно допустить, что или въ дѣйствительности никакой рѣки Дряни не было, или что она не играла въ событіяхъ, происшедшихъ 14-го іюля 1471 г., той роли, о которой говорится въ Псковской лѣтописи. Остановившись на первомъ предположеніи, вполнѣ логично будетъ не принимать во вниманіе свѣдѣнія этой лѣтописи о Шелонской битвѣ. Принимая же второе предположеніе, необходимо разсказъ Псковской лѣтописи о битвѣ 14-го іюля 1471 г. понимать такъ: отрядъ кн. Холмскаго шелъ по правому берегу р. Шелони рядомъ съ Новгородскимъ ополченіемъ, слѣдовавшимъ въ томъ же направленіи по лѣвому берегу р. Шелони. Поравнявшись съ устьемъ р. Дряни, впадавшей въ Шелонь съ лѣвой стороны, кн. Холмскій переправился черезъ Шелонь. Если бы онъ сдѣлалъ иначе, то ему пришлось бы переправиться два раза, что безцѣльно затруднило бы работу войскъ, ставя ихъ въ невыгодное положеніе относительно противника.

Указанное пониманіе Псковской лѣтописи будетъ вполнѣ согласовываться: во 1-хъ, съ другими данными, приводящими къ заключенію, что переправа была произведена противъ нынѣшней д. Скирино, и во 2-хъ,—съ данными, заставляющими предполагать, что р. Дрянь—это именно нынѣшній ручей Тополевъ. Наконецъ, такое толкованіе Псковской лѣтописи нисколько не будетъ противорѣчить установленію, что переправа была у д. Скирино и въ томъ случаѣ, если мы отвергнемъ вовсе существованіе р. Дряни.

Между тѣмъ, всѣ данныя, въ подробности изложенныя выше, приводятъ именно къ тому, что переправа была у д. Скирино.

Наконецъ, необходимо остановиться на преданіи, которое говоритъ о томъ, что названіе с. Велебицы происходитъ отъ словъ «велебиться»—«великая битва».

Преданіе это какъ бы указываетъ, что на мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь это село, происходила великая битва, которая и есть именно Шелонская.

Впервые с. Велебицы встрѣчается въ писцовой Новгородской

книгѣ за 1552 г., въ которой значится: [58]) «Въ Свинордскомъ погостѣ села и деревни за помѣщики. Кузьма Остафьевъ сынъ Лихарева. Деревня за нимъ Олферьевскіе Ивана сына Офонасьева селцо Велебицы, а въ немъ церковь камена святый Иванъ Богословъ, а стоитъ на царевѣ и великаго князя земли».

Однако, въ Новгородской писцовой книгѣ за 1539 г. при описаніи Свинордскаго погоста говорится: [59]) «За Кузьмою за Остафьевымъ сыномъ Лихарева деревни за нимъ Олферовскіе Иванова сына Офоносова селцо Бѣлевицы на рѣкѣ на Шелонь: дв. болшой самъ Кузма...»

Если сравнить эти двѣ выписки, то не трудно придти къ заключенію, что сельцо Велебицы и Бѣлевицы—это одно и то же.

Такимъ образомъ, сельцо Велебицы существовало еще въ 1539 г., но подъ нѣсколько инымъ названіемъ.

Необходимо также отмѣтить, что въ 1539 г. не упоминается о церкви и поэтому можно придти къ заключенію, что въ 1539 г. въ с. Велебицы церкви еще не было.

Отчего же получается разница въ названіи сельца?

Прежде всего здѣсь можетъ быть только ошибка переписчика, что весьма правдоподобно. При этомъ, такъ какъ названіе Бѣлевицы—болѣе раннее, чѣмъ Велебицы, то нужно будетъ признать, что искаженіе допущено было во второмъ случаѣ, а, значитъ, названіе этого сельца совершенно не связано съ какой бы то ни было битвой и, такимъ образомъ, нахожденіе въ данномъ мѣстѣ населеннаго пункта съ названіемъ Велебицы не можетъ служить подтвержденіемъ того, что близъ этого пункта происходила битва.

Съ другой стороны, однако, вполнѣ логично допустить, что названіе сельца измѣнено фактически и вполнѣ сознательно и что переписчикъ отмѣтилъ это измѣненіе въ писцовой книгѣ.

Эту перемѣну названія легко объяснить слѣдующимъ образомъ, принявъ во вниманіе, что въ 1539 г. въ интересующемъ насъ селеніи не было еще церкви: на данномъ мѣстѣ существовало селеніе, которое, быть можетъ, получило начало еще до времени Шелонской битвы, а можетъ быть, и послѣ и носило это село названіе Бѣлевицы. Затѣмъ, весьма вѣроятно, что послѣ 1539 года здѣсь рѣшено было построить церковь въ память одержанной Іоанномъ III побѣды на р. Шелони надъ Новгородцами. Мѣстомъ ея постройки весьма вѣроятно былъ избранъ пунктъ, лежащій вблизи битвы, происходившей на берегахъ Шелони 68 лѣтъ тому назадъ. Такимъ пунктомъ являлось сельцо Бѣлевицы.

Такъ какъ церковь строилась во времена Царя Іоанна IV и въ

память радостнаго событія, происшедшаго въ великое княженіе дѣда Царя, Іоанна III, то и церковь построена во имя Іоанна Богослова. А такъ какъ упомянутое событіе была великая битва, то и рѣшено было и самую деревню, въ которой строилась церковь, назвать въ память этого событія, т. е. «велей битвы», Велебицей.

Такія разсужденія не являются фантастичными. Мы не нарушаемъ логики, приходя къ указанному заключенію. А разъ мы примемъ это заключеніе, то, какъ прямой выводъ изъ него, является утвержденіе, что наличность нынѣшняго села Велебицы на данномъ пунктѣ свидѣтельствуетъ, что именно гдѣ то здѣсь и произошла битва, а такой битвой здѣсь могла быть только такъ называемая Шелонская, имѣвшая мѣсто 14-го іюля 1471 г.

И такъ, мы имѣемъ еще одно, хотя очень косвенное, подтвержденіе, что Шелонская битва произошла гдѣ то очень близко отъ Велебицы и что для того, чтобы такая битва произошла въ этомъ мѣстѣ, необходимо, чтобы переправа Московскаго отряда князя Холмскаго черезъ Шелонь по причинамъ, указаннымъ выше, была произведена именно у того мѣста, гдѣ нынѣ лежитъ д. Скирино.

Такимъ образомъ, съ большей или меньшей долей вѣроятности мѣсто Шелонской битвы мы можемъ считать опредѣленнымъ.

б) Ходъ битвы.

Посмотримъ теперь, какъ происходила Шелонская битва [60]).

Лѣтописи описываютъ ее такъ:

Въ лѣтописцѣ Новгородскомъ [61]) и въ Софійскомъ временникѣ [62]) говорится: «... скоро черезъ рѣку пребрашася на вся силы Новгородскія, и совокупишася вмѣсто, и начаша битися... Егда бо восташа ополчившася противо ратнымъ полкомъ великаго князя Новгородцы и тако ничтоже возмогоша подъяти крѣпцѣ рукъ своихъ противу; но сами зѣло взмятошася отъ напрязенія луковъ стрѣлъ ихъ и отъ рукъ оружія ихъ, по реченію пророческому, якоже пишется: ту падоша вси творящіи беззаконіе, низриновени быша и не могутъ стати.

И тако, Божію благодатію, въ часѣ времени Новгородцы обратиша лица своя назадъ мечуще оружія своя на землю и вропша своя плещи лукаваго ополченія и побѣгоша вспять, отнюду же пріидша; и бѣжаша посрамлени, мечюще съ себѣ доспѣхи своя тягости ради конь своихъ, и ту падша мнози зѣло трупія ихъ мертвыхъ... и многи умершвляеми падаху на лицѣ земли, а иніи мечющеся съ коней своихъ въ лѣсъ яко скотъ бредяху, не вѣдяще другъ друга, а може кто идетъ, и гласомъ отовсюду объяти слышахуся, сице глаголющемъ, а

уже женущихъ недѣту никого же на мѣстѣ, идѣже имъ гласи слышатся, яко-же уставленъ бываше глаголатися ясакъ полковъ великаго князя, Москва. Тако бо Господь исполни страха лукавая сердца ихъ и блудяху въ лѣсахъ не знающе своихъ мѣстъ, ни своея земли, наши-же благочестиваго государя и великаго князя, по Божьей милости, добрѣ храбрствующе надъ ними, надъ лукавыми Новгородцы, и гониша ихъ яко 20 поприщъ убивающе, многихъ отъ нихъ смерти предаваху, а иныхъ зѣло много руками яша живыхъ, а иніи въ судахъ въ водѣ истопоша на рѣцѣ Шелони; воини-же ставше на побоищи на костехъ, честно вострубиша, радующеся прикладахуся ко святымъ образамъ знаменъ ихъ Новгородскыхъ, возвеличая Божіе милосердіе о побѣдѣ на свои супостатные враги».

Въ другомъ мѣстѣ Софійскаго временника [63]) Шелонская битва описывается такъ: «И сія рекши и сами напередъ подкнута кони свои и побродима за рѣку борзо, вси же побредоша по нихъ скоро, иніи же мнози попловаши (бѣ глубока рѣка та), и кликнуша на Ноугородцевъ, стрѣляющее ихъ, иніи съ копья и съ сулицами скочиша на нихъ по песку (бѣ бо песокъ великъ подлѣ рѣку); Ноугородцы-же мало щитъ подержавше и побѣгоша вси; іюля 14, на память святаго апостола Акила, въ день недѣльный полъутра; наши-же погнаша сѣкуще ихъ и имающе ихъ живыхъ, множество же изсѣкома безчисленно, яко немочно на кони ѣздити въ трупѣхъ, и воеводъ же ихъ, посадниковъ старѣйшихъ всѣхъ руками изымоша, и знамена ихъ всѣ поотнимаша, и инихъ многое множество; мало-же ихъ во градъ утекша и во градѣ затворишася. Наши-же ставше на побоище томъ и прославиша всемилостиваго Бога и его Пречистую Богородицу, и показавшаго надъ Государемъ великимъ княземъ свое милосердіе; и послаша вѣсть къ великому князю, сами-же ту стояще, ждуще великаго князя. Бысть-же, братіе, чуду преславное видѣти, отъ такого множества людскаго Новогородцевъ единъ человѣкъ у нашихъ убіенъ бысть».

Никоновская лѣтопись [64]) о битвѣ на Шелонѣ повѣствуетъ такъ:

«Видѣвши же сіе (переправу черезъ Шелонь Москвичей), Новгородцы возмятошося и восколебашася, яко піани, а сіи ускориша пріити на нихъ, начаша прежде стрѣляти ихъ и возмутишася кони ихъ подъ ними и начаша съ себе бити ихъ. И тако въ скорѣ побѣгоша, гоними гнѣвомъ Божьимъ за свою ихъ неправду и за отступленіе не токмо отъ своего Государя, но и отъ самого Господа Бога. Полци же великаго князя погнаша по нихъ, колюще и сѣкуще ихъ, а они сами бѣжаще, другъ друга бьюще и топчюще, кой съ кого

мога. Избьено же ихъ быть тогда многое множество: самимъ бо глаголющимъ имъ, яко двянадесять тысящъ изгибе ихъ на боехъ тѣхъ, а изыманыхъ руками болѣ двою тысящъ; изыманіе же посадницы ихъ ихъ Василій Казимиръ...., а жытьихъ множество... Бѣжащимъ-же имъ надолзѣ уже и кони ихъ обхошася, и начаша рѣятися съ нихъ доловъ въ воды, и въ болота и въ лѣсы; ослѣпи бо ихъ Господь и не знаяху земли своеа, ниже пути ко граду своему, отъ него-же пріидоша, но блудяху по лѣсамъ; и гдѣ выходящимъ имъ изъ лѣса, и тако имаху ихъ ратніи, а иніи наранени, блудяще по лѣсомъ, изомроша; а иніи въ водахъ истопоша; а которіи съ коней не сметашася, тѣхъ кони ихъ приношаху ко граду, яко пьяныхъ или спящихъ; а иніи въ сторонѣ и градъ свой пробѣгоша, мняще, яко градъ взятъ уже. А вои великаго князя гоними по нихъ двадесять верстъ и тако возвратишася отъ великіа тоя истомы. Воеводы-же князя великаго, князь Данило Холмскій да Феодоръ Давидовичъ, ставше на костѣхъ, сождався съ воинствомъ своимъ, видѣша воя всѣхъ здравыхъ благодариша Бога и Пречистую Матерь Его и всѣхъ Святыхъ. И начаша глаголати воеводы поиманымъ у нихъ Новогородцемъ: «что ради вы съ толикимъ множествомъ вой своихъ ни мало постоясте, видяще малое наше воинство»? Они же рекоша къ нимъ: «мы убо видѣхали васъ безчисленное множество, грядуще на насъ, не токмо противу насъ идущихъ, но еще и иныа полкы видѣхомъ въ тылъ по насъ пришедшихъ, знамена имущихъ желты и большіе стяги и скипетры и говоръ людской многъ, и топотъ конскій страшенъ и тако ужасъ нападе на ны, и страхъ объятъ ны и трепетъ вниде въ сердца наша».

Въ Степенной книгѣ[65]) Шелонская битва описывается такъ:

«Видѣвши же сіе (переправу черезъ Шелонь Московской рати), Новоградцы возмятошася и восколебашася, яко пьяни, а сіи ускориша прійти и стрѣляху ихъ. И возмятошася подъ ними кони ихъ и начаша бити ихъ съ себе. И тако вскоре побѣгоша, гоними гнѣвомъ Божьимъ за свою ихъ неправду и за отступленіе не токмо отъ Великаго Князя, но и отъ самого Господа Бога. Полцы-же Великаго Князя погнаша по нихъ, яко 20 поприщь, колюще и сѣкуще ихъ. А иніи бѣжаще и сами другъ друга убивающе кто ского можаше. Избіено-же бысть ихъ тогда по сказанію ихъ яко 12 тысящь. Изыманіи же посадницы ихъ: Василій Казимиръ... и прочихъ множество... Бежащимъ-же имъ на долзѣ, и кони ихъ подъ ними одхошася и метахуся съ коней своихъ въ воды и въ болота и въ лѣсы; ослепи бо ихъ Господь, яко и земли своея не познаша, ниже пути ко граду своему вѣдуще, отъ него-же пріидоша. Но блудяху по лесомъ блудяще изомроша,

не сметашася, тѣхъ кони ихъ ко граду принесоша яко пьяныхъ, или яко спящихъ. А иніи во торопе градъ свой пробегоша, мьняще, яко взятъ уже градъ ихъ. Воеводы же Князь Даніило и Ѳеодоръ, создавшеся съ воинствомъ своимъ и ставше на костѣхъ, вострубиша благодареніе Богу и чудо преславно видѣти, отъ таковаго множества людскаго Новогородцевъ, единъ человѣкъ у нашихъ убіенъ бысть»...

Еще короче о Шелонской битвѣ говоритъ Псковская лѣтопись, что, впрочемъ, является вполнѣ естественнымъ. Въ этой лѣтописи сказано [66]).

«Ко убо время Псковичи были подъ Вышгородомъ, ино прежъ того только одинъ день Князь Великій самъ изъ Русы воя распасти по Новгородской земли; ино въ то-же время Новгородцы въ силѣ велицѣ на Псковскую рать и доидоша Сольцы и сѣ срете ихъ рать Великаго Князя мѣсяца іюля въ 14 день, на память святого отца Іосифа, Князь Данило Холмскій въ день недѣльный до обѣда, и бысть сѣча имъ люта вельми; и посадники Новогородцкія и воя сила ихъ Новгородцкая показаша плеща своия, и устремишася на бѣгъ. И воеводы Великаго Князя гнаша по нихъ, овы сѣкучи, овы бодучи, овы вяжучи; и гнашася по нихъ и до Глинъ».

Изложенныя лѣтописныя свѣдѣнія даютъ возможность возстановить бой на Шелони 14-го іюля въ слѣдующемъ видѣ *):

Быстро переправившись черезъ Шелонь, отрядъ князя Холмскаго сосредоточился весь на лѣвомъ берегу рѣки, послѣ чего выстроилъ боевой порядокъ, очевидно, обычный для того времени и представляющій собой длинный и глубокій сплошной строй.

Въ то же время бывшіе въ отрядѣ татары были направлены влѣво съ цѣлью обойти правый флангъ Новгородцевъ.

Новгородцы также выстроили боевой порядокъ того же типа и, пользуясь, повидимому, своимъ численнымъ превосходствомъ, намѣревались атаковать Московскій отрядъ. Но въ это время Москвичи встрѣтили ихъ градомъ стрѣлъ, чѣмъ прежде всего остановили наступленіе противника. Эта стрѣльба въ то же время давала возможность выиграть время для выполненія обхода татарами.

Стрѣльба Москвичей вызвала сильное возбужденіе и безпокойство среди лошадей Новгородцевъ. Онѣ начали бѣситься, опрокидываться, сбрасывать всадниковъ, которые по неопытности и безъ того держались некрѣпко въ сѣдлѣ.

Можно думать, что такое волненіе лошадей противника было вызвано Москвичами вполнѣ сознательно и предумышленно и что для

*) См. схему № 5.

этой цѣли они свои стрѣлы направляли не въ людей, а именно въ лошадей.

Въ результатѣ среди Новгородскаго ополченія начался страшный безпорядокъ, часть воиновъ, влекомая своими лошадьми, повернула назадъ и стала топтать стоявшихъ въ послѣдующихъ шеренгахъ.

Этимъ безпорядкомъ у Новгородцевъ воспользовался князь Холмскій, двинувъ свой отрядъ на противника. Съ крикомъ ударили Москвичи въ рукопашную, пустивъ въ дѣло копья и сулицы.

Послѣ непродолжительнаго сопротивленія Новгородцы стали отступать. Въ это время въ тылу ихъ появились татары, обошедшіе ихъ правый флангъ. Появленіе татаръ въ тылу, въ связи съ энергичнымъ натискомъ Москвичей съ фронта, произвело столь сильное впечатлѣніе на Новгородцевъ, что у нихъ началась паника и все ихъ войско бросилось бѣжать по направленію къ Новгороду.

Это произошло между 12 и 1 часами дня.

Князь Холмскій сталъ энергично преслѣдовать противника, который, спасаясь отъ копій и сулицъ Москвичей, бросалъ оружіе и всѣ доспѣхи, чтобы облегчить своихъ лошадей и ускорить ихъ бѣгъ.

Много Новгородцевъ пало на полѣ битвы, еще болѣе погибло ихъ подъ ударами воиновъ князя Холмскаго во время ихъ бѣгства.

Спасаясь отъ Москвичей, многіе Новгородцы пытались скрываться въ окрестныхъ лѣсахъ, откуда въ ослѣпленіи отъ ужаса не могли выбраться на дорогу къ Новгороду и гибли тамъ, или заблудившись, или застрѣвая въ болотѣ. Часть же Новгородцевъ, убѣгая отъ Москвичей, прибыла въ Новгородъ, или, вѣрнѣе сказать, ихъ туда, помимо ихъ желанія и участія, притащили ихъ лошади. Нѣкорые изъ воиновъ Новгородскихъ въ полномъ изступленіи и полагая, что Новгородъ уже взятъ противникомъ, проскакали мимо города, направляясь далѣе на сѣверъ.

Москвичи преслѣдовали Новгородцевъ на протяженіи около 20-ти поприщъ или 12—13 верстъ [67]).

При этомъ преслѣдованіи около 2.000 Новгородцевъ были взяты въ плѣнъ живыми; значительное же число ихъ потоплено въ Шелони; среди плѣнныхъ находились и всѣ Новгородскіе посадники, бывшіе при ополченіи.

Въ руки Москвичей достались также всѣ Новгородскія знамена.

Въ тотъ же день, 14-го іюля, весь отрядъ князя Холмскаго собрался на полѣ битвы и затѣмъ началось здѣсь празднованіе побѣды на костяхъ.

Общія потери Новгородцевъ въ Шелонской битвѣ простирались

до 12.000 человѣкъ; потери Москвичей были, вообще говоря, крайне ничтожны по свидѣтельству одной лѣтописи, у Москвичей былъ всего одинъ убитый. Другая лѣтопись по этому поводу говоритъ, что князь Холмскій, по сборѣ своей рати, очень радовался, такъ какъ «видѣша воя всѣхъ здравыхъ».

Въ битвѣ на рѣкѣ Шелони Московскій воевода, князь Холмскій, выказалъ такое же большое искусство, какъ и въ предшествовавшихъ своихъ дѣйствіяхъ.

Удачно выбравъ мѣсто для переправы, руководясь вполнѣ правильными и стратегическими, и тактическими соображеніями, князь Холмскій не начинаетъ боя, пока весь его отрядъ не сосредоточился.

Планъ боя составленъ княземъ Холмскимъ чрезвычайно цѣлесообразно: сдерживая противника на фронтѣ, онъ направляетъ часть своихъ силъ въ обходъ одного изъ его фланговъ съ тѣмъ, чтобы ударить ему въ тылъ и отрѣзать ему путь отступленія, прижавъ его къ рѣкѣ, причемъ ударъ въ тылъ долженъ былъ сочетаться съ атакою съ фронта.

Попытка Новгородцевъ въ началѣ боя къ активнымъ дѣйствіямъ и къ захвату въ свои руки иниціативы тотчасъ же парализуется княземъ Холмскимъ и онъ получаетъ свободу дѣйствій для приведенія своего плана въ исполненіе.

Для этого князь Холмскій, вырвавъ иниціативу изъ рукъ противника, искусно пользуется всѣми средствами, имѣющимися въ его распоряженіи.

При этомъ способъ пользованія этими средствами показываетъ, что князь Холмскій учелъ всѣ данныя обстановки, не исключая и свойствъ и характера противника.

Въ частности, князь Холмскій въ полной мѣрѣ использовалъ метательное оружіе, какъ средство подготовительное, и своевременно и правильно утилизировалъ результатъ дѣйствія этого средства. Весь ходъ боя показываетъ, что князь Холмскій внимательно слѣдилъ за нимъ и не выпускалъ управленія боемъ изъ своихъ рукъ.

Рѣшительный ударъ князь Холмскій производитъ стремительно и энергично и въ результатѣ 4.000 Москвичей обращаютъ въ бѣгство и наводятъ паническій ужасъ на почти въ десять разъ болѣе многочисленныхъ Новгородцевъ.

Свою побѣду князь Холмскій въ полной мѣрѣ довершаетъ энергичнымъ и продолжительнымъ преслѣдованіемъ, приводящимъ противника къ полному разгрому.

Во время преслѣдованія, не смотря на то, что отрядъ Москвичей долженъ былъ раздѣлиться на нѣсколько частей, онъ все же остается

въ рукахъ князя Холмскаго и въ тотъ же день сосредоточивается на полѣ сраженія для празднованія побѣды на костяхъ.

Весьма возможно, что дальнѣйшее преслѣдованіе Новгородцевъ привело бы князя Холмскаго на другой день къ захвату Новгорода, но, во-1-хъ, обычай требовалъ праздновать побѣду на костяхъ, во-2-хъ, небольшой отрядъ князя Холмскаго могъ встрѣтить ожесточенную защиту Новгорода значительнымъ населеніемъ, собравшимся въ городъ изъ окрестныхъ областей и потому захватъ Новгорода, въ глазахъ князя Холмскаго, не былъ такъ легко выполнимъ, а въ-3-хъ, князь Холмскій могъ предполагать, что Новгородъ захватитъ Великій Князь, который въ это время съ главными своими силами долженъ былъ находиться недалеко отъ Новгорода.

И такъ, уваженіе къ принципу сосредоточенія, стремленіе къ захвату и удержанію иниціативы, активность и рѣшительность дѣйствій, использованіе всѣхъ средствъ для достиженія побѣды, пониманіе важности значенія эксплоатаціи побѣды и подчиненіе силѣ обычая,— таковы господствующія черты князя Холмскаго, какъ полководца, выказанныя имъ въ битвѣ на Шелони.

Операціи послѣ Шелонской битвы и до конца войны.

Отпраздновавъ побѣду, князь Холмскій тотчасъ отправилъ съ сыномъ боярскимъ, Иваномъ Замятней, донесеніе о ней Великому Князю Іоанну III съ подробнымъ описаніемъ подвига мужественнаго и храбраго его отряда.

Въ послѣдующее время отрядъ князя Холмскаго сталъ разорять Новгородскія земли до самыхъ Нѣмецкихъ границъ, до р. Наровы.

Донесеніе о битвѣ 14-го іюля Великій Князь получилъ 18-го іюля въ Яжелбицахъ, гдѣ онъ находился въ это время со своей арміей и съ царевичемъ Даньяромъ и братьями своими, Георгіемъ, Андреемъ и Борисомъ.

Радость въ станѣ Князя была великая.

Въ это же время Новгородцы, осажденные княземъ Михаиломъ Верейскимъ въ Демонѣ, подъ вліяніемъ результатовъ Шелонской битвы, предложили сдаться, уступая все свое имущество и давъ выкупъ въ 100 рублей. Они просили только сохранить имъ жизнь.

Отпраздновавъ въ Яжелбицахъ побѣду, Великій Князь отправился съ войскомъ въ Русу. По дорогѣ, въ д. Ижатичи на рѣкѣ Полѣ къ нему прибылъ изъ Пскова посадникъ Никита съ донесеніемъ, что Псковичи со всею землею своею вышли на службу Великому Князю

и начали уже грабить и жечь Новгородскія земли. Это тоже было слѣдствіемъ побѣды князя Холмскаго 14-го іюля.

24-го іюля Іоаннъ прибылъ въ Русу. Здѣсь онъ казнилъ главныхъ Новгородскихъ посадниковъ; часть ихъ отправилъ въ Москву въ темницы, неродовитыхъ же Новгородцевъ отправилъ въ Новгородъ.

Послѣ этого Іоаннъ двинулся къ устью рѣки Шелони, куда и прибылъ 27-го іюля и расположился между берегомъ и Корыстынемъ.

Три дня спустя, 31-го іюля Псковичи подошли на 20 верстъ къ Новгороду [68]).

Въ этотъ же день и другая рать Московская одержала побѣду: воеводы Василій Образецъ и Борисъ Слѣпецъ съ Устюжанами и Вятчанами, всего въ числѣ до 4.000 человѣкъ, на рѣкѣ Сихвина разбили 12-тысячный отрядъ Новгородцевъ, бывшій подъ начальствомъ князя Василія Шуйскаго.

Какъ Новгородцы, такъ и Москвичи сначала шли на судахъ, а встрѣтившись, сошли на берегъ и дрались пѣшкомъ. Бой начался въ 3 часа дня и велся съ крайнимъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. Лишь къ вечеру успѣхъ склонился на сторону Московскихъ воеводъ, причемъ Новгородское войско, состоявшее изъ Двинянъ и Заволоанъ, понесло большія потери убитыми и плѣнными; потери же Москвичей состояли всего изъ 52 чел. убитыми [69]).

Какъ только Великій Князь прибылъ къ устью Шелони, къ нему явилась изъ Новгорода депутація, во главѣ съ архіепископомъ Феофиломъ, съ просьбою о прощеніи и о прекращеніи разграбленія Новгородскихъ земель. При этомъ Новгородцы говорили, что такой войны, какой была послѣдняя, земля ихъ до сихъ поръ не знала.

Іоаннъ смилостивился надъ Новгородцами и приказалъ всѣмъ своимъ отрядамъ прекратить разореніе Новгородскихъ земель и присоединиться къ нему.

Къ 30-му іюля большая часть Московскихъ отрядовъ прибыла къ устью рѣки Шелони.

Послѣ этого Великій Князь простоялъ на мѣстѣ еще 11 дней, устанавливая въ Новгородѣ свое правленіе и подчиняя его Московскимъ порядкамъ; при этомъ Новгородцы бояриномъ Федоромъ Давидовичемъ были приведены къ присягѣ Великому Князю Московскому [70]).

13-го августа Іоаннъ двинулся со своей арміей въ Москву, куда и прибылъ 1-го сентября, т. е. въ 1-й день новаго, 1472, года.

Въѣздъ Великаго Князя въ Москву былъ крайне торжественный.

Сынъ Іоанна, Великій Князь Іоаннъ, братъ его, Князь Андрей Меньшой, и многіе князья, бояре, вельможи, именитые купцы и лучшіе люди встрѣтили Великаго Князя еще наканунѣ, 31-го августа, за 20 верстъ отъ Москвы. Остальной народъ, кто могъ выѣхать верхомъ, встрѣтили Іоанна 1-го сентября за 7 верстъ отъ Москвы; кто же не имѣлъ лошади, тѣ встрѣтили Іоанна пѣшкомъ еще ближе къ Москвѣ. Митрополитъ Филиппъ встрѣтилъ Великаго Князя съ крестомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ близъ Великія церкви на площади [71]).

Такая торжественная встрѣча Іоанна правительственной и народной Москвою послѣ похода 1471 года ясно показываетъ, что Москвичи отлично понимали значеніе этого похода въ политической жизни ихъ страны и высоко цѣнили его результаты.

И если, быть можетъ, они тогда не отдавали себѣ отчета въ томъ, что результаты похода 1471 года были слѣдствіемъ Шелонской битвы 14-го іюля, то мы теперь съ неопровержимымъ убѣжденіемъ можемъ сказать, что побѣда князя Холмскаго на Шелони привела Новгородъ къ подчиненію Москвѣ.

Заключеніе.

Походъ Іоанна III на Новгородъ въ 1471 году показываетъ, что Великій Князь Московскій имѣлъ большой стратегическій талантъ и крупныя административныя и организаторскія дарованія.

Въ частности, особенностями стратегическаго таланта Іоанна III являются: правильная оцѣнка значенія внезапности дѣйствій, какъ средства поставить противника въ невыгодныя условія борьбы; стремленіе къ крайнему напряженію своихъ силъ и стараніе уменьшить силы противника еще до рѣшительнаго столкновенія съ нимъ, при искусномъ пользованіи всѣми мѣрами для достиженія того и другого; быстрая и правильная оцѣнка обстановки и на основаніи этого принятіе соотвѣтствующаго рѣшенія; организація отрядовъ, соотвѣтствующая ихъ назначенію; умѣніе обезпечить безопасность операціи во всѣхъ отношеніяхъ и установить единство дѣйствій, что достигалось созданіемъ духовной и матеріальной связи между различными частями арміи, выполняющими самостоятельныя частныя задачи, вытекающія изъ общей идеи операціи; строгій расчетъ во времени и въ пространствѣ; быстрота и рѣшительность дѣйствій, разъ приняты тѣ или другія рѣшенія.

Наконецъ, нужно отмѣтить, что Іоаннъ III придавалъ большое

значеніе нравственной сторонѣ и всегда выказывалъ большую заботливость о своихъ войскахъ.

Этотъ же походъ свидѣтельствуетъ, что въ лицѣ князя Холмскаго мы имѣемъ крупнаго полководца, правильно и широко понимавшаго вопросы стратегіи и представлявшаго собою выдающагося тактика.

Въ частности, господствующими чертами князя Холмскаго, какъ полководца, являются: способность быстро и вполнѣ правильно оцѣнить обстановку; рѣшительность и энергичность дѣйствій при всегдашнемъ стремленіи къ захвату и удержанію въ своихъ рукахъ иниціативы; сознаніе необходимости дѣйствовать сосредоточенными силами, но наряду съ этимъ нежеланіе ожидать атаки противника, а самому идти къ нему навстрѣчу; умѣлое использованіе всѣхъ средствъ для достиженія побѣды; пониманіе значенія преслѣдованія и способность крѣпко держать въ своихъ рукахъ общее управленіе дѣйствіями подчиненныхъ ему войскъ.

Въ общемъ же, походъ Іоанна III на Новгородъ въ 1471 году свидѣтельствуетъ, что въ половинѣ XV столѣтія русское военное искусство стояло на высокой степени развитія и что, благодаря этому, процессъ собиранія русскихъ земель подъ властью Москвы и обращеніе Великаго Княжества Московскаго въ Царство Русское совершались быстро, съ строгою опредѣленностью и неизмѣнною послѣдовательностью.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Н. Д. Чечулинъ, стр. 6; А. М. Гнѣвушевъ, стр. 54—55; Продолженіе лѣтописи Нестора, стр. 268—269; Татищевъ, стр. 12—13; Щербатовъ, стр. 37—41; Ив. Нехачинъ, стр. 6—7; Сумароковъ, стр. 261—264; Карамзинъ, стр. 17—23; Костомаровъ, стр. 94—104; Иловайскій, стр. 436—440; Соловьевъ, стр. 1352—1360; Голицынъ, стр. 68.

[2]) В. Ключевскій, стр. 139—140.

[3]) Павелъ Смирновъ, стр. 14—16, 26—29.

[4]) Н. Д. Чечулинъ, стр. 37—38; Костомаровъ, стр. 95, 98, 103, 104; Иловайскій, стр. 436; Соловьевъ, стр. 1351.

[5]) А. М. Гнѣвушевъ, стр. 49—53; В. Ключевскій, стр. 119—122.

[6]) В. Ключевскій, стр. 138; Павелъ Смирновъ, стр. 24—28; Н. Д. Чечулинъ, стр. 4, 6, 10; Костомаровъ, стр. 95, 98, 99, 100; Соловьевъ, стр. 1349—1350.

[7]) Н. Д. Чечулинъ, стр. 15; Соловьевъ, стр. 1349—1350.

[8]) В. Пичета, стр. 378—380.

[9]) В. Ключевскій, стр. 136—137.

[10]) В. Ключевскій, стр. 91; Иловайскій, стр. 436; Соловьевъ, стр. 1350.

[11]) А. Баіовъ, стр. 38—46.

[12]) А. И. Никитскій, стр. 167—195.

[13]) Сумароковъ, стр. 264; Щербатовъ, стр. 41—42; Карамзинъ, стр. 23; Костомаровъ, стр. 105—106; Соловьевъ, стр. 1360.

[14]) Софійскій Временникъ, стр. 122; Никоновская лѣтопись, стр. 133; Степенная книга, стр. 537; Лѣтописецъ Новгородскій, стр. 291; Щербатовъ, стр. 41; Татищевъ, стр. 15; Карамзинъ, стр. 23; Костомаровъ, стр. 105; Соловьевъ, стр. 1360.

[15]) Софійскій Временникъ, стр. 102—122; Никоновская лѣтопись, стр. 130; Степенная книга, стр. 535; Лѣтописецъ Новгородскій, стр. 289; Псковская лѣтопись, стр. 117; Щербатовъ, стр. 42; Татищевъ, стр. 16; Костомаровъ, стр. 98; Карамзинъ, стр. 23; Иловайскій, стр. 440; Соловьевъ, стр. 1360.

[16]) Никоновская лѣтопись, стр. 130; Степенная книга, стр. 535; Лѣтописецъ Новгородскій, стр. 289; Софійскій Временникъ, стр. 120; Ив. Нехачинъ, стр. 7; Сумароковъ, стр. 264; Карамзинъ, стр. 23; Татищевъ, стр. 16; Щербатовъ, стр. 43; Костомаровъ, стр. 107.

[17]) Софійскій Временникъ, стр. 120; Никоновская лѣтопись, стр. 130; Степенная книга, стр. 535; Лѣтописецъ Новгородскій, стр. 289; Сумароковъ, стр. 264 (Здѣсь воевода «Образецъ» названъ «Обраша»); Татищевъ, стр. 16 (Здѣсь сказано, что въ Псковъ былъ посланъ дьякъ Якушка Вашбалцовъ 22-го мая «на праздникъ Вознесенья Господня»); Щербатовъ, стр. 42—43 (Здѣсь дьякъ названъ не «Вашбал-

цевъ», а «Шасбалцевъ»); Карамзинъ, стр. 23; Костомаровъ, стр. 107; Иловайскій, стр. 440; Соловьевъ, стр. 1360. У Петрова (стр. 112—113) допущена крупная ошибка: онъ считаетъ «Заволочье» въ бассейнѣ Западной Двины. Вслѣдствіе этого, какъ описаніе самаго похода, такъ и разсужденія и заключенія по его поводу во многомъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ фактамъ, какъ они вырисовываются по первоисточникамъ.

[18]) Софійскій Временникъ, стр. 102—120; Никоновская лѣтопись, стр. 130; Степенная книга, стр. 535—536; Татищевъ, стр. 16; Щербатовъ, стр. 43; Карамзинъ, стр. 23; Иловайскій, стр. 441.

[19]) Софійскій Временникъ, стр. 102; Никоновская лѣтопись, стр. 130—132; Степенная книга, стр. 536. Продолженіе лѣтописи Нестора, стр. 270 (Здѣсь величина отряда кн. Холмскаго показана въ 10.000 чел.); Татищевъ, стр. 16—17 (о численности отряда Холмскаго Татищевъ говоритъ такъ: «со многимъ воинствомъ... дѣти боярскіе многіе»); Щербатовъ, стр. 43 (Силу отряда кн. Холмскаго опредѣляетъ такъ: «великое число дѣтей боярскихъ и другихъ воинствъ»); Сумароковъ, стр. 264 (Отрядъ Холмскаго 10.000 чел.); Карамзинъ, стр. 23; Костомаровъ, стр. 107 (12.000 чел.); Иловайскій, стр. 441 (10.000 чел.); Соловьевъ, стр. 1361 (10.000 чел.); Голицынъ, стр. 68 (10.000 чел.). Петровъ, стр. 112 (10.000 чел.). Петровъ говоритъ, что Іоаннъ III главныя силы направилъ къ южной части оз. Ильменя. Это не вѣрно: движеніе на Яжелбицы скорѣе показываетъ, что онѣ направлены были къ Новгороду съ восточной стороны.

[20]) Никоновская лѣтопись, стр. 132; Степенная книга, стр. 537; Продолженіе лѣтописи Нестора, стр. 270; Татищевъ, стр. 18; Щербатовъ, стр. 44; Костомаровъ, стр. 108; Голицынъ, стр. 68.

[21]) Никоновская лѣтопись, стр. 130—132; Степенная книга, стр. 535—536; Татищевъ, стр. 17; Щербатовъ, стр. 43; Ив. Нехачинъ, стр. 7; Сумароковъ, стр. 264; Карамзинъ, стр. 23; Костомаровъ, стр. 107; Иловайскій, стр. 441; Соловьевъ, стр. 1361.

[22]) Никоновская лѣтопись, стр. 133; Степенная книга, стр. 537; Продолженіе лѣтописи Нестора, стр. 271; Щербатовъ, стр. 45; Татищевъ, стр. 18; Карамзинъ, стр. 24; Костомаровъ, стр. 107; Иловайскій, стр. 441; Соловьевъ, стр. 1361.

[23]) Никоновская лѣтопись, стр. 133; Степенная книга, стр. 537; Лѣтописецъ Новгородскій, стр. 292: Софійскій Временникъ, стр. 122—123; Ив. Нехачинъ, стр. 8; Сумароковъ, стр. 265; Карамзинъ, стр. 24; Костомаровъ, стр. 109.

[24]) Никоновская лѣтопись, стр. 132; Псковская лѣтопись, стр. 121; Татищевъ, стр. 18 (Здѣсь говорится, что въ Торжокъ Великій Князь прибылъ 28-го іюня. Однако всѣ прочіе источники указываютъ, что Іоаннъ III прибылъ въ Торжокъ «на самый Петровъ день»). Щербатовъ, стр. 44; Ив. Нехачинъ, стр. 7; Сумароковъ, стр. 265; Карамзинъ, стр. 24; Костомаровъ, стр. 109; Иловайскій, стр. 441; Соловьевъ, стр. 1361 (Здѣсь говорится, что въ Волокъ Іоаннъ III прибылъ 23-го іюня).

[25]) Никоновская лѣтопись, стр. 133; Псковская лѣтопись, стр. 118; Татищевъ, стр. 18; Щербатовъ, стр. 44—45; Ив. Нехачинъ, стр. 8; Сумароковъ, стр. 265; Карамзинъ, стр. 24; Костомаровъ, стр. 110; Иловайскій, стр. 442; Соловьевъ, стр. 1361.

[26]) Никоновская лѣтопись, стр 135; Лѣтописецъ Новгородскій, стр. 293 (Здѣсь говорится, что Новгородское войско было силою въ 30.000 чел.); Щербатовъ, стр. 49; Татищевъ, стр. 19. (Татищевъ опредѣляетъ силы Новгородцевъ въ 20.000 чел.);

Карамзинъ, стр. 24; Костомаровъ, стр. 109; Иловайскій, стр. 441—442; Соловьевъ, стр. 1361—1362; Голицынъ, стр. 69; Петровъ, стр. 112—113. (Петровъ безъ всякаго основанія утверждаетъ, что «главная конная сила Новгородцевъ поручается въ команду архіепископу Ѳеофану, и весь планъ обороны составляется владыкою Новгородскимъ»).

[27]) См. ниже примѣчаніе 33.

[28]) Никоновская лѣтопись, стр. 134; Софійскій Временникъ, стр. 123; Лѣтописецъ Новгородскій, стр. 292; Татищевъ, стр. 19; Щербатовъ, стр. 47; Карамзинъ, стр. 24—25; Костомаровъ, стр. 110; Иловайскій, стр. 442; Голицынъ, стр. 69; Петровъ, стр. 113.

[29]) Никоновская лѣтопись, стр. 134; Татищевъ, стр. 19; Щербатовъ, стр. 47; Карамзинъ, стр. 24—25; Костомаровъ, стр. 110; Иловайскій, стр. 442; (Карамзинъ, Костомаровъ и Иловайскій говорятъ, что Московскимъ воинамъ запрещено было брать доспѣхи Новгородцевъ, какъ измѣнниковъ, однако въ лѣтописяхъ прямого подтвержденія этому не находимъ).

[30]) Никоновская лѣтопись, стр. 134; Степенная книга, стр. 538; Татищевъ, стр. 19.

[31]) Великій Князь выступилъ изъ Торжка 3-го іюня (Псковская лѣтопись, стр. 121).

[32]) Никоновская лѣтопись, стр. 134; Степенная книга, стр. 538; Татищевъ, стр. 19; Щербатовъ, стр. 47. (У Татищева и Щербатова сказано, что донесеніе было доставлено Великому Князю *9-го іюня*, но это очевидная ошибка); Карамзинъ, стр. 25; Иловайскій, стр. 443; Соловьевъ, стр. 1362; Голицынъ, стр. 69; Петровъ, стр. 113.

[33]) Никоновская лѣтопись, стр. 134; Степенная книга, стр. 538; Татищевъ, стр. 19; Щербатовъ, стр. 48; Иловайскій, стр. 443; Соловьевъ, стр. 1363; Голицынъ, стр. 69, Петровъ, стр. 113. (Петровъ говоритъ, что князь Холмскій уничтожилъ Демонъ. Основаній для такого утвержденія въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ).

Въ Никоновской лѣтописи относительно отряда Новгородцевъ, направленнаго къ Русѣ, сказано (стр. 134): «...еже въ Русѣ иная рать пѣшая, множае первые и сугубѣйша, а пришли рѣкою-же въ судѣхъ Полою (полою) Илменемъ». По этой лѣтописи у кн. Холмскаго съ Новгородцами въ іюнѣ было три сраженія: у Русы, у Коростыня и потомъ опять у Русы, причемъ точныхъ датъ этихъ сраженій лѣтопись не приводитъ.

Въ Степенной книгѣ (стр. 538), относительно новгородцевъ направленныхъ къ Русѣ сказано: «И въ той же день въ Русѣ иная рать пѣшая множае первыя и сугубѣйша пріидоша рекою Полою Илменемъ». Что касается сраженій Холмскаго съ Новгородцами, то Степенная книга говоритъ только о двухъ, а именно у Коростыня, а потомъ у Русы, но также не даетъ датъ этихъ сраженій.

Лѣтописецъ Новгородскій (стр. 292), говоритъ только объ одномъ сраженіи кн. Холмскаго съ Новгородцами въ іюнѣ, а именно у Коростыня, но также не обозначаетъ дня сраженія. Вслѣдствіе этого ни о какой рати, идущей р. Полою или какой-нибудь другой рѣкою къ Русѣ, лѣтописецъ Новгородскій не говоритъ ничего.

Точно день перваго сраженія у Русы указанъ въ Псковской лѣтописи, а именно: «На самъ Ивановъ день» (стр. 117).

Въ Софійскомъ Временникѣ (стр. 123) упоминается только объ одномъ сраженіи кн. Холмскаго съ Новгородцами въ іюнѣ, а именно у Коростыня, но точно дня этой битвы не указывается.

Въ продолженіи лѣтописи Нестора (стр. 271) указывается лишь о томъ, что кн. Холмскій «пришедше въ Русу и пожгоша ю». Въ какой день это было, свѣдѣній нѣтъ, но по общему содержанію лѣтописи здѣсь, несомнѣнно, рѣчь идетъ о первомъ подходѣ кн. Холмскаго къ Русѣ на пути къ устью Шелони.

У Татищева говорится о трехъ сраженіяхъ кн. Холмскаго съ Новгородцами въ іюнѣ: сначала у Русы, потомъ у Коростыня и потомъ опять у Русы. Относительно послѣдняго у Татищева сказано (стр. 19), «...и оттоль (отъ Коростыня) паки возвратишася къ Русѣ. Въ той же день въ Русѣ иная рать пѣшая множая первыя и сугубѣйша, а пришла рѣкою Полою въ судехъ черезъ Ильмень...».

Совершенно иначе вопросъ этотъ изложенъ у Щербатова. На стр. 47 у него говорится: «Лишь токмо окончилась сія первая побѣда надъ Новгородцами, узрѣли воеводы Великаго Князя другія войска Новгородскія, многочисленнѣе первыхъ, идущія озеромъ Ильменемъ; знатно намѣреніе Новгородцевъ состояло, чтобы въ единый часъ какъ тѣмъ, которые прежде пришли, такъ и симъ ударить на Московскія войска: но помянутое разбитіе первыхъ, воспослѣдовавшее прежде приходу сихъ, сіе ихъ покушеніе въ погибель имъ обратило; ибо ободренныя своею побѣдою Московскія воинства, кинувшись на сихъ вновь пришедшихъ враговъ, вскорѣ ихъ въ бѣгство обратили, и учиня сей день знаменитъ двойною побѣдою, послали съ извѣстіемъ о семъ къ Великому Князю Тимофея Замыцкаго, который къ нему пріѣхалъ на Коломну озеро, іюня (іюля?) 9-го дня».

Такимъ образомъ, Щербатовъ говоритъ о трехъ сраженіяхъ: объ одномъ у Русы на походѣ къ устью Шелони и о двухъ у Коростыня, бывшихъ въ одинъ и тотъ же день. Такое изложеніе событій совершенно не находитъ себѣ основаній въ лѣтописныхъ данныхъ. Къ тому же самъ Щербатовъ говоритъ, что послѣ двойной побѣды у Коростыня, Московскіе воеводы пошли къ Демону. Такое движеніе при изложеніи предшествующихъ событій въ томъ видѣ, какъ это дѣлаетъ Щербатовъ, не находитъ себѣ никакого объясненія.

Сумароковъ (стр. 265—266) говоритъ о двухъ бояхъ: у Русы и у Коростыня, не указывая даты, когда происходили эти сраженія; онъ не называетъ также точно и пункта, у котораго произошло второе. Что касается сраженія у Русы, то онъ упоминаетъ, несомнѣнно, о томъ, которое лѣтописи относятъ къ 24-му іюня.

Карамзинъ (стр. 24) говоритъ о сожженіи Русы и затѣмъ только о сраженіи у Коростыня, не указывая дней того и другого. При этомъ Карамзинъ полагаетъ, что Новгородцы съ самаго начала направились къ Русѣ: пѣхота по озеру Ильменю, а конница—вдоль берега. О сраженіи у Коростыня Карамзинъ говоритъ такъ: «Холмскій стоялъ между Ильменемъ и Русою, на Коростынѣ: пѣхота новгородская приблизилась только къ его стану, вышла изъ судовъ, и не дожидаясь коннаго войска, стремительно ударила на оплошныхъ Москвитянъ». Изложеніе это крайне неопредѣленно и не вполнѣ соотвѣтствуетъ лѣтописямъ.

Костомаровъ (стр. 110) придерживается мнѣнія, что было два сраженія: одно 23-го іюня у Русы (лѣтописи говорятъ, что 24-го іюня—«въ самый Ивановъ день»), а другое у Коростыня; когда произошло послѣднее, точно не указано.

Иловайскій (стр. 442—443) говоритъ, что въ іюнѣ у Москвичей съ Новгородцами было три сраженія: одно у Русы при слѣдованіи Холмскаго къ устью Шелони, второе у Коростыня и третье опять у Русы. Точныхъ датъ сраженій Иловайскій не приводитъ. Относительно второго сраженія у Русы историкъ говоритъ такъ: «Вслѣдъ затѣмъ (послѣ битвы у Коростыня) побѣдители узнали, что другая часть пѣшей Новгородской рати на судахъ вошла въ устье Полы и поднялась до Русы. Москви-

тяне быстро воротились къ этому городу и разбили высадившихся здѣсь непріятелей».

Соловьевъ (стр. 1361), упомянувъ, что князь Холмскій 23-го іюня раззорилъ и сжегъ Русу, считаетъ, что всего у князя Холмскаго съ Новгородцами было три сраженія: одно у Коростыня (когда—не говорится), другое на р. Полѣ, но не у Русы, и третье—на Шелони. Эти свои утвержденія Соловьевъ основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ (выноска 2-я на стр. 1361): «Въ разныхъ лѣтописяхъ этотъ походъ Новгородскій (въ 1471 году) описанъ различно: въ однѣхъ говорится только объ одной Шелонской битвѣ; въ другихъ о двухъ—близъ Русы или на Коростынѣ и на Шелони; въ нѣкоторыхъ—о трехъ, о Коростынской, на р. Полѣ и на Шелони. По внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ извѣстій, я пришелъ къ тому заключенію, что должно, основываясь на разсказѣ Ростовскаго и Никоновскаго списка, допустить три битвы. Вотъ этотъ разсказъ (Никон., VI, 26): «И поидоша къ Новугороду къ рѣцѣ Шелонѣ, и якоже пріидоша на мѣсто, нарицаемое Коростыня у езеря Ильменя на брезѣ, и внезапу паки безвѣстно пріиди на нихъ по езеру рать въ судехъ отъ Новагорода и изъ судовъ вышедъ пріидоша таемъ подъ станы ихъ, а имъ въ это время оплошившимся. Сторожи жъ воеводъ В. Князя видевше ихъ, возвѣстиша вовеодамъ. Они въ той часъ вооружившись поидоша противу ихъ и многихъ Новагородцевъ избиша... и оттолѣ паки возвратишась къ Русѣ. Въ той же день въ Русѣ и тая рать пѣшая множае первые и сугубѣйша, и пришли рѣкою же въ судехъ Полою Илменемъ (въ Ростовскомъ правильнѣе: Полою именемъ), воеводы же В. Князя и на тѣхъ пришедъ побиша ихъ... и сами воеводы отъ Русы поидоша къ Демону городку». Здѣсь мы должны, говоритъ дальше Соловьевъ, необходимо допустить смѣшеніе собственныхъ именъ рѣкъ; если вторая битва была у Русы; то Новгородская рать не могла пріѣхать р. Полою, а Полистью; если же пріѣхала Полою, то битва не была у Русы; мы думаемъ, что должно принять Полу и видѣть ошибку относительно Русы, ибо въ противномъ случаѣ, для чего бы воеводамъ отъ Коростыня возвращаться такъ далеко назадъ къ Демону, именно на Полу рѣку».

Такимъ образомъ, если исключить Шелонскую битву, то Соловьевъ считаетъ, что у кн. Холмскаго съ Новгородцами было два сраженія: одно у Коростыня и другое на р. Полѣ, примѣрно, у Демона, при чемъ, когда были эти сраженія, Соловьевъ не указываетъ.

Спеціально военный историкъ кн. Голицынъ (стр. 69) упоминаетъ о трехъ столкновеніяхъ Новгородцевъ съ Московскими войсками въ іюнѣ—всѣ безъ обозначенія числа: у Русы, у Коростыня и затѣмъ третье—«на р. Полѣ».

Другой военный историкъ, Петровъ (стр. 113) говоритъ о трехъ сраженіяхъ: у Русы («Занялъ и сжегъ Русу»), у Коростыня и опять у Русы, куда «другая часть пѣхоты (Новгородской) прибыла на судахъ по р. Полысть».

Сопоставляя всѣ приведенныя выше свидѣтельства и разсужденія лѣтописей и нашихъ историковъ и не касаясь пока сраженія на р. Шелони, я полагаю, что необходимо признать, что до Шелонской битвы, въ теченіе іюня у кн. Холмскаго съ Новгородцами было три сраженія:—одно у Русы 24-го іюня. Эта дата взята мною изъ лѣтописи, хотя большинство историковъ указываютъ, что этотъ эпизодъ имѣлъ мѣсто 23-го іюня. Считаю, что эпизодъ у Русы 24-го іюня нужно признать сраженіемъ, такъ какъ раззорить и сжечь городъ противника князь Холмскій могъ, конечно, только поборовъ сопротивленіе защитниковъ этого города.

Второе сраженіе несомнѣнно произошло у Коростыня.

Когда именно произошло это сраженіе, ни лѣтописи, ни историки не указы-

ваютъ. Принимая во вниманіе, что 24-го іюня князь Холмскій занялъ Русу, что отъ Русы до Коростыня около 30 верстъ, полагаю, что къ Коростыню отрядъ Холмскаго прибылъ 25-го іюня. Изученіе же описанія хода битвы у Коростыня, кстати сказать, согласное во всѣхъ лѣтописяхъ, заставляетъ признать, что у этого пункта сраженіе могло произойти не раньше 26-го іюня, но, вѣроятно, и не позже этого числа, что доказывается, между прочимъ. дальнѣйшимъ ходомъ событій, изложенныхъ мною ниже.

Затѣмъ произошло еще одно сраженіе: по однимъ даннымъ у Русы, по другимъ—на р. Полѣ, близъ Демона. Къ сожалѣнію, первоисточники ничего не говорятъ, когда именно произошло это сраженіе, и это въ значительной мѣрѣ затрудняетъ опредѣлить его мѣсто.

Лѣтописи говорятъ, что послѣ сраженія у Коростыня князь Холмскій направился къ Русѣ и здѣсь встрѣтился съ пѣшею ратью Новгородцевъ, болѣе сильною, чѣмъ была та, которая сражалась у Коростыня, и прибывшей къ Русѣ на судахъ по озеру Ильменю и рѣкѣ Полѣ. Разбивши Новгородцевъ у Русы, согласно свидѣтельству лѣтописей, Холмскій пошелъ къ Демону.

Въ виду того, что Руса стоитъ не на р. Полѣ, а на р. Полистѣ, а на р. Полѣ лежитъ гор. Демонъ (нынѣшній Демянскъ), Соловьевъ, полагая, что въ лѣтописи правильно названа р. Пола и ошибочно указанъ г. Руса, склоняется къ тому, чтобы признать, что третья боевая встрѣча Холмскаго съ Новгородцами произошла не у Русы, а на р. Полѣ, т. е., значитъ, у Демона.

Приведенныя разсужденія и выводъ Соловьева мнѣ представляется мало обоснованными и неправильными.

Такое мое заключеніе основывается: 1) на содержаніи лѣтописей, 2) на географическихъ данныхъ; 3) на соображеніяхъ спеціально военнаго характера и 4) на ходѣ послѣдующихъ событій.

Наиболѣе подробно и полно описывающія событія 1471 года Никоновская лѣтопись и Степенная книга, категорически говорятъ, что послѣ сраженія у Коростыня князь Холмскій пошелъ къ Русѣ, что именно въ Русѣ онъ встрѣтилъ Новгородцевъ и что къ Демону онъ пошелъ отъ Русы. Такимъ образомъ, говоря объ одномъ и томъ же событіи и описывая дѣйствія Московскаго отряда, указанныя лѣтописи въ логической послѣдовательности вполнѣ опредѣленно три раза называютъ Русу, какъ пунктъ, у котораго князь Холмскій вновь впервые столкнулся послѣ сраженія у Коростыня съ Новгородцами. Правда, тѣ же лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Новгородская рать, столкнувшаяся съ отрядомъ князя Холмскаго у Русы, прибыла сюда рѣкою Полою, которая нынѣ не протекаетъ черезъ г. Русу.

Но прежде всего мы не имѣемъ теперь достаточныхъ данныхъ, чтобы утверждать, что имена Полы и Полисты и въ XV вѣкѣ принадлежали тѣмъ же рѣкамъ, что и теперь, тѣмъ болѣе, что и нынѣ рѣки эти до впаденія ихъ въ оз. Ильмень сливаются между собою и съ р. Ловатью, и, быть можетъ, въ прежнее время общее русло всѣхъ трехъ рѣкъ и носило названіе р. Полы, и, такимъ образомъ, Новгородцы изъ оз. Ильменя прежде всего должны были попасть въ р. Полу.

Но допустимъ, что въ XV вѣкѣ всѣ рѣки, впадающія въ оз. Ильмень съ юга, носили тѣ же точно имена, что и теперь. Въ такомъ случаѣ въ виду того, что р. Пола упоминается всего одинъ разъ и что имя ея связывается съ дѣйствіями Новгородцевъ, которые въ данныхъ лѣтописяхъ не представляютъ главнаго предмета повѣствованія, правильнѣе было бы заключить, что, если уже, какъ говоритъ Соловьевъ, въ лѣтописи нужно видѣть «смѣшеніе собственныхъ именъ», то именно именъ рѣкъ, а не городовъ, т. е. необходимо допустить, что лѣтописи ошибаются

въ томъ смыслѣ, что нужно было бы сказать, что Новгородцы пришли не «рѣкою Полою», а рѣкою Полистою.

Въ самомъ дѣлѣ, Новгородцамъ было гораздо выгоднѣе изъ Ильменя идти къ Русѣ, а не къ Демону: 1) въ первомъ случаѣ имъ приходилось идти вверхъ по рѣкѣ около 25 верстъ, во второмъ случаѣ—около 75 верстъ. 2) Прибывъ въ Демонъ, Новгородцы были бы слишкомъ удалены (около 70—80 в.), какъ отъ своихъ войскъ, которыя должны были высадиться у Коростыня, такъ и отъ отряда князя Холмскаго. При такихъ условіяхъ они во-1-хъ, подвергались опасности быть разбитыми отдѣльно главными Московскими силами, и во-2-хъ, не были бы въ состояніи согласовать свои дѣйствія ни во иремени, ни въ пространствѣ со своимъ отрядомъ, высадившимся у Коростыня; вслѣдствіе этого ихъ дѣйствія противъ князя Холмскаго не были бы опасны для послѣдняго; напротивъ, Московскій отрядъ получилъ бы возможность обрушиться безъ помѣхи съ тыла на Новгородцевъ у Коростыня. Всѣ эти неудобства для Новгородцевъ при высадкѣ ихъ у Русы, всего въ 30 верстахъ отъ Коростыня, почти въ полной мѣрѣ исчезаютъ.

И если, вслѣдствіе искусства и энергіи князя Холмскаго, онъ все же успѣлъ покончить съ противникомъ у Коростыня безъ воздѣйствія на эту операцію непріятельскаго отряда, появившагося у него въ тылу, то это можетъ только служить лишнимъ доказательствомъ противъ предположенія о высадкѣ Новгородцевъ у Демона.

Остается выяснить еще одинъ вопросъ, а именно, зачѣмъ послѣ боя у Русы князь Холмскій двинулся къ Демону. Такое движеніе, по мнѣнію Соловьева, было бы настолько неосновательно, что одна необходимость допустить его при признаніи, что сраженіе было у Русы, является достаточнымъ доводомъ для утвержденія, что сраженіе было не у Русы, а у Демона. Однако, мнѣ представляется, что движеніе князя Холмскаго отъ Русы къ Демону было вполнѣ осмысленнымъ и, съ точки зрѣнія князя Холмскаго, совершенно логичнымъ; онъ только что разбилъ сильный отрядъ противника, который, по силѣ нанесеннаго ему пораженія, не скоро могъ оправиться и на долго, такимъ образомъ, былъ лишенъ возможности угрожать Московскимъ ратямъ; вслѣдъ за этимъ князь Холмскій наноситъ пораженіе другому непріятельскому отряду, появившемуся у него въ тылу, но этотъ отрядъ успѣваетъ уйти отъ полнаго разгрома и укрывается въ укрѣпленномъ пунктѣ. Если бы князь Холмскій не преслѣдовалъ его, а отъ Русы вернулся къ устью Шелони, то разбитый имъ Новгородскій отрядъ могъ свободно оперировать у него въ тылу, стѣсняя всѣ его дѣйствія. Такимъ образомъ, преслѣдованіе противника, отошедшаго къ Демону, было вполнѣ логично и отвѣчало обстановкѣ. Чтобы сдѣлать и этого противника безвреднымъ, нужно было или добить его, что князю Холмскому не удалось, или связать его новыми силами, что и сдѣлалъ Іоаннъ III, отлично оцѣнивъ обстановку и выславъ къ Демону новый отрядъ, чѣмъ и развязалъ руки князю Холмскому, давъ ему полную свободу дѣйствій.

Всѣ эти соображенія даютъ достаточно основаній къ тому, чтобы признать, что сраженіе князя Холмскаго съ Новгородцами послѣ Коростынскаго боя было у г. Русы. Что касается дня этого сраженія, то признавъ, что у Коростыня сраженіе было 26-го іюня, и принимая, что обстоятельства требовали скорѣйшаго движенія къ Русѣ, а потому князь Холмскій двинулся туда 27-го іюня, необходимо заключить, что бой у Русы былъ или въ этотъ же день (отъ Коростыня до Русы 30 в.), или самое позднее на слѣдующій день, т. е. 28-го іюня.

[34]) Псковская лѣтопись, стр. 117; Костомаровъ, стр. 110.

[36]) Псковская лѣтопись, стр. 118; Костомаровъ, стр. 110; Соловьевъ, стр. 1362.

[36]) Псковская лѣтопись, стр. 118—119.

Здѣсь, между прочимъ, сказано, что Псковичи обложили Вышгородъ «того же мѣсяца (іюля) въ 15 день въ недѣлю утре», т. е. въ воскресенье. Между тѣмъ, 15-ое іюля въ этомъ году приходилось въ понедѣльникъ. Такъ какъ въ той же лѣтописи (стр. 19) говорится, что Псковичи «отступиша (отъ Вышгорода) назадъ на завтре въ понедѣльникъ», то я считаю, что обложили Вышгородъ Псковичи не 15-го, а 14-го іюля. Костомаровъ, стр. 110—111 (Костомаровъ говоритъ, что Коробинъ прибылъ во Псковъ 10-го іюля и что въ походъ Псковичи выступили 12-го іюля. Я придерживаюсь показанія Псковской лѣтописи. Относительно осады Вышгорода и снятія ея Костомаровъ придерживается указаній Псковской лѣтописи); Соловьевъ, стр. 1363.

[37]) Численность Новгородской арміи различные источники опредѣляютъ различно: по Никоновской лѣтописи (стр. 135)—40.000; по Степенной книгѣ (стр. 538)—40.000; по лѣтописцу Новгородскому (стр. 293)—30.000; по Псковской лѣтописи (стр. 119)—40.000; по Софійскому Временнику (стр. 103)—40.000, а въ другомъ мѣстѣ этой лѣтописи (стр. 123) численность Новгородской рати опредѣляется въ 30.000, впрочемъ, повидимому, эти цифры относятся къ общему количеству Новгородскихъ вооруженныхъ силъ, на Шелони же по Софійскому Временнику у Новгородцевъ была «большая рать»; продолженіе лѣтописи Нестора (стр. 271) опредѣляетъ Новгородскія силы въ 40.000; Иванъ Нехачинъ (стр. 7)—въ 30.000; Карамзинъ (стр. 25)—30—40.000; Костомаровъ (стр. 111) относительно численности Новгородцевъ на Шелони приводитъ цифры 20—30—40.000 чел., но самъ склоняется къ цифрѣ 12.000 чел., т. е. къ числу, указанному въ лѣтописяхъ, убитыми. Однако, для такого заключенія нѣтъ никакихъ основаній; Иловайскій (стр. 443) и Соловьевъ (стр. 1363) опредѣляютъ количество Новгородцевъ на Шелони въ 40.000 чел.

Принимая во вниманіе, что всѣ вооруженныя силы Новгородцевъ въ 1471 году можно исчислять въ количествѣ не больше 40.000 чел. (см. стр. 11), что въ бояхъ, предшествующихъ Шелонской битвѣ, Новгородцы понесли существенныя потери, что они должны были оставить хотя бы небольшую часть силъ для непосредственной обороны Новгорода и противъ непріятеля, могущаго появиться по сѣверную сторону оз. Ильменя, необходимо придти къ заключенію, что къ Шелони было двинуто Новгородцами не болѣе 30.000 чел. Вполнѣ же точное опредѣленіе лѣтописями числа убитыхъ Новгородцевъ въ Шелонской битвѣ въ 12.000 чел. заставляетъ признать, что Новгордцевъ въ этой битвѣ было не менѣе 20.000 чел.

[38]) Только въ одной Псковской лѣтописи (стр. 119) есть прямое указаніе, что Новгородцы направились противъ Псковичей. По Никоновской лѣтописи (стр. 134), Степенной книгѣ, (стр. 538), Софійскому Временнику (стр. 123) и Новгородскому лѣтописцу (стр. 119) скорѣе можно заключить, что Новгородцы, хорошо освѣдомленные о слабости силъ передового отряда князя Холмскаго, направлялись именно противъ него, чтобы разбить его до соединенія его со Псковичами. Согласно съ этимъ излагаютъ, между прочимъ, событія Татищевъ (стр. 19) и Щербатовъ (стр. 48).

Принимая во вниманіе послѣдующій ходъ событій, изложенный дальше, и считая, что, если бы Новгородцы имѣли свѣдѣнія объ отрядѣ князя Холмскаго и сознательно намѣревались напасть на него раньше, чѣмъ на Псковичей, то они искали бы переправы черезъ Шелонь ближе къ ея устью (повидимому, можно было переправиться тамъ, гдѣ теперь находится д. Шимская,—объ этомъ см. ниже), я, согласно съ мнѣніемъ Костомарова (стр. 111—112), признаю необходимымъ данное событіе изложить такъ, какъ это сдѣлано мною. Подтвержденіе своей точки зрѣнія я на-

хожу у Иловайскаго и Соловьева. Первый (стр. 443) относительно этого говоритъ, что Новгородская конница »повидимому, имѣла намѣреніе обрушиться на Псковичей». Соловьевъ (стр. 1362) опредѣленно говоритъ, что «Новгородцы, услыхавъ объ этомъ (о выступленіи Псковичей) и безопасные со стороны Холмскаго, отвлеченнаго къ р. Полѣ, рѣшили выступить противъ Псковичей и стали собирать огромное войско... и пошло (Новгородское войско), подъ начальствомъ степеннаго посадника Димитрія Борецкаго, по лѣвому берегу Шелони на встрѣчу Псковичей»...

[39]) Степенная книга, стр. 538 (5.000 ч.); Софійскій Временникъ, стр. 103. (4.000 чел.); продолженіе лѣтописи Нестора, стр. 241 (4.000 чел.); Татищевъ, стр. 19 (5.000 чел.); Щербатовъ, стр. 49 (5.000 чел.); Карамзинъ, стр. 25 (5.000 чел.); Соловьевъ, стр. 1363 (4.000 чел.); Голицынъ, стр. 69 (4.000 чел.); Костомаровъ, стр. 112 (4.000 чел.); Иловайскій, стр. 443 (10.000 чел.); Петровъ, стр. 113 (10.000 чел.). Я принимаю силу отряда князя Холмскаго въ 4—5.000 чел., такъ какъ первоначальный отрядъ Холмскаго состоялъ изъ 10.000 чел., а согласно указаніямъ почти всѣхъ названныхъ лѣтописей, многіе воины его «пленяху окрестныя мѣста Нова Града».

[40]) Татищевъ (стр. 19—20) относительно мѣста Шелонской битвы даетъ такія свѣдѣнія: «И воеводы Великаго князя поидоша къ Шелонѣ и яко пришедшимъ имъ ко брегу рѣки тоя, идѣже брести черезъ нея, въ ту пору пріиде ту рать новгородская противу ихъ съ другія страны, отъ града своего, къ той же рѣкѣ Шелонѣ многое множество... Воеводы же Великаго князя аще и въ малѣ силѣ бѣста (глаголютъ бо бывшій тамо яко съ пять тысящъ ихъ только было), но видяще многое воинство ихъ положше упованіе на Господа Бога и пречистую его Матерь и на правду Великаго князя, поидоша вскорѣ противу ихъ, аки львы рыкающе, черезъ рѣку ону велику, ея же сами Новгородцы глаголютъ никогда тамо броду имущу, а сіе не пытающе броду вси цѣли и здравы преидоша. Видѣвше же сіе Новгородцы устрашишася зѣло, возмутишася, яко пьяны»... Щербатовъ (стр. 49) по тому же поводу пишетъ такъ: «... и такъ набравъ (Новгородцы) не воинство, но толпу народа, состоящую въ сорока тысячахъ пошли противу воеводъ Великаго Князя. Московскія же войска, бывъ въ маломъ числѣ по причинѣ раздѣленія ихъ, іюля 14 числа пришли къ рѣкѣ Шелони, гдѣ имъ черезъ оную переправляться надлежало. Тутъ увидѣли они объ онъ полъ помянутыя рѣки идущую многочисленную рать Новгородскую... сего ради призва Бога въ помощь... пошли прямо къ рѣкѣ.

Тутъ самое щастіе послужило Московскимъ войскамъ, что на рѣкѣ Шелонѣ случился бродъ, о которомъ Новгородцы никакого извѣстія не имѣли; и тако видя дерзновеніе Москвитянъ...».

П. И. Сумароковъ въ своей «Новгородской Исторіи» относительно этого говоритъ (стр. 266): «Рѣка Шелонь раздѣляла враждующихъ... Москвитяне, угрожаемые превосходствомъ сопротивныхъ, видѣли, что еще слѣдуетъ къ тѣмъ подкрѣпленіе. Провели ночь въ совѣщаніяхъ, безпокойствѣ и рѣшились, прежде прихода отъ Новограда новыхъ полковъ, вступить въ бой. На другой день, 14-го іюля, въ воскресенье на память апостола Акилы перешли они скрытно черезъ Шелонь по песчаному мѣсту, гдѣ глубоко и къ изумленію безопасныхъ Новгородцевъ напали на нихъ со всею стремительностью».

Въ поясненіе своихъ словъ о мѣстѣ переправы Сумароковъ въ примѣчаніи добавляетъ: «Надобно думать, что то есть при нынѣшнемъ селеніи Оспинахъ». Вѣроятно, нынѣшнее селеніе Оспино (см. карту № 3); но это селеніе лежитъ не на Шелони, а на берегу оз. Ильменя, сѣвернѣе устья этой рѣки, и ввиду этого свидѣтельство Сумарокова о переправѣ при селеніи Оспинахъ значенія не имѣетъ.

Карамзинъ о мѣстѣ Шелонской битвы говоритъ (стр. 25): ...«Великій Князь уже имѣлъ извѣстіе о побѣдѣ Холмскаго (у Корыстыня) и, ставъ на берегу озера Коломны, приказалъ сему воеводѣ (9-го іюля) идти къ р. Шелонь на встрѣчу къ Псковитянамъ и вмѣстѣ съ ними къ Новугороду... Въ самое то время, когда Холмскій думалъ переправляться на другую сторону рѣки, онъ увидѣлъ непріятеля столь многочисленнаго, что Москвитяне изумились. Ихъ было 5.000, а Новгородцевъ отъ 30 до 40.000... Но воеводы Іоанновы, сказавъ дружинѣ: «Настало время послужить Государю; ни убоимся ни трехъ сотъ тысячъ мятежниковъ; за насъ правда и Господь Вседержитель», бросились на коняхъ въ Шелонь (14-го іюля) съ крутого берега и въ глубокомъ мѣстѣ; однакожъ никто изъ Москвитянъ не усомнился слѣдовать ихъ примѣру; никто не утонулъ; и всѣ, благополучно переѣхавъ на другую сторону, устремились въ бой съ восклицаніемъ «Москва!».

С. М. Соловьевъ такъ опредѣляетъ мѣсто Шелонской битвы (стр. 1362—1363): «Великій Князь 9-го іюля стоялъ у озера Коломны, недалеко отъ Вышняго Волочка, когда Холмскій далъ ему знать о битвѣ на полѣ и о своемъ движеніи къ Демону. Іоаннъ немедленно же велѣлъ ему идти назадъ къ Шелони для соединенія съ Псковичами, а у Демона приказалъ стоять князю Верейскому. Холмскій двинулся назадъ и 14-го іюля завидѣлъ полки Новгородскіе, шедшіе по той сторонѣ Шелони. Московскіе воеводы, не смотря на огромную разницу въ числѣ войска (у нихъ было немного болѣе 4.000, а у Новгородцевъ до 40.000), рѣшилъ вступить въ битву: ратники ихъ переправились черезъ рѣку и ударили на Новгородцевъ, которые не выдержали натиска и бѣжали.

Н. И. Костомаровъ по этому поводу писалъ (стр. 112): ...«И войско Новгородское обогнуло западный берегъ озера (Ильмень), дошло до Шелони и слѣдовало по ея лѣвому берегу на Псковичей... Князь Холмскій (узнавъ объ этомъ), поспѣшилъ со своимъ войскомъ прямо на встрѣчу Новгородцамъ... 13-го іюля, въ субботу, не доходя до селеній Мусцы и Сольцы, Новгородцы увидѣли на другомъ берегу рѣки Московское войско. Нѣсколько времени враги шли по одному направленію: эти на лѣвомъ—тѣ на правомъ берегу Шелони. Москвичи дошли до маленькой рѣчки Дрянь, впадающей въ Шелонь, и перебрели ее. Уже стемнѣло. Москвичи остановились...

На другой день рано утромъ, въ воскресенье, Московскіе воеводы поставили войско въ боевой порядокъ... Враги поглядывали нѣсколько времени другъ на друга черезъ рѣку, и вдругъ, по приказанію Холмскаго, вся рать Московская крикнула свой ясакъ: Москва! и бросились съ высокаго берега въ Шелонь...»

У Д. И. Иловайскаго читаемъ (стр. 443): ...«Великій Князь, извѣщенный о побѣдахъ (у Корыстыня и у Русы), велѣлъ имъ (воеводамъ Московскимъ) идти къ Шелони на соединеніе съ Псковичами... Холмскій съ товарищемъ двинулся къ Шелони и тутъ встрѣтилъ Новгородскую конницу, шедшую по другому берегу рѣки и, повидимому, имѣвшую теперь намѣреніе обрушиться на Псковичей... Москвичи пошли по своему берегу въ томъ же направленіи. Наконецъ, Московскіе воеводы, дошедши до устья рѣчки Дряни, впадающей въ Шелонь, остановили свой полкъ... (Сказавъ слова воодушевленія), воеводы съ высокаго берега первые погнали своихъ коней въ воду. За ними бросилось все войско, перешло и перебродило рѣку и, поднявшись на другой берегъ, ударило на противниковъ съ крикомъ: Москва!».

Военный историкъ, князь Голицынъ, относительно мѣста Шелонской битвы говоритъ такъ (стр. 69): «9-го іюля Іоаннъ у оз. Коломны близъ Вышняго Волочка получилъ отъ Холмскаго извѣстіе о пораженіи имъ Новгородцевъ на Корыстыни и Полѣ

и о движеніи его къ Демону, но Іоаннъ приказалъ ему идти налѣво къ Шелони, для соединенія съ Псковичами... Холмскій, двинувшись къ Шелони, 14-го іюля увидѣлъ шедшее по другой сторонѣ ея 40 т. Новгородскихъ войскъ Дмитрія Борецкаго. У Холмскаго было только 4 т. войскъ, но онъ, не смотря на такую разницу въ силахъ, отважно переправился черезъ Шелонь вплавь и стремительно ударилъ на Новгородцевъ, которые не выдержали удара и бѣжали...»

Въ изданіи «Русская военная сила», вышедшемъ подъ редакціей Н. Петрова, о мѣстѣ, гдѣ произошла битва 14-го іюля 1471 г., сказано (стр. 113); «Уничтоживъ ближайшій къ Руссѣ г. Деминъ, въ видахъ обезпеченія своего тыла, отрядъ князя Холмскаго возвратился 13-го іюля къ своей позиціи на правомъ берегу Шелони. Новгородская конница только теперь показалась на лѣвомъ берегу Шелони, двигаясь по дорогѣ въ направленіи теченія этой рѣки, на встрѣчу Псковитянамъ, все еще неподходившимъ. Тогда князь Холмскій двинулся параллельно Новгородской конницѣ также вверхъ по Шелони, которая раздѣляла противниковъ. Новгородцы остановились на ночлегъ при впаденіи въ р. Шелонь р. Дряни.

Разсчитывая на свою 40.000 силу, они пренебрегали 10.000 отрядомъ князя Холмскаго и стояли безъ всякихъ предосторожностей. Узнавъ объ этомъ, князь Холмскій обратился къ своимъ войскамъ съ слѣдующими словами: «Лучше намъ положить здѣсь головы, нежели воротиться со срамомъ»,—и съ высокаго берега бросился въ Шелонь. Воеводы и войско пошли за нимъ. Это было 14-го іюля 1471 г...»

Остальные историки, какъ общіе, такъ и военные, говоря о Шелонской битвѣ, не останавливаются на ней подробно и лишь упоминаютъ, что она была «на Шелони» или «за Шелонью»; въ виду этого ихъ свидѣтельства не могутъ дать никакихъ указаній относительно мѣста Шелонской битвы.

Обращаясь къ выводамъ, которые можно сдѣлать изъ приведенныхъ выше словъ историковъ относительно мѣста Шелонской битвы, необходимо сказать слѣдующее: всѣ историки согласно говорятъ, что Шелонская битва произошла 14-го іюля на лѣвомъ берегу р. Шелони и что для участія въ этой битвѣ отрядъ князя Холмскаго долженъ былъ переправляться черезъ Шелонь.

Затѣмъ часть историковъ говорятъ, что князю Холмскому приказано было вернуться на Шелонь на встрѣчу Псковитянамъ (Карамзинъ, Соловьевъ, Иловайскій, князь Голицынъ), другіе (Петровъ) указываютъ, что князю Холмскому приказано было вернуться къ Шелони на его прежнюю позицію.

Далѣе: одни историки утверждаютъ (Костомаровъ и Петровъ), что отрядъ Холмскаго ночь наканунѣ битвы провелъ на правомъ берегу р. Шелони, не доходя Мусцы и Сольцы, но переправившись черезъ р. Дрянь или только дойдя до этой рѣки; другіе историки по этому поводу говорятъ просто, что князь Холмскій ночевалъ въ виду Новгородцевъ (Сумароковъ); третьи-же — обходятъ этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ. Въ виду того, что мѣстоположеніе р. Дрянь остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ, по даннымъ названныхъ историковъ совершенно не представляется возможнымъ даже приблизительно установить пунктъ ночлега князя Холмскаго въ ночь съ 13-го на 14-е іюля.

Что касается того, когда и гдѣ князь Холмскій увидѣлъ впервые Новгородцевъ, мнѣнія историковъ также раздѣлились: одни говорятъ, что это было 14-го іюля, но не указываютъ, гдѣ именно (Карамзинъ, Соловьевъ, князь Голицынъ), а другіе (Костомаровъ) опредѣленно указываютъ, что это было 13-го, не доходя Мусцовъ.

Затѣмъ, всѣ историки согласно говорятъ, что черезъ Шелонь князь Холмскій переправился 14-го, но Сумароковъ утверждаетъ, что переправа была произведена

скрытно, а всѣ остальные историки говорятъ, что переправа произошла открыто на глазахъ у Новгородцевъ.

Наконецъ, относительно самого мѣста переправы Костомаровъ, Иловайскій и Петровъ связываютъ его съ р. Дрянью, впадающей въ р. Шелонь не доходя Мусцовъ, причемъ Костомаровъ говоритъ, что отрядъ князя Холмскаго сначала переправился черезъ р. Дрянь, а потомъ уже черезъ р. Шелонь. Иловайскій же и Петровъ говорятъ, что переправа черезъ Шелонь Московской рати произошла у мѣста впаденія р. Дряни въ Шелонь, не переходя первую. Остальные же историки не указываютъ точно мѣста переправы, но говорятъ, что у него рѣка Шелонь была глубокая, что правый берегъ рѣки былъ высокій и крутой. Наконецъ, есть указаніе, что мѣсто переправы было песчаное.

Затѣмъ, всѣ историки совершенно согласно указываютъ, что битва произошла тотчасъ же вслѣдъ за переправой князя Холмскаго.

41) Стр. 293.
42) Стр. 119.
43) Стр. 120.
44) Стр. 100—107.
45) Стр. 124—125.
46) Стр. 538.
47) Стр. 134—135.
48) Стр. 271—272.
49) См. стр. 20.
50) См. приложеніе № 1.
51) См. ниже примѣчаніе 67.
52) Лѣтописецъ Новгородскій, стр. 294; Софійскій Временникъ, стр. 123.
53) См. приложеніе № 3.
54) Переписная оброчная книга Шелонской пятины 1539 г., стр. 509.
55) Софійскій Временникъ, стр. 103; Продолженіе лѣтописи Нестора, стр. 272.
56) См. приложеніе № 3.
57) Псковская лѣтопись, стр. 119.
58) Стр. 552.
59) Стр. 509.
60) Всѣ историки, изслѣдовавшіе походъ 1471 года, даютъ болѣе или менѣе подробное описаніе и Шелонской битвы.

Татищевъ описываетъ ее такъ (стр. 20): «Видѣвше-же сіе (переправу отряда Холмскаго черезъ Шелонь), Новогородцы устрашишася зѣло, возмутишася и восколебашася, яко пьяны, а сіи пришедъ на нихъ, начаша прежде стрѣляти ихъ, и возмутишася кони ихъ подъ ними, начаша съ себѣ бити ихъ, и тако вскорѣ побѣгоша, гоними гнѣвомъ Божьимъ за свою ихъ измѣну и отступленіе не отъ своего токмо Государя, но и отъ самого Господа Бога.

Полцы-же Великаго князя погнаша по нихъ колюще и сѣкуще ихъ, а они сами бѣжаще, другъ друга кбіюще и топчуще; отъ конскаго множества избіено же ихъ бысть тогда многое множество, самимъ бо глаголющимъ имъ, яко 8.000 изгибе ихъ на боехъ тѣхъ, а изыманыхъ руками болѣе 2.000; изымани же посадницы ихъ...

Бѣжащимъ же имъ надолзѣ уже кони ихъ одхошась, и начаша рѣятися съ нихъ долой въ воды и въ болота и въ лѣсы, ослѣпи бо ихъ Господь и не знаяху земли своея, ниже пути ко граду своему, отъ него-же изыдоша, но блуляху по лѣ-

самъ, и выходящихъ ихъ изъ лѣса тако имаху ихъ ратніи, а иніи ранени блуляще по лѣсамъ, изомроша, а иніи въ водахъ истопоша, а которіи съ коней не слиташась, тѣхъ кони ихъ приношаху ко граду, яко пьяныхъ или спящихъ, а иніи въ торопѣ и градъ свой пробѣгоша, мняще, яко градъ взятъ уже, возмятошася бо и восколебашася, яко пьяныи и вся мудрость ихъ поглощена бысть; а вои Великаго Князя гонили по нихъ 12 верстъ, и тако возвратишась отъ великія тоя истомы. Воеводы же Великаго Князя, князь Данило Холмскій, да Ѳедоръ Давидовичъ, сташа на костѣ сождався съ воинствомъ своимъ, и видѣвши вся своя всѣхъ здравыхъ, благодариша Господа Бога»...

Щербатовъ о Шелонской битвѣ пишетъ такъ (стр. 50): «Московскіе воины начали нападеніе на Новогородцевъ пущеніемъ множества стрѣлъ, которые поранили многихъ коней Новогородскихъ. Сіи пораженные зачали повергаться, или изъ мѣстъ своихъ неискусныхъ и не могущихъ ими управлять всадниковъ носить, и разстроили тѣмъ самое ополченіе; а въ самое сіе время Московскіе воины, ударивъ на нихъ съ копіями и мечами, почти уже безъ сопротивленія ихъ разсыпали и въ бѣгство обратили.

Московскіе воеводы, видя толикій страхъ и пораженіе враговъ, повелѣли воинамъ своимъ елико возможно далѣе бѣгущихъ преслѣдовать, ихъ побивать и плѣнить; и дѣйствительно уже трепещущіе Новгородцы нигдѣ не сопротивлялись, но или побиваемы, или въ плѣнъ браны были такъ, что когда по бывшей погонѣ разстояніемъ на 12 верстъ изочтены были трупы Новгородскіе, найдено было ихъ двенадцать тысячъ побіенныхъ, и двѣ тысячи взятыхъ въ плѣнъ, между которыми были и посадники ихъ... Сверхъ же сего числа убіенныхъ и взятыхъ въ плѣнъ Новгородцевъ, множество изъ нихъ, бывъ пораженные страхомъ, разными образы погибли, единые свергаяся въ стремнины и въ рѣки бѣжа оружія Московскаго, разбилися, другіе заѣхавъ въ болота тамъ потонули, а наконецъ иные блудя по лѣсамъ отъ глада погибли».

Сумароковъ (стр. 266) Шелонскую битву описываетъ такъ: «На другой день, 14-го іюля, въ воскресенье на память апостола Акилы перешли они (Московскій отрядъ) чрезъ Шелонь по песчаному мѣсту, гдѣ довольно глубоко, и, къ изумленію безопасныхъ новогородцевъ, напали на нихъ со всею стремительностью. Тогда случилось противное ожиданію Новогородцевъ: мужество съ искусствомъ превозмогли количество. Не устояли они отъ дружнаго удара, и разстроенныя толпы искали спасенія въ бѣгствѣ. Разсыпаются оныя по лѣсамъ, болотамъ, гибнутъ отъ стрѣлъ, въ водахъ Ильменя, Шелони, и преслѣдованіе имъ продолжилось на двадцать верстъ. Поверженные мечи, копія казали боязненные ихъ слѣды, и 12.000 воиновъ со многими посадниками, именитыми людьми, покрыли трупами поле сраженія».

У Карамзина мы находимъ слѣдующее описаніе Шелонской битвы (стр. 25): «... и всѣ благополучно переѣхавъ на другую сторону (р. Шелони), устремились въ бой съ восклицаніемъ Москва! Новогородскій лѣтописецъ говоритъ, что соотечественники его бились мужественно и принудили Москвитянъ отступить, но что конница татарская, бывъ въ засадѣ, нечаяннымъ нападеніемъ разстроила первыхъ и рѣшила дѣло. Но по другимъ извѣстіямъ Новогородцы не стояли ни часу; лошади ихъ, язвимыя стрѣлами, начали сбивать съ себя всадниковъ; ужасъ объялъ воеводъ малодушныхъ и войско неопытное; обратили тылъ; скакали безъ памяти и топтали другъ друга, гонимые, истребляемые побѣдителями; утомивъ коней, бросались въ воду, въ тину болотную; не находили пути въ лѣсахъ своихъ, тонули или умирали отъ ранъ; иные же проскакали мимо Новогорода, думая, что онъ уже взятъ Іоанномъ... На пространствѣ

12 верстъ полки Великокняжескіе гнали ихъ, убили 12.000 чел., взяли 1.700 плѣнниковъ»...

У Соловьева (стр. 1363) Шелонская битва описывается слѣдующимъ образомъ: «...ратники ихъ (Московскихъ воеводъ) переправились черезъ рѣку (Шелонь) и ударили на Новгородцевъ, которые не выдержали натиска и побѣжали; по Новгородскимъ же извѣстіямъ, Новгородцы прогнали Москвичей за Шелонь, но западная (?) рать татарская внезапно ударила на нихъ и рѣшила дѣло въ пользу войскъ великокняжескихъ. Какъ бы то ни было, Новогородцы потерпѣли страшное пораженіе,—потерпѣли, по ихъ счету, двѣнадцать тысячъ убитыми и тысячу семьсотъ взятыхъ въ плѣнъ»...

У Костомарова (стр. 113) описаніе Шелонской битвы изложено такъ: «... И ударилась Москва съ Великимъ Новгородомъ. Новгородцы стали прогонять Москвичей за Шелонь, какъ вдругъ нежданно сзади бросились на новгордцевъ татары... Москвичи ободрились; Холмскій приказалъ стрѣлять не въ людей, а въ лошадей; кони, взятые отъ работъ, непріученные къ войнѣ, поднялись на дыбы; всадники, неумѣвшіе владѣть конями, падали съ нихъ стремглавъ; когда они въ бѣшенствѣ несли ихъ назадъ,—не умѣли удержать и повернуть,—народъ былъ непривычный къ бою... Все столпилось смѣшалось: передніе ударились на заднихъ, одни падали, другіе на нихъ летѣли съ конями и въ свою очередь были сбиты товарищами; бросились всѣ въ разсыпную; метали оружіе, щиты, скидали съ себя доспѣхи. Песчаный грунтъ берега не давалъ имъ скоро бѣжать; Москвичи догоняли ихъ и порожали сзади копьями и сулицами. Татары ловили ихъ арканами. Шелонское побережье устлалось трупами. Безоруженные и раненые бѣжали какъ безумные... бѣжали въ лѣса, бѣжали въ болота, раненые заползали въ чащи и тамъ истекали кровью; тѣ вязли въ тинѣ; болѣе счастливое у кого кони были пошибче, летѣли безъ оглядки до тѣхъ поръ, пока кони подъ ними не падали и не испускали духъ; а нѣкоторыхъ кони донесли до Новгорода, да они со страхи не узнали его и бѣжали мимо него, дальше, пока не падали съ издохшими конями... Московскій лѣтописецъ повѣствуетъ, что двѣнадцать тысячъ новгородцевъ поражено были въ этомъ бою. Взяты были и начальники ихъ; взяли тысячу шестьсотъ плѣнниковъ... Цѣлый день на двѣнадцать верстъ гонялись за остальными Москвичи»...

Иловайскій (стр. 444) Шелонскую битву описываетъ такъ: «За ними (Московскими воеводами) бросилось все войско, переплыло и перебродило рѣку (Шелонь), и поднявшись на другой берегъ, ударило на противниковъ съ кликомъ Москва! Новгородцы кликнули: Святая Софья и Великій Новгородъ! и бодро вступили въ битву. Сначала Москвичамъ пришлось плохо; противники тѣснили ихъ своимъ числомъ. Тогда Московскіе воеводы повторили тактику Ѳедора Басенка и Стриги Оболенскаго, т. е. велѣли бить преимущественно по непріятельскимъ конямъ стрѣлами и сулицами. Новогородскіе кони стали метаться и становиться на дыбы; многіе неумѣлые всадники попадали на земь. Наконецъ, ударъ татарскаго отряда, зашедшаго Новгородцамъ въ тылъ, рѣшилъ побѣду въ пользу Москвы. Большое число Новгородцевъ пало или взято въ плѣнъ; остальные въ дикомъ бѣгствѣ разсѣялись по сосѣднимъ лѣсамъ, и только небольшая часть проскакала въ Новгородъ».

Послѣ описанія Шелонскаго боя Иловайскій дѣлаетъ чрезвычайно странное заключеніе, а именно: онъ говоритъ, что «Шелонскій бой совершился 14-го іюля 1471 года, спустя недѣлю послѣ Коростынскаго». Какъ изложено выше (см. стр. 18, и примѣчаніе 33). Коростынскій бой произошелъ 26-го іюня и во всякомъ случаѣ гораздо раньше 7-го іюля.

Военные историки Голицынъ и Петровъ описываютъ Шелонскую битву менѣе

подробно. Такъ у Голицына находимъ: «... (Холмскій) отважно переправился черезъ Шелонь вплавь и стремительно ударилъ на новгородцевъ, которые не выдержали удара и бѣжали (по новгородскимъ же лѣтописамъ, новгородцы будто бы опрокинули Холмскаго за Шелонь, но татарская конница внезапно ударила на нихъ изъ засады и рѣшила побѣду въ пользу Холмскаго). Холмскій преслѣдовалъ новгородцевъ на пространствѣ 12 верстъ и нанесъ имъ жестокое пораженіе и огромный уронъ: по собственному сознанію ихъ они потеряли 12.000 чел. убитыми и 1.700 чел. взятыми въ плѣнъ»...

Еще короче о Шелонской битвѣ говоритъ Петровъ (стр. 113). Онъ пишетъ: «... князь Холмскій... съ высокого берега бросился въ Шелонь. Воеводы и войско пошли за нимъ. Это было 14-го іюля 1471 года. Неравный бой продолжался со страшною жестокостью. Новгородцы дрались отчаянно, и уже начали подавлять своимъ численнымъ превосходствомъ. Но кн. Холмскій, въ отрядѣ котораго были и татары, выслалъ ихъ для удара въ тылъ противника. Этотъ ударъ рѣшилъ дѣло, Новгородцы были разбиты на голову и потеряли множество плѣнныхъ».

61) Стр. 294.

62) Стр. 123—124.

63) Стр. 103.

64) Стр. 135.

65) Стр. 538—539.

66) Стр. 120—121.

67) Всѣ лѣтописи говорятъ, что Москвичи преслѣдовали на протяженіи 20 поприщъ, а одна изъ нихъ говоритъ, что преслѣдованіе продолжалось 20 верстъ. Однако, я не могу согласиться, что 20 поприщъ составляютъ 20 верстъ.

Новгородская лѣтопись (стр. 303) говоритъ, что по уходѣ въ 1471 г. Великаго Князя изъ Новгорода Новгордскіе люди разошлись по мѣстамъ своего жительства и что при этомъ въ Русу возвращались «иммеромъ езеромъ, или реку моремъ русскимъ: понеже величество его отъ брега до брега на все страны поприщъ *60*». Извѣстно же, что ширина Ильменскаго озера—40 верстъ. Такимъ образомъ, 20 поприщъ составятъ около 13 верстъ, но, очевидно, что указаніе на 20 поприщъ преслѣдованія является приблизительнымъ. Большинство историковъ принимаютъ, что преслѣдованіе шло на протяженіи 12 верстъ.

68). Никоновская лѣтопись, стр. 136—137; Степенная книга, стр. 540; Софійскій Временникъ, стр. 104 и 126; Новгородскій лѣтописецъ, стр. 296; Продолженіе лѣтописи Нестора, стр. 273. По Псковской лѣтописи (стр. 121) Великій Князь 14 іюля былъ въ Русѣ, а на Коростынѣ—28 іюля. Но эти даты противорѣчатъ всѣмъ остальнымъ лѣтописямъ и точно установленному факту, что Іоаннъ III извѣстіе о побѣдѣ на Шелони получилъ въ Яжелбицахъ и потому я считаю ихъ невѣрными. Весьма вѣроятно, что въ Псковской мѣстности простая описка—вмѣсто 24—написано 14. Однако, Татищевъ (стр. 21) точно придерживается датъ Псковской лѣтописи. Щербатовъ, стр. 51, 53. Здѣсь указано, что къ Коростыню Великій князь прибылъ 28-го іюля; Сумароковъ, стр. 267; Карамзинъ, стр. 26—27; Соловьевъ, стр. 1363—1364; Костомаровъ, стр. 114—115; Иловайскій, стр. 444—445; Голицынъ, стр. 70.

69) Никоновская лѣтопись, стр. 138; Степенная книга, стр. 540; Софійскій Временникъ, стр. 105—106 и 131; Новгородскій лѣтописецъ, стр. 302; Продолженіе лѣтописи Нестора, стр. 275—276; Татищевъ, стр. 22; Щербатовъ, стр. 54—56; Сумароковъ, стр. 267; Карамзинъ, стр. 27; Соловьевъ, стр. 1365; Костомаровъ, стр. 117—118; Иловайскій, стр. 445; Голицынъ, стр. 70; Петровъ, стр. 113.

70) Никоновская лѣтопись, стр. 139—140; Степенная книга, стр. 541; Софійскій Временникъ стр. 104 и 128—130; Новгородскій лѣтописецъ, стр. 299; Псковская лѣтопись, стр. 121—122; Продолженіе лѣтописи Нестора, стр. 274; Татищевъ, стр. 23—24; Щербатовъ, стр. 57—59; Сумароковъ, стр. 268. Здѣсь ошибочно указано, что миръ былъ заключенъ 25-го іюля,—къ этому дню Іоаннъ еще не прибылъ къ Коростыню; Карамзинъ, стр. 28—29; Соловьевъ, стр. 1364; Костомаровъ, стр. 115—117; Иловайскій, стр. 445—446.

71) Никоновская лѣтопись, стр. 141; Степенная книга, стр. 541—542; Софійскій Временникъ, стр. 131; Новгородскій лѣтописецъ, стр. 303; Псковская лѣтопись, стр. 122; Продолженіе лѣтописи Нестора стр. 277; Татищевъ, стр. 25; Щербатовъ, стр. 60; Карамзинъ, стр. 30.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Археологическая развѣдка на предполагаемомъ мѣстѣ Шелонской битвы (14-го іюля 1471 г.).

Какъ это уже было выяснено нѣкоторыми изслѣдователями (Д. И. Иловайскій, Н. И. Костомаровъ и Н. Е. Бранденбургъ), въ раіонѣ с. Велебицы, группируются обстоятельства, дающія основанія высказывать предположеніе, что кровавый актъ 14-го іюля 1471 г., называемый Шелонской битвой, произошелъ именно здѣсь.

Стратегическое и тактическое соображенія возможности на этихъ мѣстахъ битвы, правда съ нѣкоторыми допусками, такъ напримѣръ, о р. «Дряни», представляются такимъ образомъ обоснованными на мѣстѣ лѣтописными матеріалами.

Остается, т. о., найти вещественные памятники битвы, что могло бы окончательно разрѣшить гипотезу о дѣйствительномъ опредѣленіи мѣста битвы, а съ другой стороны, въ случаѣ удачи, обильный сборъ, точно датированнаго оружія самъ по себѣ открылъ бы одну изъ интереснѣйшихъ страницъ военной археологіи.

Какими данными, однако, располагали мы до настоящаго времени? Ни Иловайскій, ни Костомаровъ не установили ни одной вещественной находки въ интересующихъ насъ мѣстахъ.

Пытался сдѣлать ихъ лишь Н. Е. Бранденбургъ, котораго, главнымъ образомъ, интересовало именно нахожденіе вещественныхъ памятниковъ битвы. Отправляясь въ поиски, онъ располагалъ свѣдѣніемъ только объ одной находкѣ оружія, именно объ открытомъ крестьянами въ 1848 г. оружіи, часть котораго (шлемъ, панцырь, нагрудникъ и поясъ) въ 1875 г. изъ Новгородскаго земскаго музея попала въ коллекціи Артиллерійскаго Историческаго музея и свѣдѣнія о которомъ частью были напечатаны въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества». Т. IV, Проток. засѣд. 1851 г. § 4, стр. 5 *).

Принимая во вниманіе, что это въ высшей степени интересное снаряженіе до сихъ поръ нигдѣ не описано, позволяю себѣ привести его описаніе.

1. *Кольчуга* съ воротникомъ и длинными рукавами **) (рис. 1). По указаніямъ инвентаря—найдена въ «одномъ изъ кургановъ на рѣкѣ Шелони вмѣстѣ съ нагрудникомъ, шлемомъ и поясомъ».

*) См. приложеніе II.

**) Арт. Истор. муз. ч. I № 806.

Длина кольчуги отъ края воротника до конца полъ .72 сантиметра.

Высота воротника 12 сантиметровъ, верхней тыльной стороны 4 сантиметра.

Длина рукава отъ плеча 48 сантиметровъ. Прорѣзъ воротника 15 сантиметровъ.

Кольчуга имѣетъ спереди и сзади снизу прорѣзы.

Колечки діаметромъ около 1 сантиметра, клепаны на одинъ гвоздь.

Воротникъ въ 9 рядовъ колецъ усиленъ протянутыми сквозь кольца ремнями и полосками шерстяной ткани. Рукава, подзоръ и нижняя часть спины сдѣланы изъ колечекъ болѣе тонкихъ, чѣмъ остальная часть кольчуги.

Бранденбургъ считаетъ кольчугу принадлежащей «вѣроятно XV в.». Кажется, эта датировка серьезныхъ возраженій не вызываетъ, но съ большей горечью нужно констатировать, что кольчуга можетъ быть отнесена ко времени и болѣе позднему, такъ какъ не имѣетъ ничего характернаго. Продернутые ремни позволяютъ приписывать ей восточное происхожденіе (Ленцъ. «Собраніе оружія Эрмитажа» стр. 20). Прорѣзы спереди и сзади указываютъ, что кольчуга принадлежала воину-всаднику.

2. *Нагрудникъ* желѣзный кованный, съ украшеніями изъ мѣдныхъ шляпокъ и составной изъ полосъ нижней частью *) (рис. 2). Найденъ вмѣстѣ съ вышеописанной кольчугой. Вѣсъ по показанію инвентаря 5 фунтовъ, а въ дѣйствительности 7 фунтовъ 9 золотниковъ. Наибольшая высота и ширина по 36 сантиметровъ.

Высота верхней неподвижной части 23 сантиметра, нижней подвижной—отъ 10 до 15 сантиметровъ.

Ширина верхней части 26 сантиметровъ.

Описанный нагрудникъ, однако, представляется мнѣ вещью не XV в., а значительно болѣе позднѣй, къ тому же онъ въ главномъ расходится съ упомянутымъ въ «Изв. Арх. Общ.»—вѣсъ здѣсь указанъ въ 8 фунтовъ. Допустить такую ошибку нельзя. Кромѣ того, въ «Изв. Арх. Общ.» г. Игнатьевъ довольно тщательно перечисляющій всѣ заклепки и другія подробности предметовъ—ни однимъ словомъ не упоминаетъ какъ о «мѣдныхъ шляпкахъ», кстати сказать, имѣющихъ на себѣ буквы или знаки, разобрать которыя я не смогъ, такъ и о составной изъ полосъ нижней части, чего онъ никакъ не могъ не замѣтить. Просматривая вѣдомости, при которыхъ предметы были переданы въ 1875 г. изъ Новгородскаго Земскаго музея въ Артиллерійскій музей, гдѣ абсолютно никакихъ указаній на мѣста находки не имѣется, я позволю себѣ усомниться въ тождественности нагрудниковъ описаннаго Игнатьевымъ и находящагося въ нашемъ музеѣ.

3. *Поясъ* кожаный съ желѣзными бляхами **) (рис. 3). Бляха съ крючкомъ имѣетъ гравированное изображеніе коня, бѣгущаго иноходью вправо. На шею коня наброшены поводья. Подъ конемъ нарѣзанъ кружекъ. Бляха фигурно вырѣзана и гравирована по одному краю городками, а съ другихъ сторонъ по обрѣзу бляхи нанесены полоски и завитки. Свободное поле покрыто цвѣтами и травами.

*) Арт. Истор. муз. ч. I, № 960.
**) Арт. Истор. муз. ч. I, № 1430.

Рис. 1.

Рис. 2.

Другая бляха имѣетъ пять прямоугольныхъ прорѣзовъ для крюка, высотой до 2-хъ и шириной около 3/4 сантиметровъ. Поле между прорѣзами орнаментировано кружками. Ниже и выше прорѣзовъ выгравированы изображенія волка (?) бѣгущаго влѣво. Подъ раскрытой пастью животнаго поставленъ такой же кружекъ, какъ и подъ конемъ. Кромѣ того, край бляхи орнаментированъ съ одной стороны городками, а съ другой, фигурной стороны, цвѣткомъ (?). Обращаетъ еще на себя вниманіе своеобразный знакъ въ видѣ кружка съ расходящимися отъ него полосами, надъ конемъ и надъ волкомъ; въ этомъ знакѣ я вижу изображеніе солнца.

Размѣры бляхъ: съ крюкомъ—11 1/2, безъ крюка 10 сантиметровъ, при ширинѣ 28 сантиметровъ.

Каждая бляха наглухо прикрѣплена тремя заклепками къ концамъ широкаго (6—7 сантиметровъ) толстаго ремня отличной сохранности.

Поясъ представляется мнѣ наиболѣе характерной и любопытной вещью изъ всего собранія предметовъ, относящихся къ Шелони, но среди изданныхъ въ «Извѣстіяхъ Археологическаго Общества» предметовъ — поясъ вовсе не упоминается, хотя быть можетъ и случайно.

4. *Шеломъ* желѣзный, полированный *) (рис. 4). Тулья шелома выкована изъ цѣльнаго куска и къ ней къ околышу прикрѣплены наглухо спереди и сзади по козырьку.

Передній козырекъ, выступающій впередъ на 5 сантиметровъ, прямой, имѣетъ наклепанную скобу и прорѣзъ для носовой стрѣлы. Задній козырекъ, достигающій 8 сантиметровъ, отогнутъ книзу для защиты шеи.

Съ лѣвой стороны подвѣшенъ на приклепанной петлѣ наушникъ 10 × 15 сантиметровъ. Правый отсутствуетъ. Тулья въ восьми граняхъ, а также наушники—украшены выкованными выпуклыми полукружіями, на которые, на тульѣ, опираются выпуклые же острые углы.

Высота шелома 20 сантиметровъ; вѣсъ 3 фунта 93 золотника.

Въ «Извѣст. Арх. Общ.» приведено изображеніе и описаніе шелома. Но и здѣсь встрѣчаются нѣкоторыя недоразумѣнія. Прежде всего шлемъ названъ «шишакомъ» и это подтверждается приведеннымъ рисункомъ. Несомнѣнно то, что изображено—можно наименовать шишакомъ, но шлемъ Арт. Истор. музея назвать шишакомъ—рисковано.

Однако же, позволительно задать прямой и категорическій вопросъ: гдѣ именно эти вещи были найдены?

Просматривая сообщеніе «Изв. Арх. Общ.», тамъ никакого указанія о точномъ мѣстѣ нахожденія вещей нѣтъ, ибо сообщеніе, что «въ Велебицахъ, близъ Псковскаго шоссе, крестьяне этого села срыли большую сопку, препятствовавшую запашкѣ ихъ поля»—нельзя считать за указаніе.

Нѣтъ такого указанія и у Бранденбурга, несмотря на то, что онъ изслѣдовалъ этотъ вопросъ. Причемъ не можетъ явиться сомнѣнія, что Бранденбургу, этому въ

*) Арт. Истор. муз. ч. I, № 2083.

высшей степени серьезному и вдумчивому изслѣдователю, точное опредѣленіе мѣста находки должно было быть важнымъ, дабы служить исходной точкой его розысканій въ окрестностяхъ Велебицы. Только непосвѣщенному въ детали работъ Бранденбурга, въ его отчеты, записки и примѣчанія въ записныхъ книжкахъ, можетъ показаться, что этотъ вопросъ имъ игнорировался или считался достаточно выясненнымъ. Не буду голословнымъ. На стр. 13 отчета Бранденбурга, который, какъ важный документъ здѣсь приводится *), мы читаемъ: «другой курганъ, близъ «могилы богатыря» найденъ уже разрытымъ въ давнее время, *при чемъ очень вѣроятно*, что именно къ нему можетъ пріурочиваться любопытное сообщеніе въ «Извѣст. Русскаго Археологическаго Общества (1852 г., т. IV)»...

Далѣе, въ записной книжкѣ его «1889 — 1891» въ особомъ примѣчаніи подъ рубрикой: «1889. Новгородск. губ. Шелонь», послѣ детальнаго описанія раскопки кургана на землѣ Вѣры Ивановны Шемякиной, которое мной уже издано въ «Журналѣ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга» на стр. 202 **), въ ряду разныхъ примѣчаній, частью вошедшихъ въ упомянутый мной отчетъ, читаемъ: «Верстахъ въ 5-ти по дорогѣ въ Сольцы находится въ лѣсу на берегу Шелони родъ вала (длиной около 20-ти саженъ, ширина больше 2-хъ саженъ, вышина около 2-хъ аршинъ). Въ немъ мѣстная легенда видитъ могилу какого-то богатыря; «жили въ здѣшнихъ мѣстахъ два богатыря (Примѣчаніе: одинъ около Велебицы, а другой въ Молочковѣ, и бросали другъ въ друга топорами. Легенда, слышанная мной и въ Прилладожьѣ), подрались и одинъ былъ убитъ! Не народная ли легенда о борьбѣ Москвы съ Новгородомъ? (Примѣчаніе: у конца этой насыпи, нѣсколько въ сторонѣ лежитъ средней величины курганъ разрытый крестьянами (въ серединѣ большая яма), *но о какихъ-либо находкахъ ничего не слышно.* По словамъ крестьянъ, въ курганѣ зарыта желѣзная шапка богатыря!! (Не здѣсь ли вырыто оружіе, упомянутое въ «Изв. Арх. Общ.»?)».

Послѣдняя фраза вписана хотя и рукой покойнаго Н. Е. Бранденбурга, но безъ всякаго сомнѣнія позже, не одновременно съ всею предыдущею записью.

Для меня совершенно ясно, что вопросъ о мѣстѣ находки крестьянами оружія и снаряженія въ 1848 г. не пошелъ далѣе догадокъ. Можно предполагать, что вѣроятно оружіе было извлечено изъ кургана возлѣ вала, но утверждать этого нельзя, такъ какъ къ этому нѣтъ абсолютно никакихъ доводовъ болѣе или менѣе вѣскихъ. Почему же не въ томъ курганѣ на землѣ В. И. Шемякиной, который къ пріѣзду Бранденбурга также оказался уже вскрытымъ. Либо съ костями на «Юркѣ», либо у новой церкви, гдѣ, кстати сказать, была уже находка оружія.

Такъ въ той же записной книжкѣ Бранденбурга читаемъ:

«Около дома священника въ Велебицахъ (т. е. близъ церкви; самый домъ

*) См. приложеніе III.

**) «Журналъ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 г.г. Работы въ губерніяхъ: Кіевской, Полтавской, Харьковской, Каменецъ-Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилевской, Новгородской и въ области Войска Донского». Спб. 1908 г.

Рис. 3.

Рис. 4.

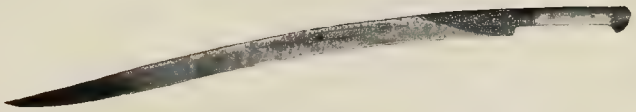
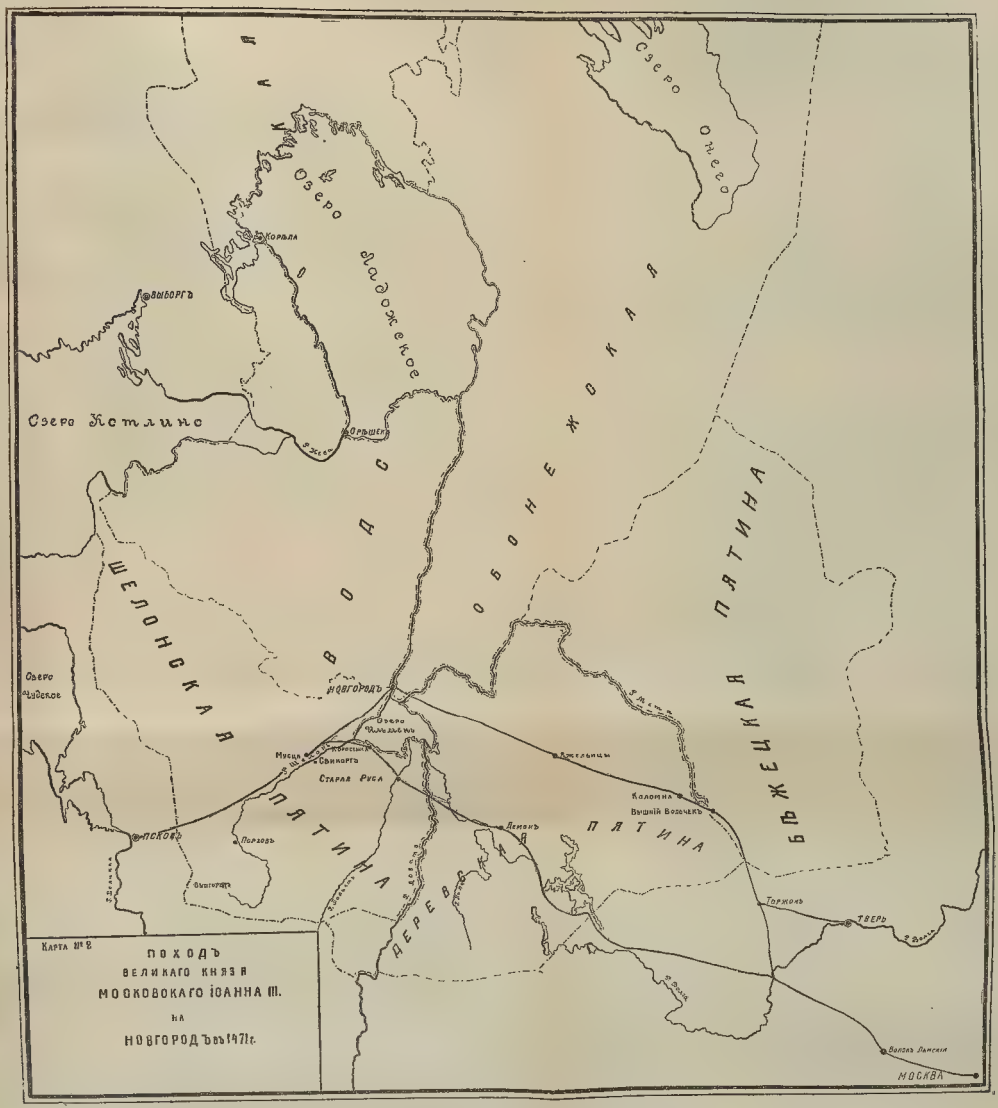


Рис. 5.

Шелонск. опер.

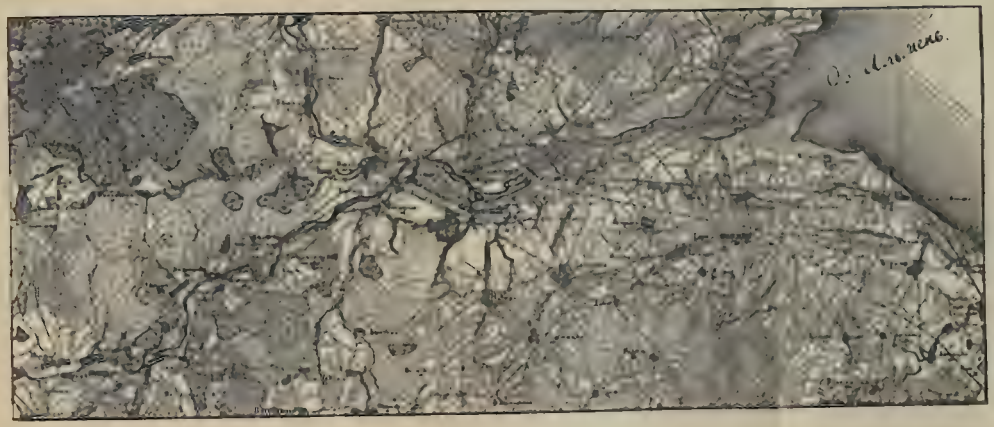
И 32 50



Шелонск. опер.

КАРТА № 3.

Нижнее теченіе р. Шелони отъ д. Мусцы до устья.



Масштабъ 2 вер. въ 1 дюймѣ

Шехонек. опер.

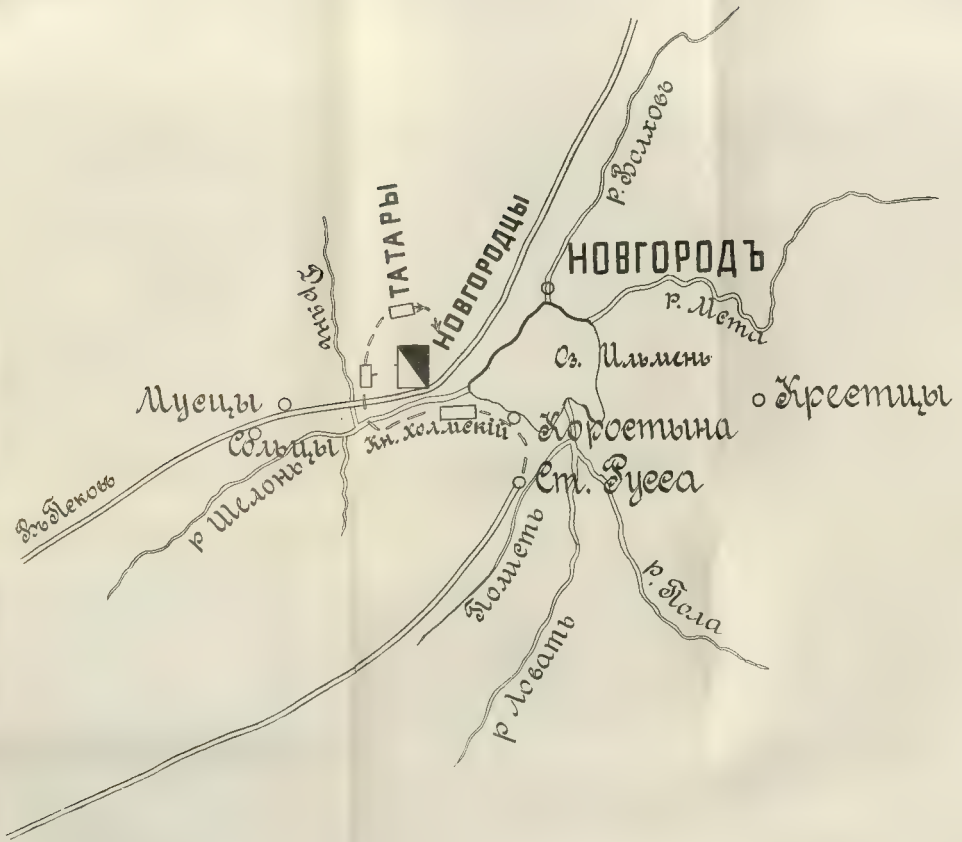
Планъ № 4.

Окрестности д д Велебицы и Скирино.

Шаповск. опер.

Схема № 5
Шелонской битвы 14 іюня 1471 г.

(Масштабъ 12½ в. въ д.).



Шелонск. опер

поставленъ здѣсь не очень давно), хозяинъ мой (П. Лисинъ) нашелъ года два назадъ *) перержавѣвшую саблю небольшую, но безъ ручки; по его описанію это должно быть ятаганъ, ибо лезвіе обращено внутрь кривизны клинка».

Это указаніе Бранденбурга давно и сильно меня интересовало.

Еще въ поѣздку мою на «Шелонь» въ 1911 г., я пытался выяснить судьбу этого ятагана. Но до заявленія въ засѣданіи Разряда Военной Археологіи и Археографіи 19-го марта 1913 г., М. В. Муравьевымъ, о нахожденіи въ г. Крестцахъ оружія, найденнаго на Шелонскомъ полѣ битвы, ни отъ кого мнѣ не удалось узнать о судьбѣ ятагана ни слова.

Лѣтомъ прошлаго 1913 г., собираясь въ Крестцы, я предварительно написалъ М. В. Муравьеву, прося его указать у кого именно находится въ Крестцахъ оружіе съ Шелони. Къ сожалѣнію, М. В. не смогъ мнѣ отвѣтить скоро и я получилъ его письмо, спустя больше мѣсяца, уже вернувшись изъ безполезной поѣздки въ Крестцы.

М. В. Муравьевъ увѣдомляетъ меня, что оружіе уже перекуплено отъ нѣкоего Крестецкаго обывателя Захарова, Новгородскимъ любителемъ древностей И. В. Аничковымъ.

На сдѣланный мной запросъ, И. В. Аничковъ, не только съ большой готовностью подѣлился со мной имѣющимися у него свѣдѣніями о ятаганѣ, но и сообщилъ мнѣ самый ятаганъ. Исторія ятагана, какъ ее передаетъ бывшій учитель З. М. Захаровъ, такова: въ маѣ 1879 г. крестьянинъ с. Любыни Старорусскаго уѣзда, Новгородской губ. Сысой Андреевъ, вспахивая поле сохой около сопки, находящейся въ 1/2 верстѣ отъ с. Любыни, выпахалъ ятаганъ и какой то «молотокъ», по описанію напоминающій клевецъ. Сопка почти уже распахана. По словамъ г. Захарова, эти предметы были найдены нѣсколько заржавѣвшими. Ятаганъ отъ Андреева былъ купленъ священникомъ О. Добромысловымъ и затѣмъ перешелъ къ г. Захарову. «Молотокъ» утраченъ.

Прежде всего, необходимо отмѣтить, что мѣсто находки, с. Любынь, находится примѣрно въ 12 верстахъ отъ Велебицы на юго-востокъ и въ такомъ же разстояніи отъ Шелони. Можно спорить о мѣстѣ Шелонской битвы, но что она происходила на берегахъ Шелони—безспорно.

Ятаганъ сразу же произвелъ на меня впечатлѣніе вещи не могущей относиться не только къ XV, но даже и къ XVII вѣкамъ. Но для такого важнаго памятника необходимо было услышать болѣе компетентное заключеніе. Профессоръ Н. И. Веселовскій любезно согласившійся изучить ятаганъ—сообщилъ мнѣ, что по опредѣленію его и Э. Э. Ленца, извѣстнаго знатока оружія, ятаганъ можетъ быть отнесенъ ко времени *не раньше XVIII вѣка*.

Такимъ образомъ, ятаганъ не можетъ быть причисленъ къ вещамъ, относящимся къ Шелонской битвѣ. Кстати, только, позволю себѣ добавить, что этотъ ятаганъ представляетъ довольно интересный экземпляръ оружія этого типа. (Рис. 5). Длиной

*) Писано въ 1889 году.

75 сантиметровъ, онъ имѣетъ костяную рукоять, отдѣланную полосой орнаментированной золоченой бронзы, та же отдѣлка охватываетъ нижнюю часть рукояти, идетъ вначалѣ по клинку, переходя постепенно къ тупею, по которому продолжается приблизительно до одной трети всего ятагана. На обѣихъ сторонахъ клинка имѣется гравировка, а съ одной стороны глубоко выбитое арабское клеймо, которое гласитъ: «Дѣлалъ Ахметъ» и, кромѣ того, двустрочная надпись, кажущаяся съ перваго взгляда арабской, но въ дѣйствительности представляющая лишенную всякаго смысла плохую передачу какой то арабской скорописи, гравированную на клинкѣ, повидимому, безграмотнымъ рѣзчикомъ.

Вотъ все или почти все о находкахъ, сдѣланныхъ на полѣ Шелонской битвы.

Отклонившись въ эту сторону и выяснивъ обстановку сдѣланныхъ у Велебицы случайныхъ находокъ, я позволю себѣ вновь вернуться къ затронутому мной вопросу о нахожденіи остатковъ побоища 1471 г. — оружія. Но гдѣ его нужно искать? Это основной и требующій категорическаго отвѣта вопросъ.

Я постараюсь изложить тѣ соображенія, которыми я руководствовался, приступая къ осуществленію возложенной на меня Разрядомъ военной археологіи и археографіи Импер. Рус. Воен.-Истор. Общества задачи по обслѣдованію въ археологическомъ отношеніи поля Шелонской битвы». Этимъ прежде всего я установлю ясность моихъ дѣйствій и намѣреній и дамъ возможность слѣдующему, быть можетъ болѣе счастливому, изслѣдователю, для его соображеній, тотъ матеріалъ, который я собралъ.

До работъ Н. Е. Бранденбурга археологическихъ раскопокъ въ окрестностяхъ Велебицы производимо не было.

Бранденбургомъ осмотрѣны и отмѣчены всѣ курганы и валъ, осмотрѣны мѣста, гдѣ, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, отрываются человѣческія кости. Больше мѣстъ такъ или иначе указывающихъ, что въ нихъ имѣются остатки древней жизни—нѣтъ (кромѣ Городища, существовавшаго, конечно, задолго до Шелонской битвы). Копать гдѣ попало, было бы просто безцѣльно.

Бранденбургъ установилъ присутствіе кургановъ прежде всего на территоріи имѣнія г. Шемякиныхъ. Здѣсь имѣются курганы: у самой усадьбы въ паркѣ надъ обрывомъ—одинъ и два на лугу. Осмотрѣвъ ихъ, онъ нашелъ одинъ уже раскопаннымъ, другой же онъ подвергъ раскопкѣ. Не вдаваясь въ детали раскопокъ этого, мной уже изданнаго, кургана, укажу только, что здѣсь былъ имъ найденъ каменный помостъ съ нѣсколькими обломками человѣческаго скелета, безъ какихъ-либо вещей. Это такъ называемыя Новгородскія сопки, относимыя ко времени VIII—IX в. в. и, слѣдовательно, никакого отношенія къ битвѣ 1471 г. не имѣющія. Тоже слѣдуетъ сказать и про сопку, находящуюся у усадьбы г. Шемякиныхъ, частью уже обвалившуюся съ обрыва. Искать въ этихъ сопкахъ остатковъ многотысячнаго побоища, послѣ работъ здѣсь Бранденбурга, и особенно глядя на ихъ малые размѣры—какъ то неловко.

Далѣе Бранденбургъ установилъ присутствіе вала и вблизи его еще одного кургана. Это сообщеніе мной уже приведено выше, когда я касался вопроса о мѣстѣ нахожденія оружія въ 1848 году. Раскопанный курганъ Браденбургъ оставляетъ, но

онъ изслѣдуетъ валъ, и вотъ, что онъ отмѣчаетъ въ своей записной книжкѣ: «Въ упомянутой выше насыпи (могила богатыря) мной сдѣлана была развѣдка: середина насыпи прокопана поперекъ за половину, причемъ углубились въ материкъ до $2^1/_2$ аршинъ, а всего на $4^1/_2$ аршина, но ничего не оказалось; выше уровня почвы насыпь (песокъ), на уровнѣ почвы неплистый сѣроватый прослоекъ (подобный, какъ въ курганахъ), а ниже—материковый песокъ, глубже переходящій въ глинистый».

Не могу не остановиться на указаніи Бранденбурга на обнаруженіи имъ на уровнѣ почвы неплистаго сѣроватаго прослойка, какъ въ курганахъ.—Это есть показатель, что валъ *насыпного* происхожденія; прослоекъ есть растительный слой времени насыпки вала. Бранденбургъ, отмѣчая существованіе «прослойка» и уподобляя его курганнымъ, имѣлъ, конечно, въ виду лишь общность происхожденія прослойка, но отнюдь не уподобляя валъ—кургану.

Какого назначенія былъ валъ и какого времени, очевидно, Бранденбургу выяснить не удалось. Во всякомъ случаѣ валъ не имѣлъ погребальнаго характера.

Производить и въ этихъ мѣстахъ раскопки, дополняющія развѣдку Бранденбурга, я призналъ и признаю совершенно безцѣльнымъ.

Бранденбургомъ, да и всѣми мѣстными жителями указывается еще одинъ курганъ, довольно большихъ размѣровъ, расположенный на другомъ (правомъ) берегу Шелони, близь дер. Горки, примѣрно противъ усадьбы Шемякина, но раскапывать его для интересующей насъ задачи было нельзя.

Теперь остается только возможность найти остатки побоища лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ періодически, особенно послѣ весенняго наводненія или послѣ большихъ дождей, обнаруживалось присутствіе большого числа человѣческихъ костей.

Я возлагалъ на эти мѣста особенно большія надежды и меня, сознаюсь прямо, глубоко удивляло, что Бранденбургъ, по крайней мѣрѣ это видно изъ отчета, не разслѣдовалъ этихъ скопленій костей. Быть можетъ имъ это было выяснено безъ какихъ-либо спеціальныхъ раскопокъ, но не отмѣчено въ книжкѣ.

Такъ или иначе, но если вести обоснованныя работы, то мѣста скопленія костей, должны твердо указывать на возможность обнаруженія въ нихъ братскихъ могилъ.

Дѣйствительно, какъ могли хоронить, если вообще являлась потребность въ томъ, такое большое число труповъ, какое осталось по лѣтописнымъ даннымъ на Шелонскомъ полѣ? Единственный способъ—это зарывать въ большія ямы. Рыть каждому убитому особую яму потребовало бы и много времени, да и не тѣмъ обѣ враждующія стороны были озабочены. Былъ, впрочемъ, еще одинъ способъ избавиться отъ труповъ—это бросать ихъ просто въ рѣку *). Способъ этотъ представляется мнѣ очень вѣроятнымъ, особенно при наличіи такой быстротечной рѣки, какъ Шелонь...

Первое мѣсто, гдѣ бывали находимы кости въ большомъ числѣ, было отмѣчено Бранденбургомъ. Въ записной книжкѣ его читаемъ: «Въ кряжѣ, на которомъ стоитъ деревня (гдѣ построена нынѣ школа) попадается и вымывается водой много человѣческихъ костей, но находокъ не случалось».

*) На эту возможность указалъ мнѣ мѣстный Земскій Начальникъ.

Это же мѣсто въ первый мой пріѣздъ на Шелонь, въ 1911 г., было мнѣ указано діакономъ мѣстной церкви о. М. Петровымъ, пояснившимъ, что здѣсь на большомъ сравнительно пространствѣ, гдѣ бы ни копать, тотчасъ же обнаруживаются кости. Тогда же мнѣ было предъявлено нѣсколько костей, оказавшихся человѣческими.

Приступая къ раскопкѣ въ этомъ мѣстѣ 30-го августа 1913 г. совмѣстно съ А. П. Лебединской, я выбралъ ровную площадку позади училища на крутомъ берегу Шелони. Траншея заложена длиной 3 сажени. Работали отъ берега къ училищу на перевалъ. Пройдено около 2 саженъ, глубиной не свыше 2 аршинъ.

Подъ растительнымъ слоемъ, глубже на 3—4 вершка, обнаруженъ слой перегорѣлаго и сгнившаго дерева, толщиной около 3—4 вершковъ.

Въ этомъ слоѣ встрѣчены черепки поливной посуды, стекло отъ штофовъ, два изъ которыхъ съ буквами «Ш. З. Н. Г и У. В. М.» и одно съ датой, сверхъ того «1854». Ниже этого слоя, примѣрно на четверть, встрѣчены въ большомъ числѣ человѣческія кости взрослыхъ и кости очень малыя, очевидно дѣтскія. Разбитые черепа не меньше какъ 6 особей. Наконецъ, на глубинѣ около 2 аршинъ найденъ въ дубовомъ гробовищѣ скелетъ, лежащій на лѣвомъ боку, головой на западъ. Тазъ нарушенъ. Правая бедряная кость вытянута, лѣвой нѣтъ совсѣмъ. Кости хорошей сохранности (взяты). Вещей нѣтъ. У ноги—кости ребенка; выше еще одинъ дѣтскій скелетъ. Рядомъ, соприкасаясь съ первымъ (въ гробовищѣ) обнаруженъ еще малый скелетъ, головой на западъ, въ ногахъ его, въ плотную другъ къ другу открыты кости двухъ взрослыхъ скелетовъ на спинѣ, руки вдоль туловища. Дальше встрѣченъ еще одинъ скелетъ взрослаго, головой на западъ. (Черепъ взятъ). Правая рука протянута вдоль, лѣвая на груди. Вещей никакихъ. Сохранность костей отличная.

Всего на ничтожномъ сравнительно пространствѣ найдено до 20 человѣческихъ остововъ, поровну дѣтскихъ и взрослыхъ. Результаты получились для меня совершенно опредѣленныя, чтобы прекратить работу. Скопленіе костей никакого отношенія къ Шелонскому побоищу не имѣетъ—это ясно по значительному проценту дѣтскихъ скелетовъ. Вѣроятно это погребеніе жертвъ какого-либо морового повѣтрія, чумы, холеры, наконецъ, голода, но не жертвъ боя. Какого времени? Мнѣ представляется—очень недавняго, по сохранности костей. Отсутствіе же какихъ бы то ни было вещей объясняется обычаемъ сжигать одежду умершихъ отъ моровыхъ повѣтрій. Необходимо еще добавить, что мѣсто, гдѣ находится сейчасъ училище и новая церковь застроено очень недавно, примѣрно въ 1884—85 г.г., а до того времени находилось «за околицей» Велебицы.

Второе мѣсто, гдѣ обнаруживались кости, находится на правомъ и лѣвомъ берегахъ ручья «Юрокъ», впадающаго въ Шелонь.

Бранденбургъ пишетъ: «Ниже Велебицы находится дер. Песочекъ, за которой въ 1/2 верстѣ впадаетъ въ Шелонь ручей Юрокъ. Въ углу его впаденія довольно высокое возвышеніе, какъ бы двухярусное, подмываемое Шелонью и ежегодно осыпающееся. Изъ этого кряжа высыпаются иногда человѣческія кости и самое возвышеніе носитъ

названіе «Городка». Ручей представляетъ поперечную къ Шелони лощину, по другую сторону которой также кряжъ, подмываемый Шелонью. Здѣсь въ прежнее время вываливалась внизъ масса человѣческихъ костей, но теперь ихъ осыпается уже немного»... ...«Священникъ въ дер. Свинордѣ передавалъ, что на Юркѣ, по мѣстному преданію, была большая битва».

Кряжъ подъ названіемъ «Городокъ» былъ осмотрѣнъ нами А. К. Баіовымъ, А. П. Лебединской, А. А. Баіовымъ и мной. Мѣсто дѣйствительно интересное, по всѣмъ признакамъ представляющее древнее городище. Однако, тщательный осмотръ оползней не далъ никакого матеріала, исключая двухъ—трехъ обломковъ костей сильно вывѣтрившихся отъ долговременнаго пребыванія на воздухѣ.

Раскопки я рѣшилъ произвести на другой сторонѣ Юрка, гдѣ, 31-го августа, пріѣдя съ 4 рабочими, обнаружилъ торчавшую изъ земли человѣческую кость. По отсыпи круто спускающейся къ Шелони, на 2 аршина ниже вершины, раскопками были обнаружены конечности трехъ скелетовъ, лежащихъ на спинѣ. Всѣ головой на востокъ. Руки: у перваго — протянуты вдоль туловища, у второго — на груди, у третьяго—правая протянута, лѣвая на груди. Нижнія части конечностей обвалились уже раньше. Слѣдовъ гробовищъ нѣтъ. Подъ головой третьяго камень. Скелеты лежатъ параллельно другъ другу, но въ особыхъ ямахъ; разстояніе между первымъ и вторымъ, и между вторымъ и третьимъ одинаковы—по $2^1/_2$ аршина. Вещей никакихъ. Кости сохранились удовлетворительно. Черепа взяты и переданы А. А. Баіову.

Работа мной прекращена, такъ какъ для меня несомнѣнно, что раскапывается мирное кладбище. За неимѣніемъ вещей судить о времени его трудно, но мнѣ представляется, что оно существовало задолго, за нѣсколько вѣковъ, до времени Шелонской битвы...

Мной сдѣлано все, что я признавалъ возможнымъ сдѣлать здѣсь. Искать, производить раскопки, гдѣ-либо еще—у меня не было основаній. Теперь остается ждать случайныхъ находокъ въ будущемъ.

И если еще у меня остается вѣра въ возможность найти остатки побоища, то только вблизи и подъ Велебицкой церковью, но копать тамъ врядъ ли возможно. Это мѣсто представляется мнѣ особенно интереснымъ, такъ какъ, хотя церковь признается нѣкоторыми по характеру архитектуры, принадлежащей къ XIII, даже къ XII вѣкамъ, но первыя указанія о ней имѣются лишь въ XVI столѣтіи.

Другими словами, церковь поставлена здѣсь послѣ битвы, во время которой здѣсь не было ни поселенія, ни церкви. Мнѣ представляется, что церковь была поставлена здѣсь на мѣстѣ возможнаго перехода Шелони Москвичами, либо на костяхъ *) и это можетъ казаться особенно правдоподобнымъ, если вспомнить, что въ

*) «Собраніе лѣтописей», издаваемые Импер. Археографич. Комиссіей, томъ 21, часть 2, изд. 1913 г., стр. 539.

... «Воеводы же, Князь Данило и Феодоръ, сождавшеся съ воиньствомъ своимъ и ставше на костѣхъ, вострубиша, благодареніе Богу и Пречистой Его Матери приносяще, яко видѣша вся воя своя здравы»...

Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ (т. III, стр. 553) сказано: «Въ Свинорецкомъ погостѣ, села и деревни за помѣщики Кузьма Остафьевъ сынъ Лихарева. Деревни за нимъ Олферовскія Иванова сына Офоносова сельце Велебицы, а въ немъ церковь камена святый Иванъ Богословъ, а стоитъ на царевѣ и великаго князя землѣ».

Эти свѣдѣнія относятся къ переписи 1552 года. Что собственно значитъ указаніе, что церковь «стоитъ на царевѣ и великаго князя землѣ», ясно, но возникаетъ вопросъ почему именно въ этомъ мѣстѣ, къ которому приводятъ и другія данныя, указывающія, что битва была здѣсь, строится церковь, небольшая, характера часовни, не на частной или общественной, а на «царевѣ и великаго князя землѣ». Было бы важно узнать часто ли и въ какихъ именно случаяхъ церкви по деревнямъ и селамъ созидались на «царевой» землѣ. Не лишено интереса уже отмѣченное выше обстоятельство, что церковь необычно малыхъ размѣровъ. Указывая на размѣры ея, четыреугольникъ—$11\frac{1}{2}$ аршинъ длины и $10\frac{1}{2}$ аршинъ ширины, Д. Шемякинъ *) указываетъ, что по своимъ размѣрамъ Велебицкая церковь признается одной изъ самыхъ маленькихъ извѣстныхъ ему древнихъ церквей. Это обстоятельство, а также то, что «церковь-памятникъ еще при жизни своего строителя царя и самодержца не имѣетъ двора для своего священника и стоитъ безъ пѣнія»,—приводятъ въ большое недоумѣніе г. Шемякина и онъ добавляетъ: «Неужели великій князь не позаботился, чтобы въ церкви была постоянно служба».

И именно то, что смущаетъ г. Шемякина, именно это приводитъ меня къ предположенію, что церковь, характера большой часовни, была здѣсь поставлена повелѣніемъ Великаго Князя Іоанна III, быть можетъ вскорѣ послѣ битвы, именно на костяхъ. Такъ какъ мѣсто было не заселено, то часовня была приписана къ другому приходу. Заселеніе произошло значительно позже, поэтому въ болѣе древней переписи Шелонской пятины за 1498 г. о Велебицѣ не упоминается. Естественнымъ является названіе появившагося у памятника великой битвы поселка «Велебица». Когда появился поселокъ предполагать трудно, но представляется возможнымъ пріурочить его ко времени послѣ переписи 1498 г., и къ этому, кажется мнѣ, не будетъ особыхъ возраженій.

Н. Печенкинъ.

---

*) Докл., читан. въ Спб. Археол. Инст. 6-го марта 1905 г., стр. 3.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. IV.

Извлеченіе изъ протокола засѣданія за 1851 г., стр. 5, § IV. Сообщеніе Р. Г. Игнатьева изъ Старой Руссы съ приложеніемъ нѣсколькихъ рисунковъ изъ которыхъ часть издана здѣсь же на стр. 13—15 въ приложеніи 2, въ которомъ изложено сообщеніе.

Старинные доспѣхи, найденные въ сопкахъ Новгородской губерніи.

«...Въ 1848 г., въ Велебицахъ, близъ Псковского шоссе, крестьяне этого села срыли большую сопку, препятствовавшую запашкѣ ихъ поля. Въ сопкѣ найдено было множество разнаго рода стариннаго оружія, доспѣховъ и металлическихъ издѣлій. Часть ихъ распродана была въ разныя руки, а мелкія вещи пошли на перековку у жителей села, занимающихся кузнечнымъ ремесломъ.

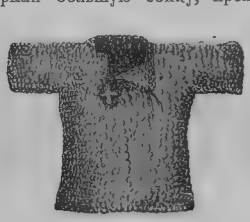


Рис. 1.

Вотъ примѣчательнѣйшія изъ находокъ:

1. Двѣ кольчуги, желѣзныя, сдѣланныя въ видѣ русской рубахи съ косымъ воротомъ. Одна вѣсомъ 14, другая въ 18 фунтовъ.

Первая имѣетъ снизу прорѣзъ спереди и сзаду, и стоячій воротникъ, который застегивался продернутыми сквозь кольца тесьмами.

Вторая кольчуга примѣчательна по желѣзному кресту, прикрѣпленному къ вороту, который застегивался повидимому проволокою.

Рис. 2.

2. Стальной полированный шишакъ остроконечной формы. Наличникъ также стальной, прикрѣпленъ двумя небольшими кольцами и гвоздиками съ стальными шляпками. Съ тыла козырекъ для защиты отъ удара, прикрѣпленный такими же гвоздиками. Этотъ шишакъ вѣроятно литовскій.

3. Русскій стальной шлемъ съ сѣткой изъ желѣзныхъ колецъ, закрывающей спереди глаза (длина 2 вершка) и сзади затылокъ (дли на 4 вершка). Подобные были находимы и на Куликовомъ полѣ.

4. Стальной полированный шишакъ довольно сложнаго устройства: на тульѣ находятся выпуклые равнобедренные треугольники, основаніями своими опирающіеся на выпуклые полукружія. Козырекъ прикрѣпленъ къ околышку четырмя гвоздями съ большими шляпками по сторонамъ и двумя меньшими гвоздями по серединѣ. Наушники держатся на петлѣ, прибитой двумя гвоздями къ околышку; въ серединѣ наушника сердцевидная выпуклость, прибитая 8-ю гвоздиками. Сзади козырекъ. Вѣсомъ этотъ шишакъ 4 1/2 фунта. Также не русскій.

5. Полированный стальной нагрудникъ, вѣсомъ въ 8 фунтовъ, съ полукруглыми выемами около шеи и мышцъ.

Эти доспѣхи, древность которыхъ не весьма глубока, потому что онѣ относятся

Рис. 3.

Рис. 4.

къ эпохѣ борьбы Новгорода и Пскова съ Литвою и меченосцами, принадлежатъ нынѣ нѣкоторымъ любителямъ древности въ Новгородской губерніи.

На берегахъ Шелони, не разъ служившимъ полемъ битвъ, видно много сопокъ и часто находятъ также разные доспѣхи. Здѣсь, въ одной изъ сопокъ найдена была сабля желѣзная, вѣсомъ въ три фунта, съ желѣзной же рукоятью въ кожаномъ эфесѣ (sic) *), къ которому придѣланы въ двухъ мѣстахъ мѣдные бляхи съ кольцами; немного ниже рукоятки, на эфесѣ (sic) *), находится военная арматура, составленная изъ копій, знаменъ, барабановъ и пр. Судя по арматурѣ, это издѣліе европейское, вѣроятно шведское.

Въ селѣ Свинордѣ, также близъ Шелони, на плитномъ приломѣ, найденъ былъ стальной мечъ обоюдоострый, длиной безъ рукоятки 1 аршинъ 3 1/2 вершка, а съ рукояткой 1 аршинъ 6 вершковъ; вѣсомъ 2 фунта 6 золотниковъ. Рукоятка деревянная, обтянутая черной лаковой кожей; на вершинѣ ея вдѣлано любопытное мѣдное украшеніе, изображающее птичій клювъ»...

---

*) Вѣроятно «ножнахъ». Примѣчаніе Н. П.

Битва на Шелони 1471 г. іюля 14-го *).

Отчетъ Н. Е. Бранденбурга объ изслѣдованіи предполагаемаго мѣста Шелонской битвы.

Побѣда, одержанная войсками Іоанна III надъ Новгородцами, рѣшившая, какъ извѣстно, участь Великаго Новгорода, совершилась гдѣ то на лѣвомъ берегу р. Шелони, по указанію историковъ, близъ селеній Сольцы и Мусцы около впадающей въ Шелонь рѣчки Дряни, т. е. приблизительно верстахъ въ 30-ти отъ озера Ильменя. Предводитель отряда московскихъ войскъ, князь Холмскій, слѣдуя отъ селенія Коростыни съ береговъ Ильменя на соединеніе съ псковичами и приблизившись 14-го іюня къ Шелони, встрѣтился здѣсь съ многочисленной конной ратью новгородцевъ (отъ 30—40.000 чел.), прибывшей сюда же по другую сторону рѣки и, несмотря на большое неравенство силъ, такъ какъ съ нимъ было всего 5.000, отважился на переправу и нападеніе на непріятеля.

Воодушевленное примѣромъ своихъ воеводъ, первыми кинувшимися на коняхъ въ р. Шелонь, московское войско вплавь перебралось на другой берегъ и дружно ударило на новгородское ополченіе, въ составѣ котораго находилось много разнаго неопытнаго въ военномъ дѣлѣ сброда. По свидѣтельству исторіи, сраженіе продолжалось недолго и было рѣшено ударомъ татарской конницы, зашедшей въ тылъ новогородцамъ, послѣ чего послѣдніе понесли полное пораженіе и были разсѣяны, потерявъ до 12.000 человѣкъ, павшихъ въ бою и погибшихъ во время преслѣдованія.

Руководствуясь изложенными данными, являлось весьма интереснымъ попытаться найти мѣсто описаннаго сраженія, которое надо было отыскивать на лѣвомъ берегу Шелони, нѣсколько ниже вышеупомянутыхъ селеній Сольцы и Мусцы **).

---

*) Рукопись находится у Н. М. Печенкина.

**) Селенія эти замѣчательны еще тѣмъ, что жители ихъ даже во время царя Федора Іоанновича состояли въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ и занимались спеціально станочнымъ и колеснымъ дѣломъ для нашей древней артиллеріи.

Къ сожалѣнію, однако, ни мои справки въ старыхъ межевыхъ планахъ въ Новгородѣ, ни личные поиски и разспросы въ окрестностяхъ тѣхъ же селеній не могли навести на слѣдъ существованія гдѣ-либо здѣсь сказанной рѣчки Дряни, столь необходимой въ данномъ случаѣ, безъ которой вопросъ о самомъ мѣстѣ битвы не могъ быть разрѣшенъ съ точностью, и такимъ образомъ, въ дальнѣйшихъ поискахъ оставалось основываться исключительно лишь на мѣстныхъ преданіяхъ. Изъ разспросовъ по этому поводу выяснилось, что центромъ подобныхъ преданій является лежащая на лѣвомъ берегу Шелони, верстахъ въ семи ниже селенія Мусцы деревня Велебицы или Вельбица, самое названіе которой мѣстными жителями производится отъ словъ «веле биться» или «велія битва» и къ которой преданіе пріурочиваетъ мѣсто Шелонскаго сраженія. Дѣйствительно нельзя не указать, что въ ближайшихъ окрестностяхъ у поминаемой деревни группируются обращающія на себя вниманіе обстоятельства. Такъ, верстахъ въ пяти выше Велебицы, въ лѣсу на Шелони находится родъ небольшого земляного вала (до 20 саженъ длиною), который народная легенда называетъ могилой богатыря, здѣсь жившаго и павшаго отъ руки другого богатыря же вслѣдствіе происшедшей между ними ссоры; а около упомянутой могилы стоитъ курганъ, въ которомъ якобы положена желѣзная шапка убитаго. Въ легендѣ этой, конечно, нѣтъ ничего фактическаго, но въ данномъ случаѣ важно ея основаніе, ибо, быть можетъ, въ ней именно выразилось глухое народное представленіе о борьбѣ двухъ могучихъ соперниковъ: Москвы и Новгорода.

Еще выше по тому же берегу Шелони (у дер. Егольника) находится каменная часовня, построенная уже въ давнія времена на мѣстѣ стоявшей здѣсь еще ранѣе деревянной, причемъ происхожденіе послѣдней приписывается одному изъ царей Іоанновъ (III или IV), здѣсь останавливавшемуся.

Ниже Велебицы (у дер. Песочка) находится на береговомъ кряжѣ возвышеніе, носящее названіе Городка, гдѣ въ прежнее время разливомъ Шелони вымывалась цѣлая масса человѣческихъ костей, а нѣсколько далѣе лежитъ громадный камень, на которомъ высѣченъ едва уже замѣтный нынѣ крестъ. Наконецъ, въ самой Велебицѣ при постройкѣ дома для школы было обнаружено въ землѣ также присутствіе огромнаго количества человѣческихъ костей, а при лежащей въ близости усадьбѣ находится большой курганъ, хорошо сохранившійся, съ остатками рядомъ другого, но почти уже уничтоженнаго.

Все это въ общей совокупности побудило меня произвести здѣсь пробныя развѣдки, именно вскрыть курганъ близъ усадьбы и сдѣлать раскопку въ «могилѣ богатыря», но обнаружить чего-нибудь замѣчательнаго не удалось. Одинъ курганъ по раскопкѣ оказался древней бытовой могилой, заключавшей въ себѣ нѣсколько обломковъ человѣческихъ костей и родъ каменнаго помоста въ подошвѣ (столь свойственнаго вообще славянскимъ могильнымъ насыпямъ въ окрестностяхъ Ильменя), другой же—находившійся, какъ уже сказано, близъ вышеупомянутой «могилы богатыря»—найденъ уже разрытымъ въ давнее время, причемъ очень вѣроятно, что именно къ нему можетъ пріурочиваться любопытное сообщеніе, напе-

чатанное въ «Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Общества (1852 г. Т. IV), что крестьянами близъ села Велебицъ было въ 1848 г. вырыто изъ одного кургана множество древняго оружія. Съ своей стороны, могу прибавить, что, судя по описанію нѣкоторыхъ подробностей этой важной находки, небольшая часть ея поступила въ Новгородскій музей, а отсюда перешла въ нашъ Артиллерійскій, гдѣ и находится въ настоящее время въ составѣ его коллекцій.

Такимъ образомъ, относительно Шелонской битвы вопросъ остался не вполнѣ выясненнымъ по причинамъ, впрочемъ, совершенно не зависящимъ.

Списокъ источниковъ и принятыя сокращенія.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Императорскою Археографическою комиссіею. Томъ двадцать первый, вторая половина. Книга Степенная Царскаго родословія, часть вторая. Спб., 1913 г.	Книга Степенная.
То-же. Томъ двѣнадцатый. VIII. Лѣтописный сборникъ именуемый Патріаршею или Никоновскою лѣтописью. Спб., 1901 г.	Никоновская лѣтопись.
Новгородскія Лѣтописи (такъ названныя Новгородская вторая и Новгородская третья лѣтописи). Изданіе Археографической комиссіи. Спб. 1879 г.	Лѣтописецъ Новгородскій.
Софійскій Временникъ или Русская лѣтопись съ 862 г. по 1534 г. Издалъ Павелъ Строевъ. Часть вторая,—съ 1425 г. по 1534 г. Москва, 1821 г.	Софійскій Временникъ.
Псковская лѣтопись, изданная на иждивеніе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Московскомъ университетѣ М. Погодинымъ. Москва, 1837 г.	Псковская лѣтопись.
Лѣтописецъ, содержащій россійскую исторію отъ $\frac{6714}{1206}$, до $\frac{7042}{1554}$ лѣта, то есть до царствованія Іоанна Васильевича, который служитъ продолженіемъ Несторову лѣтописцу. Печатанъ въ Московской типографіи 1784 г.	Продолженіе лѣтописи Нестора.
Новгородскія писцовыя книги, изданныя Археографическою комиссіей; томъ четвертый. Переписныя оброчныя книги Шелонской пятины. I. 1498 г. II. 1539 г.—III. 1552—1553 г.г. Спб., 1886 г.	Переписная оброчная книга Шелонской пятины.
Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ, сочинена князь Михайломъ Щербатовымъ. Томъ IV. Часть II.—Отъ начала царствованія Великаго Князя Іоанна Васильевича, до царствованія внука его, царя Іоанна Васильевича, проименованнаго Грозный. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ, 1783 г.	Щербатовъ.

Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ неусыпными трудами черезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная покойнымъ тайнымъ совѣтникомъ и Астраханскимъ губернаторомъ, Васильемъ Никитичемъ Татищевымъ. Книга пятая, или по сочинителю часть четвертая Древней Лѣтописи Русской. Москва, 1848 г. — Татищевъ.

Новое Ядро Россійской Исторіи, отъ самой древности россіянъ и до дней благополучно нынѣ царствующаго Императора Александра Перваго, на пять періодовъ раздѣленное. Писалъ Иванъ Нехачинъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Часть вторая. Москва, 1809 г. — Ив. Нехачинъ.

Новгородская Исторія. П. И. Сумарокова, бывшаго новгородскаго губернатора. Въ двухъ частяхъ (съ двумя планами), 1815 г. Сообщилъ Дѣйствительный Членъ Архимандритъ Леонидъ. Москва, 1890 г. — Сумароковъ.

Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Томъ VI. (Ежемѣсячное приложеніе къ журналу «Сѣверъ» за іюнь). Спб. 1892 г. — Карамзинъ.

Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга первая. Томъ I—V. Второе изданіе. Товарищества «Общественная Польза». Спб. — Соловьевъ.

Н. И. Костомаровъ. Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга третья. Томы VII и VIII. Сѣверорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада (исторія Новгорода, Пскова и Вятки). Спб., 1904 г. — Костомаровъ.

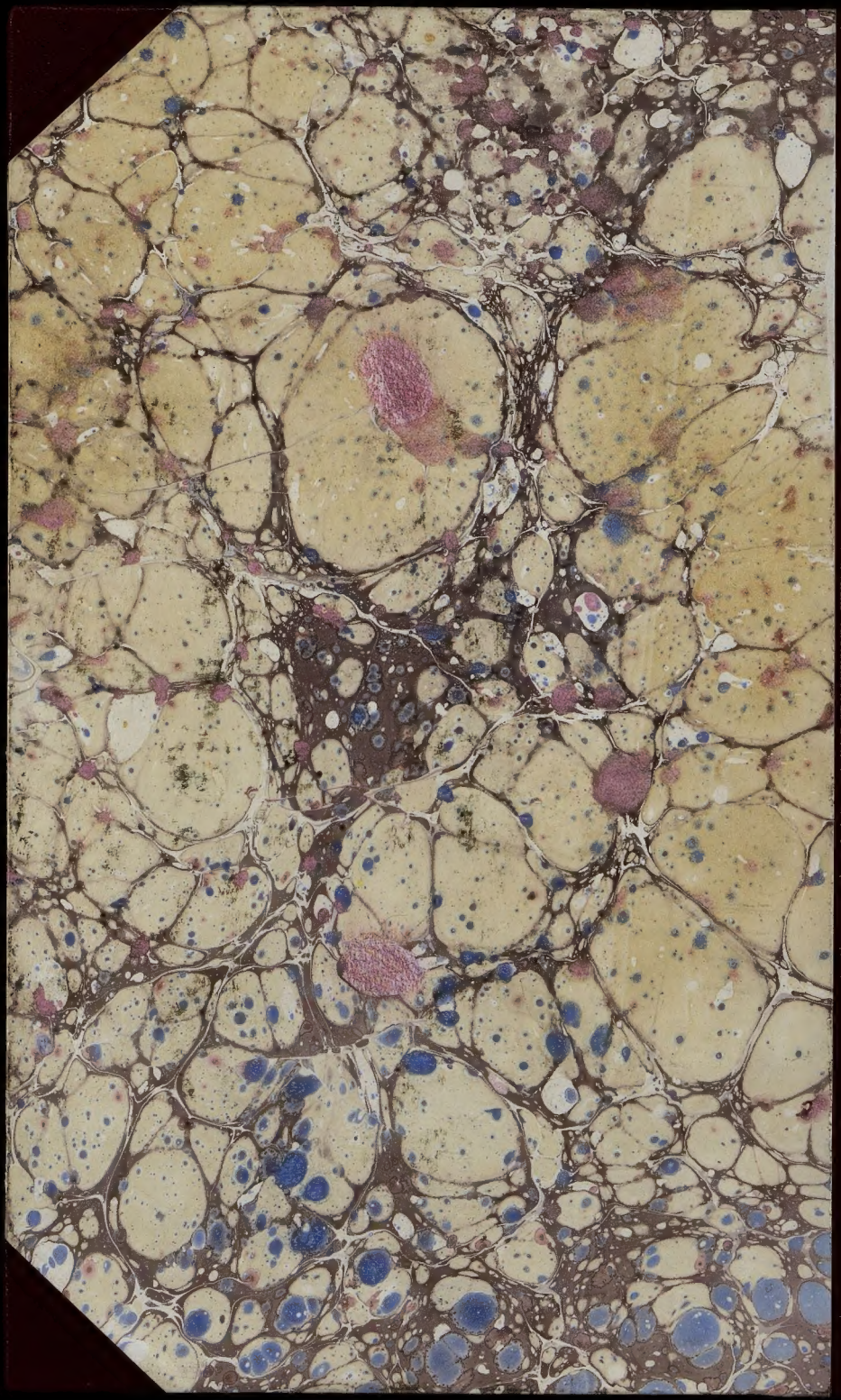
Иловайскій, Д. Исторія Россіи. Томъ второй. Московско-литовскій періодъ, или собиратели Руси. Москва, 1884 г. — Иловайскій.

В. Ключевскій, проф. Курсъ Русской Исторіи. Часть II. Москва, 1906 г. — В. Ключевскій.

Голицынъ, Н. С., князь. Русская военная исторія. Часть вторая. Отъ Іоанна III до Петра I. Спб., 1878 г. — Голицынъ.

Петровъ, А. И. Русская военная сила. Исторія развитія военнаго дѣла отъ начала Руси до нашего времени. Съ рисунками одеждъ и вооруженія, картами, планами сраженій и укрѣпленій. Томъ I. Москва, 1897 г. — Петровъ.

Русская Исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей. Подъ редакціей профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. II. Москва.

Статьи:

П. Смирновъ. Москва въ XIV и XV вѣкахъ.	Павелъ Смирновъ.
А. М. Гнѣвушевъ. Паденіе Великаго Новгорода.	А. М. Гнѣвушевъ.
В. И. Пичета. Образованіе территоріи Московскаго государства.	
В. И. Пичета. Литовско-русское государство.	В. Пичета.
А. Баіовъ. Курсъ исторіи русскаго военнаго искусства. Вып. I. Спб., 1909 г.	А. Баіовъ.
Никитскій, А. И. Военный бытъ въ Великомъ Новгородѣ. XI—XV ст. (историческій очеркъ. «Русская Старина», 1870 г., мартъ).	А. И. Никитскій.
Н. Д. Чечулинъ. Іоаннъ III Васильевичъ, Великій Князь всея Руси. Очеркъ жизни и дѣятельности. Спб., 1894 г.	Н. Д. Чечулинъ.
Книга, глаголемая Большой чертежъ, изданная по порученію Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ Дѣйствительнымъ Членомъ Общества, Г. И. Спасскимъ. Москва, 1846 г.	
К. А. Неволинъ. О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ. Москва, 1853.	
К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія. I. Спб. 1872.